

1-й э. с. фонда

750 742
91411-22
Р. 32.
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОТДЕЛ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ
ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р.К.П. (вольшев.)—ИСПАРТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПОЖАЛОВАНО
49945
ОК
РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ЮНОШЕСТВО

ИЗ ПРОШЛОГО
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
УЧАЩЕЙСЯ И РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

СБОРНИК I

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ УЧАЩИХСЯ
СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПЕТЕРБУРГА.

1905 — 1917 г.г.

Общая редакция Редакционной Коллегии Истпартга

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

ПОЖАЛОВАНО
1931



СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Предисловие.

II. К истории петербургского средне-школьного движения 1904—1909 г.г.

1) Яковлев, Николай, — «Из воспоминаний реалиста»	9
2) Неслуховская, Татьяна, — «Воспоминания гимназистки»	52
3) Новин, Юр., — «К воспоминаниям Т. Неслуховской» (архивная справка)	62
4) Шидловский, Георгий, — «Из ученических воспоминаний» (отрывки пережитого)	72
5) Афанасьева, Анна, — «Воспоминания о прошлом»	92
6) Афанасьева, Анна, — «Из дневника гимназистки, 1907—1909 г.г.» (отрывки)	104

III. К истории петербургского средне-школьного движения 1912—1917 г.г.

1) Закс, Григорий, — «Семен Рошаль в подполье» (из воспоминаний о 1912—1915 г.г.)	112
2) Новин, Юр., — «Примечания к воспоминаниям Гр. Закса»	121
3) Ильин (Женевский), Александр, — «Воспоминания о межуниверситетской организации 1911—1912 г.г.»	125
4) Новин, Юр., — «О витмеровцах» (архивная справка)	136
5) Ильин (Женевский), Александр, — «Еще о витмеровцах»	159
6) Гришанин, В. Д., Моникайнец, Е. А., и Отроженков, Н. А., — «Петергофский социал-демократический ученический кружок» (воспоминания)	171
7) Ковнатор, Рахиль, — «Накануне „Февраля“» (отрывки из воспоминаний)	178

IV. Приложения.

A. 1905 год и петербургские учащиеся.

1) Гнесин, Григорий, — «Красные дни русских музыкантов» (воспоминания ученика С.-Петербургской консерватории о 1905 году) .	193
---	-----

	Стр.
2) Новин, Юр., — «Из записной книжки ученика 4-го класса Охтенского технического училища А. Пертмана» (1905—1907 г.г.) .	206
3) Варнашев, Николай, — «Примечания к запискам А. Пертмана» .	208

Б. 1917—1919 г.г. и петроградские учащиеся.

1) Дрязгов, Григорий, — «К истории движения учащихся средне-учебных заведений Петрограда в 1917—1918 г.г. — О. С. У. З. при партии социалистов-революционеров и Р. Л. К. С. М.» . .	210
2) Шидловский, Георгий, — «Страница из истории движения петроградских учащихся-коммунистов» (1918—1919 г.г.)	223

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Нельзя говорить о революционном движении рабочей молодежи, как о самостоятельном, особом, движении.

Тем более нельзя говорить так о революционном движении учащейся молодежи — учащихся технических школ и средне-учебных заведений.

Само собою разумеется, что в рядах учащихся в годы царизма был небольшой процент детей пролетариев. Средняя школа, как и высшая, была для детей буржуазии.

И если эти учащиеся, выходцы из других классов общества, участвовали все же в революционном рабочем движении, то это были одиночки.

И не все эти одиночки впоследствии, окончив учебные заведения, остались верными рабочему классу — борцу за социальную революцию. Многие из этих одиночек впоследствии ушли в стан врагов пролетариата.

Рабочая же молодежь в годы царизма, благодаря условиям политического режима, растворялась среди своего класса, никак не выделяясь в политическом отношении.

Положение рабочего класса в России тогда было таково, что некогда и нельзя было думать особо о подроске-рабочем.

Учащаяся молодежь средне-учебных заведений была в иных условиях существования и положения. Знания были к ее услугам, пути жизни во многом открыты.

Размах рабочего революционного движения отражался на средней школе.

И только лучшие из лучших в среде учащихся этой школы не мирились с тогдашней затхлой учёбой и с обстановкой этой учёбы, и с общим положением трудящихся и рвали нити, связывающие их с семьей, школой. Они шли в ряды рабочего класса, помогать ему в его титанической борьбе за свое освобождение, помогать словом, полученным в подпольных ученических организациях, знанием, делом, работой на революционном поприще.

В дни революции 1905 — 1906 г.г. учащиеся средне-учебных заведений забурлили, всколыхнутые ветром революционной бури.

Реакция утишила их порывы. И только те из числа их, кто впитал в себя идеологию пролетариата, остались на посту и пошли рука об руку с пролетариатом, с кем сроднились духом, не будучи родными по крови.

* * *

Ленинградский Истпарт, издавая настоящий сборник, отмечает, что сборник не представляет из себя законченной работы истории революционного движения учащейся молодежи средне-учебных заведений.

Этот сборник — лишь попытка с одной стороны, поднять занавес над прошлым революционной молодежи, *социал-демократической молодежи*, пополнившей потом в известной доле ряды и Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (большевиков) и Российской Коммунистической Партии (большевиков), а, с другой стороны, Ленинградский Истпарт стремился дать в сборнике исторический и прочий материал, основанный на документах и воспоминаниях участников указанного революционного движения, — дать картину революционного прошлого.

Настала пора, когда и можно и нужно сказать о том, что думала, переживала и делала в недалеком проклятом прошлом революционная рабочая и учащаяся молодежь.

Имея эти знания, легче написать, например, историю Российского Ленинского Коммунистического Союза Молодежи и правильно объяснить, как и почему часть учащейся молодежи пошла с Октябрьской революции 1917 года вместе, плечо с плечом, с рабочей молодежью и в рядах Российской Коммунистической Партии (большевиков), на пути к коммунизму.

Принято думать, что только с дней Февральской революции 1917 года началось массовое революционное движение и рабочей и учащейся (трудовой по своему социальному составу) молодежи. Это ошибка.

Не началом этого революционного движения будет и революция 1905 года.

В общем — размах борьбы рабочего класса двинул вперед революционное движение рабочей и учащейся молодежи.

Октябрь 1917 года, пролетарская революция и победа пролетариата убедили рабочую и трудовую учащуюся молодежь в том, что она должна массово и организованно своими самостоятельными революционными организациями участвовать в этой борьбе и быть достойной сменой борцам за социальную революцию, взрослым рабочим — отцам и братьям этой молодежи.

Материалы, помещенные в этом сборнике, говорят сами за себя.

И если эти материалы касаются 1905 — 1916 г.г., то это только потому, что, благодаря инициативе некоторых, ныне живых, участников движения революционной учащейся молодежи средне-учебных заведений указанных годов, у Ленинградского Истпарта оказались эти материалы, по возможности, сверенные им по документам.

Революционная рабочая и учащаяся молодежь настоящего времени уже приступила к учёбе, к изучению прошлого, и не бесполезно будет ей раскрыть перед собою страницу ее революционного прошлого.

В сборнике говорится о *петербургской* революционной социал-демократической учащейся молодежи средне-учебных заведений и о работе этой молодежи в рядах рабочей молодежи.

* * *

В приложениях к настоящему сборнику даны четыре заметки, характеризующие влияние революционных событий 1905 года вообще на петербургскую учащуюся молодежь и характеризующие влияние на нее революционных событий 1917—1919 г.г., отход большей ее части в ряды контр-революции, а меньшей — в ряды борющегося пролетариата.

Эти приложения еще ярче подчеркивают сказанное выше о зависимости революционного движения учащейся молодежи от борьбы рабочего класса за коммунизм.

* * *

Обращаем внимание читателя, что Ленинградский Истпарт совместно с Ленинградским Истмолем, выпустил в свет выпуск 1 сборника — «Ленинское поколение», материалов и воспоминаний за 1917—1918 г.г. по истории массового революционного движения рабочей молодежи Ленинграда и по истории Социалистического Союза Рабочей Молодежи, превратившегося в ноябре 1918 года в Российский Ленинский Коммунистический Союз Молодежи.

Выпускаемый же в свет выпуск 1 сборника «Революционное Юношество» (из прошлого социал-демократической учащейся и рабочей молодежи) является как бы прологом к выпуску 1 сборника «Ленинское поколение».

К ИСТОРИИ ПЕТЕРБУРГСКОГО СРЕДНЕ-ШКОЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1904—1909 ГОДОВ.

Из воспоминаний реалиста.

Посвящается Р. Л. К. С. М.

I.

В 1904—05 г.г. радикальная и социалистическая молодежь старших классов петербургских средне-учебных заведений образовала весьма известный в свое время ученический «Северный Союз», который еще ждет своего историка ¹⁾. Я лично был тогда еще только в III классе реального училища и потому мои воспоминания могут характеризовать лишь то, что творилось на самой периферии движения. Начну буквально с самого зарождения, с самых первых детских впечатлений нашего политического бытия.

Едва ли не первым отражением начавшегося общего политического возбуждения страны в младших классах нашего первого реального училища была замена в традиционной

¹⁾ «В Петербурге «Северный Союз» попытался создать стройную, постоянную организацию, однако, встретил сопротивление со стороны ученических организаций с.-р. и с.-д., которые смотрели на него, как на буржуазный». (См. С. Знаменский — «Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905—1906 г.г. и их значение». Общий очерк и материалы (изд. в С.-Петербурге в 1909 г., страница 43).

В «Комсомольской Летописи» (сборник 1-й, посвященный истории пролетарского юношеского движения в России), изданной «Молодой Гвардией», Москва, 1924 г., 106 стр., помещена заметка о «Северном Союзе учащихся средних школ» (перепечатка корреспонденции от 11 марта 1904 г. из № 65 от 1-го мая 1904 г., «Искры», страница 8-я.) Об этой «Комсомольской Летописи» см. рецензию М. Черкасова в № 2 (25) за 1924 г. «Пролетарской Революции», органа Центрального Истпарта.

игре в «казаки-разбойники» разбойников — студентами. При этом вместо прежнего случайного деления, когда казаки переходили в разбойники и обратно, установилось деление постоянное на классовой основе: в казаки шли сыновья офицеров, чиновников, лавочников и т. п., в студенты — интеллигенция и так называемые «кухаркины дети», которых в нашем училище был значительный процент. На место прежней ловли на сцену выступили нагайки, весьма ощутительные, несмотря на то, что они выделялись из бумаги (в виде пилы), а то и прямо ученические ремни с медными бляхами. И, помню, «студенты» предпочитали лучше терпеть от этих нагаек, которыми их «на законном основании» угощали «казаки», чем переходить в черный стан. До самообороны же не могли додуматься.

Увлечение студенческим движением порождало порою курьезные споры вроде того, кем лучше быть: «свободо-мыслящими» или «свобододействующими» (известное в те времена деление бастующих и не бастующих студентов, особенно в петербургских университете и горном институте). Эти слова повторялись всюду, и вот иные, по наслышке, рассуждали у нас, что если «свободомыслящим» быть хорошо, то «свобододействующим» еще лучше — радикальнее! Приходилось разъяснять, что последние суть «штрейкбрехеры», блеснув при этом новым, только что входившим тогда в широкий оборот словом.

От зимы 1904—05 учебного года у меня сохранилась тетрадка, которая стоит того, чтобы ее подробно описать: вероятно, количество таких тетрадок исчислялось тогда по всей России тысячами. Обыкновенная, школьная тетрадка в синей обложке с белым ярлычком и надписью на ней: «III класс. Тетрадь для немецкого языка. Н. Яковлев», затем три листа, действительно исписанные немецкими упражнениями, — служили лишь прикрытием для сборника революционных песен и прокламаций. Между листами вложены соответствующие иллюстрации, главным образом, почтовые карточки с портретами популярных деятелей и картинами отдельных моментов революционного движения. Таким образом, мы сразу знакомимся и с тогдашним репертуаром, и с «иконографией», и революционно-партийной литературой в более или менее точном хронологическом порядке, ее проникновения в среднюю школу.

Так в тетради записаны последовательно: «Рабочая марсельеза» («Отречемся от старого мира...»), «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Варшавянка» («Вихри враждебные веют над нами...»), «Интернационал», «Погибшие братья! Вам вечный покой...», «Как во третьем отделении». Последняя песня, очевидно, записана со слов отца (он сам когда-то принадлежал к революционным кружкам 1885—1886 г.г.), остальные же распространялись в училище. Время распространения, повидимому, конец 1904 года или начало 1905 года, на что указывает непосредственно следующий за песнями отрывок из «Воззвания Георгия Гапона к петербургским рабочим и всему российскому пролетариату». Воззвание призывает солдат не идти на войну, и весь вообще народ — к вооруженному восстанию.

Характерно, что первым политическим документом в сборнике является это воззвание. 9-е января 1905 года — первое событие, и Георгий Гапон — первая фигура, привлечшие к себе всероссийское внимание. 9-е января можно считать началом революционного движения младшей, почти детской, России. Известно, что когда войска на Дворцовой площади дали залп поверх толпы, то с деревьев Александровского сада, как воробьи, только вниз, а не вверх, посыпались убитые и раненые ребяташки, и среди них было довольно много учащихся. Большую роль тут играло, конечно, простое любопытство, но нельзя отрицать и наличности значительной доли сознания. Из старших же учеников очень многие были в различных местах в толпе на площади с вполне определенными целями. Так один из деятельных работников «Северного Союза» и затем ученической социал-демократической организации, Владимир Курбатов, был ранен навывлет пулей, прошедшей между пальцами через всю кисть и вышедшей в локте, после чего рука осталась парализованной. Вскоре после 9-го января у нас в училище появились почтовые карточки с изображением расстрела манифестантов у Троицкого моста на Петербургской стороне и борьбы рабочих с казаками на Васильевском Острове (кажется, у оружейной фабрики Шаффа.)

За воззванием Гапона в тетради следует прокламация, подписанная «организацией партии социалистов-революционеров» учащихся средне-учебных заведений и направленная против «освободителей» и «социал-демократов» одновременно

(см. приложение 1-е.) Далее опять идут стихи: «Что ты спишь, дурачок?», «Красное знамя» («Слезам залит мир безбрежный...»), «Без суда нас осудили», — а затем «Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятая на 2-м съезде» и аграрная программа Р. С.-Д. Р. П. (из 6 пунктов.) Таким образом, влияние эс-эровское и эс-дековское проникали в общем параллельно.

Конец тетради весь занят стихами: «Смело, товарищи, в ногу»; «Ректор сам не понимает...»; «Песнь на 1-е мая» («Праздник светлый и свободный»), «Машинушка», «Рабочая песня» («Кто кормит всех и поит...»), «Призыв» («Вперед, вперед, призывный клич раздался...»), «Ах, ты, доля моя, доля...», «Первое мая» («Время не терпит, дружнее за работу...»), «Есть у нас в городке...». Чтобы покончить со стихами, добавлю, что в другой тетради того же времени нашлись еще записи песен и стихотворений: «На родине» («От павших твердынь Порт-Артура»), «Народовольческий гимн» («Смело, друзья, не теряйте...»), «Из страны, страны далекой...», «Дубинушка» 1-я («Много песен слышал...»), «Дубинушка» 2-я («По Руси святой жандармерии рой...»), стихотворение К. Бальмонта «Русскому рабочему», «Похоронный гимн Шмидту» («Еще один сильный товарищ-боец...»), подписанный инициалами «М. Б.». Одновременно с последним распространялся портрет лейтенанта-революционера Петра Шмидта, а также эс-эрки Марии Спиридоновой. Приведу еще в приложениях (приложение 2-е) одно стихотворение, ходившее у нас тогда по рукам, которого я в печати затем не встречал: «На баррикады», подписанное инициалами «А. Р.».

Таков был, приблизительно, наш репертуар революционных песен. Я потому так подробно останавливаюсь на нем, что знакомство с революционными песнями, распространение текстов и пение их было для большинства первым актом, выразившим их революционную настроенность. Главнейшие из этих песен ходили по классам в списках, пока мой товарищ, Борис Чугунов, большой мастер на всякого рода работы, не открыл собственной «типографии»: тут же в классе во время урока он писал на желтой полированной поверхности парты подправленными сахаром чернилами строчками задом наперед, давал минут пять подсохнуть и затем «печатал» до 10 — 12 оттисков за раз. Изготовленные таким образом тексты мы затем распространяли на переменах среди учени-

ков III и IV классов. В результате отчасти и этих наших полезных усилий весь наш второй этаж знал «Марсельезу», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу», «Погибшие братья», «Смело, друзья, не теряйте», «Интернационал». О последнем должен заметить, что он в то время был далеко не в таком ходу, как теперь, — факт, конечно, весьма характерный для революции, не чисто пролетарской.

Таким образом, стоило только затянуть кому-нибудь одному, чтобы хор немедленно составлялся. Другим актом революционности было хождение без форменного пояса-ремня, которым, вместо того, сложив его вдвое, весьма резко щелкали. Это пение и щелканье, со взрывами пистонов и изредка петард, встают сейчас в воспоминании каким-то основным, общим фоном ко всем событиям нашей училищной жизни второй половины 1905 года и первой половины 1906 года. Помню, поймав меня однажды за хлопаньем ремнем, с меня взял «честное слово», что больше не стану, наш добрейший помощник классного наставника Павел Иванович Быстров, избранный позднее в члены 1-й Государственной Думы от «Крестьянского Союза». Но «политика» оказалась сильнее «морали», — и вскоре он горько упрекал меня за несдержанность слова.

Надо пояснить, что это было как раз «во дни обещанных свобод» (кстати: пелось тогда на мотив «качелей» из «Веселой вдовы») и нашей собственной недельной «автономии», введенной группой радикальных учителей, которых мы, ученики, должны были поддерживать строгим соблюдением дисциплины. Мы и рады были поддержать, но события как-то против воли подгоняли нас, и стихия общего движения подхлестывала. На всем этом я и должен теперь подробнее остановиться.

II.

Начну с записи в своем «дневнике», первой и единственной, на которой он тогда был начат и закончен. Не такое было время, чтобы хоть в какой-либо мере заниматься собой, и я, помню, уже тогда довольно отчетливо сознавал это, рассматривая свой дневник скорее как материал для будущего. Так и оказалось. Описание тех же событий мы находим в книге Ал. Пиленко «Забастовки в средних учебных заведениях С.-Петербурга» (СПб., 1906 г., на стр. 77—80). И тогда же на основании своей записи я исправил допущенные в печати ошибки отметками на полях.

ДНЕВНИК.

1905 год.

«13-е октября. Был в училище. С самого утра носились подозрительные слухи: говорили, что в Андреевский рынок пришли рабочие, прогнали мелких торговцев и стали закрывать магазины, при чем вытаскивали из лавок несогласовавшихся их слушать сидельцев. Другие же утверждали, что рынок разграблен. Еще более усилил поднявшееся волнение уход троих учеников, за которыми прислали из дому, а также слух о готовящейся сходке старших учеников в актовом зале; она была назначена после третьей перемены, и я с Чугуновым условились идти туда. На уроке геометрии занимались переписыванием «Марсельезы», которую Чугунов раздавал потом на перемене ученикам IV-а класса (сами мы были в параллельном IV-б классе.) На втором уроке нас неожиданно выпустили, при чем сам директор приказал не собираться на улицах в толпы, а скорее идти домой. Так как в это время на плацу была сходка, то я с Чугуновым поспешно оделись и, обойдя с улицы, направились туда через ворота. Но мы опоздали: сходка уже кончилась. Тогда мы отправились домой. Подойдя к 8-й линии, мы увидели стоявших на углу старшеклассников, оживленно разговаривавших, и присоединились к ним; вскоре к нам стали присоединяться другие реалисты, и так набралась толпа человек в сорок—пятьдесят. Тогда один из старших, некто Цветков (Семен), взобрался на тумбу и сказал речь, в которой объявлял политическую забастовку до тех пор, пока не кончится забастовка рабочих, приглашал всех на митинги в 8½ ч. вечера этого дня в Горном (Институте) и в 2 часа (на другой день) в университете, и в заключение приглашал идти в Ларинскую гимназию для прекращения в ней занятий. Почти все согласились, и мы с пением «Марсельезы» отправились в Ларинскую гимназию (по 6-й линии между Большим и Средним проспектами). Здесь двери оказались закрытыми, но прибежавший на энергичный стук швейцар открыл их, и мы победоносно отправились к директору, который порядком струсил и вскоре сдался. Цветков произнес речь и затем мы вместе с «ларинскими» гимназистами отправились в VIII гимназию (по 9-й линии между Большим проспектом и набережной), а затем двинулись

в соседнюю Василеостровскую женскую гимназию. После долгих пререканий с директором и инспектором учениц, наконец, отпустили; мы построились шпалерами и очистили проход по лестнице. Более храбрые старшие ученицы пошли первыми, а затем и мы, убедившись в исполнении предъявленных требований. Вскоре к нам присоединились ученицы из Покровской женской гимназии (пришедшие, несмотря на отдаленность гимназии, — с конца Большого проспекта), и мы все вместе двинулись к гимназии Кебе, сопровождаемые порядочным количеством рабочих и множеством мальчишек. По дороге зашли в Песковскую женскую гимназию (угол Среднего проспекта и 6-й линии), но здесь успеха не имели, несмотря на все красноречие наших главарей. Сами ученицы отказались присоединиться к нам, а одна даже произнесла краткую речь, обозвав нас новорожденными младенцами в делах политики и предложив нам оставить их заниматься, а самим убираться вон. В гимназии Кебе (в Тучковом переулке между Средним и Волховским переулком) швейцар не хотел нас пускать; тогда мы решили послать трех выборных: от реального училища и от Ларинской и VIII гимназий. Кроме них, пошла еще какая-то отчаянная (в смысле растрепанности роскошных белокурых волос) «покровская» гимназистка, да я с Кривоноговым успели проскочить; остальных не пустили. После долгих пререканий начальство уступило и распустило учениц. Тут же мы узнали, что гимназии Филологическая, Шаффе, Видемана и Мая поспешили распустить учеников (все эти гимназии на Васильевском Острове.) Тогда мы начали баллотировать вопрос, куда идти: в V гимназию (в Коломенской части), в Морской корпус (на набережной Васильевского Острова) или на Петербургскую сторону, при чем решили в пользу последней. Здесь закрыли мы женскую торговую школу (угол Б. Спасской улицы и Большого проспекта) и отправились к Введенской гимназии (по Большому проспекту угол Шамшевой улицы.) Подходим — швейцар перед самым носом захлопывает дверь; только что собрались хорошенько на нее приналесть, чтобы высадить (как сделали мы в Василеостровской гимназии), как вдруг раздались крики: «Казачки! Казачки!» Только что успели выбежать обратно на панель (гимназия стоит немного отступя от улицы с небольшим садиком перед зданием), как к гимназии в самом деле подскакали, размахивая нагайками, казаки (больше 50) и конные

городовые¹⁾. Конечно, уже тут ничего не поделаешь; погнали нас, рабов божиих, вперед по Большому проспекту до Каменно-островского, откуда я и отправился домой. На митинги в Горном не был — не пустили²⁾. Вечером из училища принесли бумагу, в которой просили не ходить в училище впредь «до нового извещения».

III.

На другой день, 14-го октября, группа наших реалистов с учащимися других средних учебных заведений, а также взрослыми, студентами и рабочими пытались проникнуть в училище, чтобы устроить в нашем громадном актовом зале митинг. Их не пускали, толпа все же ворвалась, но была удалена полицией, вызванной директором Н. Н. Пашковским (прозвище «Холуй».)

25-го октября собрался педагогический совет, на котором группой молодых радикальных учителей, членов Всероссийского учительского союза, было выражено директору «недоверие».

26-го октября ученики были собраны по повесткам, но занятий фактически почти не было. У старших классов шли сходки, требовали удаления администрации. Это раскачало и остальную инертную часть педагогов, а также и родителей, более прогрессивная часть которых снарядила свои депутации. Директор и инспектор (И. А. Массальский) были вынуждены уйти.

Управление училищем перешло к педагогическому совету, ближайшим образом в лице упомянутой выше группы, в состав которой входили: В. А. Егунин, В. К. Иванов, Г. А. Лучинский, Э. Э. Лямбек, О. К. Нейман, Р. А. Теттенборн, А. И. Янович, с примыкавшими к ним А. П. Глебовским, Г. Г. Гобаром и А. К. Преображенским (известным до того чуть ли не мордобоем с учениками, но теперь притиравшимся к революции). Директором был избран известный преподаватель физики, автор учебника и задачника, С. И. Ковалевский, инспектором — А. И. Янович.

¹⁾ Сомнительно: были наверно или те или другие и вряд ли в столь большом количестве! Позднейшее примечание автора.

²⁾ Я жил тогда уже не в своей семье. Н. Я.

Педагогический совет находился в тесном контакте с учениками старших классов и, в частности, допустил их представителей на свои заседания. Три старших класса — V, VI и VII (дополнительный), образовали «Совет Старост» путем послышки в него двух представителей от каждого отделения (все классы у нас были параллельные). (Устав Совета Старост см. в приложении 3-м). Из числа наиболее видных деятелей должно назвать Всеволода Никитина, бывшего постоянным председателем на сходках; братьев Павла и Константина Пурмилен, одного из которых я помню, как хорошего оратора; вышеупомянутого Семена Цветкова (позднее судился на процессе с.-р. (максималистов), Николай Минина, Александра Соломонова, Артура Гасса, Андрея Зигеля, Никиту Навроцкого, вскоре затем нашего главного «химика» для «обструкций»; братьев Павла и Александра Ваничевых, Адама Младеновича, братьев Цабелей, Всеволода Аничкова, Сергея Заводского (позднее он был членом с.-р. университетской группы), братьев Романовских, Вячеслава Лукашевича, Александра Ежкина, Николая Фомина-Томского и др.

Младшим классам Советом Старост были даны руководители из числа своих членов, долженствовавшие разъяснять им смысл происходящих событий. Таким руководителем в нашем классе был Николай Минин, но я помню только одну его и то довольно бледную беседу. В результате ее выяснилась наша достаточная подготовленность, и IV класс был официально допущен на собрания «с совещательным голосом». Неофициально же и раньше многие из нас постоянно присутствовали на сходках.

ПОГАШЕНО

Наша «автономия» существовала всего неделю с небольшим. Ее история в миниатюре воспроизводит общероссийское положение того кратковременного периода, «когда начальство ушло». Но оно вернулось даже слишком поспешно.

3-го декабря занятия в училище вновь были прерваны — на этот раз уже по распоряжению министра народного просвещения и возобновились только 14 января 1906 года. За это время были удалены восемь человек из числа наиболее активных преподавателей; остались, во внимание к заслугам, только Ковалевский и Нейман. Директором назначен был

Н. В. Волков, довольно талантливый историк литературы Петербургского университета и преподаватель словесности в VII гимназии, презревший, однако, науку ради лавров средне-школьного Держиморды. Он сумел как-то сразу сконцентрировать на себе всю ненависть учащихся, так что за ним остались сравнительно мало замеченными: и новый инспектор, И. Д. Яковлев, человек с хитрецей, но довольно благодушный, и одиннадцать новых преподавателей, державшихся, правда, очень осторожно, или же таких глупцов, что к ним даже младшие классы не могли относиться серьезно.

Места уволенных учителей были объявлены Всероссийским Учительским Союзом под бойкотом, и ученики с энтузиазмом подхватили это постановление. В знак протеста вскоре был произведен ряд грандиозных «обструкций».

Как сейчас вижу пред собою высокую фигуру старшего В., стремительно летящего по коридору, крестя налево и направо рукою, при чем из рукава у него, как снаряды из дула орудия, вылетают одна за другою маленькие стеклянные баночки с раствором, кажется, серо-водорода. Рвет дверь встречного пустого класса (ученики в зале на «перемене»), бросает банку и неистово хлопает дверью, так что стекла сыплются. Когда я прибежал в свой класс и нагнулся к парте, со мной чуть не сделалось худо: «снаряд» ударил мне в открытую парту, и я прямо сунулся в нее носом. Портфель мой с книгами потом на морозе не мог выветриться несколько месяцев. А давно ли этот легендарный в те дни герой, Павел В., был просто отчаянным мучителем маленьких ребятшек, пробуя над беззащитными свою действительно незаурядную силу!? А после в «Лентовке» (гимназия Лентовской, куда собрались исключенные из петербургских средних школ) ему был дан высокий пост... буфетчика в ученическом клубе!

Вот другой «обструкционист» — пансионер Адам Младенювич. Встречаю его как-то бегущим по коридору со связкою книг, среди которых «Жизнь животных» Брэма и еще несколько, все в дорогих переплетах.

— Куда?!

— В Андреевский (рынок. *Н. Я.*) Деньги нужны... Обструкция!!

Парень жертвовал, очевидно, лучшим из того, что имел. Смутно представляется мне в роли непосредственного

участника обструкции Александр Соломонов, человек более идеологического склада: в то же время он был одним из видных работников Василеостровского района общегородской ученической социал-демократической организации (позже был, кажется, в университетской социал-демократической группе).

Во время обструкций, кроме разливания химических жидкостей, били прямо стекла в дверях и окнах, нашибая зараз рублей на семьсот. Портили, говорят, стены, мебель, но сам я этого не видал.

Младшие классы были всем этим совершенно терроризованы. Третьеклассники тянулись за нами; мы же, средние, усиленно помогали старшим: подсовывали на переменах в ученические чернильницы карбит-кальций, от чего чернила пузырями лезли на парты, распространяя довольно едкий запах. Чугунов потихоньку от домашних клал на ночь в горячую печку бутыль с накрошенной в воде редькой и получавшуюся довольно вонючую «специю» разливал на другой день по углам в коридорах и классах училища.

Новая администрация и педагоги усиленно боролись с обструкциями: следили сами, а на сторожке возложили определенно сыскные обязанности; немедленно принимали меры к очищению и освежению здания. Раз на лестнице перед квартирой директора, где жил и наш законоучитель, священник Виктор Смирнов, последний, схватив пожарную кишку, стал собственноручно смывать разлитую жидкость, но набежавшие ученики обратили его в бегство, забросав калошами, захваченными из шинельной (раздевальной).

В итоге до половины учеников старших классов было исключено совсем или до экзаменов, или же взято самими родителями для перевода в другие школы. Это несколько разрядило атмосферу, и занятия со второй половины февраля в общем пошли. Состоялись и выпускные экзамены. Но училище с тех пор приобрело славу второй по «терроризму» из всех петербургских средних школ (после Введенской гимназии, откуда выходили прямо в тюрьму). И слава эта, правда, не без наших дальнейших усилий, держалась настолько долго, что даже весной 1911 года, когда во время последней большой общестуденческой забастовки при Коалиционном Комитете формировалась Исполнительная Комиссия, меня приглашали, как своего рода «спеца», старого обструкциониста.

V.

Параллельно со всем этим в училище нашем шли занятия «кружка самообразования». Организатором его явился Борис Чугунов, подражавший в данном случае своему старшему брату Леониду, у которого собирались его товарищи введенцы (Владимир Курбатов, Аскинази и др.) Надо сказать, что и другие члены нашего кружка в большинстве имели перед собою благие примеры старших: у Сергея Аничкова был старый эс-дек дядюшка, а брат — членом нашего Совета Старост; у Сергея Алферова — двоюродный брат был в эс-эрах — боевиках, у Сергея Куликова старший брат тоже именовал себя эс-эром, у Николая Шундера и Николая Кривоногова родители были сочувствующими, Геннадий Малышев был сыном весьма известного тогда художника на революционные темы ¹⁾, брат же его был, кажется, повешен.

Первоначально, еще до возникновения кружка, Борис являл из себя ярого эс-эра и в таком духе сам один составлял и сам же печатал на гектографе журнал. Но в кружке уже начались дебаты о том, кем лучше быть: эс-эром или эс-деком? При чем «лучше» означало «радикальнее». Большинство тяготело к эс-эрству и анархизму, но роль большевиков в московском вооруженном восстании уже заставляла задумываться. И публика принялась лить пули для своих охотничьих берданок для предстоящей, — в чем никто не сомневался, — стрельбы из окон, если не прямо с баррикад.

Эти дебаты да выработка устава отняли много времени. Устав (см. приложение 4-е) явился результатом сводной работы над двумя проектами (одного — Аничкова и Чугунова, другого, кажется, Малышева), представленными кружку в гектографированном виде и подвергшимися обсуждению в ряде заседаний, при чем я, главным образом, вносил различные редакционные поправки, в результате чего и был назначен секретарем с передачей мне материалов на окончательную редакцию. Так они у меня и остались. Хотя целью

¹⁾ Например, на почтовых открытках распространялись картины Малышева: «Песнь о соколе», изображающая человека с типично интеллигентским лицом, в белой одежде, привязанного к столбу и охваченного огнем костра, с надписью сверху: S. K (т.-е. социалист-революционер); «Что делать?», изображающая молодого рабочего, стоящего в раздумьи у окна перед столом с разбросанными бумагами и недопитым стаканом чая, — на стене портрет Карла Маркса.

кружка объявлялось «самообразование во всех его видах» путем «совместного чтения... беллетристики параллельно с критикой, а также политических и научных произведений», но беллетристика с критикой были сразу же отброшены, как пережиток старых писаревских времен. Обратились к научной литературе и здесь во второй раз столкнулись с вопросом о политической экономии. Первоначально о ней был особый специальный пункт в проекте Аничкова — Чугунова, но он был исключен по настоянию анархо-эс-эровского большинства. Теперь им предложили выдвинуть свои теоретические пожелания, но таковых не оказалось. Таким образом, кончили все-таки политической экономией по Богданову («Краткий курс экономической науки»).

Первые два раза читали, кажется, Чугунов и Аничков. Сошло сносно. Но следующее, мое, очередное чтение не удалось, благодаря провокационному поведению большинства. Тогда я просто завладел книгой для себя, благо Борис с Сергеем уже успели прочесть ее, а остальные вообще не проявляли намерений серьезно заниматься, пробавляясь больше мелкими политическими брошюрами в популярных тогда изданиях: «Молота», «Колокола», «Донской Речи», «Нового Мира» и др. Из них у нас составила значительная библиотека, переданная затем в училище и там еще приумноженная при посредстве отчасти моем, отчасти одного нашего учителя, доктора П. Г. Мезерницкого, читавшего нам «экономическую географию» (жена его, Софья Ивановна Мезерницкая, была эс-дечкой-меньшевичкой и работала в Выборгском партийном районе).

Вместо неудавшегося самообучения путем коллективного чтения, решили прибегнуть к руководству. При этом, благодаря ли отсутствию надлежащих связей у наших анархо-эс-эров или благодаря вообще их теоретической беспомощности, кружок попал в сферу влияния ученической социал-демократической организации. От нее к нам были делегированы сначала Борис Книпович, бывший всего один-два раза и оставивший серьезное, но сухое впечатление, а затем Вегер (он же Герберт), ведший довольно живо занятия в течение полутора-двух месяцев. Читал он нам, конечно, политическую экономию. Некоторые из нас писали рефераты.

В том же первом полугодии 1906 года произошла ликвидация «Северного Союза» на двух больших собраниях

в Военно-Медицинской Академии и Электротехническом Институте. Было постановлено перейти к партийным организациям, что, собственно говоря, лишь оформляло и без того уже существовавшее деление. Наш кружок оказался в социал-демократической организации, «при чем, хотя соби-рался на Петербургской стороне (на квартирах «сочувствова-вших» родителей Чугунова, Аничкова, Алферова и Шундера), но был отнесен по месту нахождения нашего реального училища к Василеостровскому району. Собрания района про-исходили у вышеупомянутого нашего реалиста, Александра Соломонова. В него входили представители от Ларинской и VIII гимназий и женских—Покровской, Василеостровской и Шаффе.

VI.

Осенью 1906 года в университете происходило общее собрание всех ученических районов и кружков для выборов представителя в Петербургский Комитет Российской Социал-демократической Рабочей Партии (тогда «объединенный», т.-е. состоявший из большевиков и меньшевиков.) На собрании этом было человек 250. Были выставлены кандидатуры «введенца» Владимира Курбатова, делегата X гимназии Григория Вейнбаума (кличка «Валентин») и представительницы Константиновской женской гимназии Татьяны Неслуховской (все трое—большевики). После того, как «Валентин» снял свою кандидатуру, был избран Курбатов.

Этими выборами была закреплена связь с Петербургским Комитетом партии, после чего, кажется, организация и полу-чила свое официальное название «Организация рабочих и учащейся молодежи при П. К. Р. С.-Д. Р. П.» После этого собрания деятельность прежних районов прекратилась, при-чиной чему, вероятно, послужило значительное сокращение числа членов нашей организации в виду окончания старшими учениками средних учебных заведений. Наши три заречных района были стянуты в один—Василеостровско-Выборгский, с штаб-квартирой на Петербургской стороне (по Б. Гребецкой улице между Б. Пушкинской улицей и Большим проспектом) у члена организации от гимназии Лентовской — Федора Кваскова.

В ту же осень я связался с Выборгской социал-демокра-тической боевой группой. Собрания происходили, главным образом, у члена нашей организации от 3-го реального учи-

лища Константина Олофа (по Нюстадской улице близ Ломан-ского переулка.) На них бывали Бобков (товарищ Олофа по 3-му реальному училищу) и несколько молодых рабочих. На одном из собраний присутствовали делегаты из Могилева, запомнился один—низкий, широкоплечий, курчавый, в форме железнодорожного техника: он делал доклад о положении на месте и предлагал оружие. Насколько помнится, группа эта не имела конкретных боевых заданий, заняты были вопросом об общей техниче-ски-организационной подготовке пролета-риата к предстоящему вооруженному восстанию.

Я не считаю себя призванным писать историю нашей «Организации рабочих и учащейся молодежи при П. К. Р. С.-Д. Р. П.» После смерти нашего признанного лидера, всеми любимого товарища «Валентина»—Григория Вейнбаума (рас-стрелянного в 1919 году в Красноярске чехами генерала Гайды в качестве товарища председателя губисполкома), а также Федора Кваскова (погибшего летчиком на германском фронте),—это должны теперь сделать Евгений Пашуканис (лен-товец) и «Наум» Андиевич (от VIII гимназии.) Они вместе с Осипом Левинсоном (вскоре получил три года арестантских рот по другим делам), Вегером-«Гербертом», Борисом Книпо-вичем, «Андреем» (откуда все эти четверо были, не знаю), Татьяной Неслуховской (от Константиновской гимназии), Вла-димиром Курбатовым (от Введенской гимназии), Владимиром Олофом (от 3-го реального училища), Примом Тимофеевым, Владимиром Городецким, Сергеем Дианиным (все трое от XI гимназии),—представляли собою первоначальный кадр руководящих работников, будучи прежде всего и годами старше прочих. Более молодыми были: 1) «Жорж»—Георгий Сафа-ров, от II реального училища, 2) «Шило»—Георгий Шид-ловский, от Ларинской гимназии; 3) «Кирилл-большевик» — Кирилл Саввантов, от V гимназии; 4-5) Михаил Гродзинский (носивший, как прусский подданный, кличку «Генос» — т.-е. товарищ, *der Genosse*) и Андреев, от VIII гимназии; 6) Зенон Лушник от V гимназии: «раб Зенон», употребле-вший в организации для посылок, а впоследствии разобла-ченный революцией в 1917 г. известный провокатор «Мед-ведь»; 7-8) таганцевские гимназистки¹⁾ Юлия Эйгер и Лиза

¹⁾ В Центральный Комитет нашей организации входила еще от кружка таганцевской женской гимназии членом, под кличкой «Митя», Анна Афанасьева, дочь рабочего, ученица этой гимназии.

Таль; 9-10) от нашего 1-го реального училища, кроме меня с Борисом, входили Александр Яргин (из Екатеринбурга, где партийно работала его старшая сестра) и Аркадий Хухрин¹⁾.

Нарисую здесь картину «большого дня» в нашей ученической организации, например, соединенного заседания с эс-эрами для прений по аграрному вопросу.

Знаменитая квартира на Гребенцкой улице, которую знали в то время, кажется, все, кому надо и не надо было. Большая четырехугольная комната с очень низким потолком. Окна выходят прямо на панель, но плотно затянуты темными занавесями. В дальнем углу наискосок от двери, у одного из окон за большим столом со стоящей на нем средних размеров керосиновой лампой сидят: хозяин — тихий светловолосый «Федор», жизнерадостный, черный, как жук, «Евгений», серо-стальной Б. Книпович, неизменный портфель которого сегодня особенно толст. Влево от стола, куда еще хватает свет лампы, колоритная фигура «Геноса» в малороссийской вышитой рубашке с густейшей шапкой бархатистых черных волос на опущенной голове. За ним по стене в полумраке смутная масса форменных гимназических фигур, из своих и гостей. Ближе к двери Владимир Городецкий с маленьким востроносим «Зеноном». Посреди комнаты красочное пятно: гость, высокий белокурый эс-эр с волосами до плеч и в русской красной рубахе чуть не до колен, разговаривает с румяной, темноволосой, неизменно живой и веселой, Татьяной Неслуховской. Мимо них взад и вперед ходит рыжий горбоносый Рафаил Варшавский. У правой стены — наши островитяне-реалисты и маленький остроглазый «Шило» с своим другом, мешковатым и ряболицым «Кириллом-большевиком». Ближе к двери фояль, за которым сидит зеленоглазый, со светлыми волосами, причесанными «а ля христос» и с большим мягким отложным воротничком, меньшевик Сергей Дианин... Время начинать, но ждут «Валентина». Вот хлопает дверь, и ... являются двое его оруженосцев, со связками книг, которые и раскладывают не без торжественности на столе. Наконец, вот и сам он, наш «Валентин», невысокий, черный, пуши-

¹⁾ В кавычки заключены партийные клички по ученической организации членов Центрального Комитета ее.

столовый, с веселым блеском искрящихся темных глаз, неукротимый спорщик и диалектик, готовый в течение целого вечера являть изумленному миру искусство цитировать.

VII.

Возвращаюсь к нашему училищу.

В 1906-07 учебном году борьба за автономию против нового начальства, продолжавшего считаться у нас под бойкотом, перешла к нашему классу. Самые старшие, VI и VII классы, были совершенно обессилены многочисленными исключениями и уходами. Более того, оставшаяся часть учеников в них была определенно реакционно настроена («желаем заниматься!») и с нескрываемой враждебностью встречала не только какие-либо выступления, но и всякое вообще проявление общественных интересов. Между тем наши кадры, прошедшие подготовительную школу предшествующего года и вполне сохранившиеся, были еще пополнены переводами из других учебных заведений.

Первый, сентябрь, месяц учебного года прошел выжидательно, хотя наступательная политика администрации сразу же определилась: требовали строгого соблюдения формы в одежде, т.-е. ношения курток и ремней взамен вошедших тогда в моду черных сатиновых рубашек-косовороток с подпояской пнурком; дежурных сделали ответственными за поведение класса, т.-е. прежде всего за пение, хотя бы даже и не революционных песен, каковое у нас при обилии вокальных талантов попрежнему процветало. Правда, эти таланты скоро стали настолько известны, что начальство, уже издав заслышав пение, безошибочно писало в книжечку определенные фамилии. Хуже для него обстояло дело с рисунками, которыми наши художники обычно украшали классные доски. Так упомянутому выше законоучителю, священнику Виктору, ученик Исаев нарисовал такого Сатанаила, что батя чуть не осенил себя крестным знамением. Но виновный, как ни доискивались, выдан не был.

В начале октября был удален преподаватель немецкого языка О. К. Нейман, «замешанный» в прошлом году, но очевидно временно оставленный впредь до «успокоения». Теперь с ним свели счеты. Ответом явилась небольшая прокламация группы учеников (написанная, кажется, Л. Пушкиным), поме-

ченная 11 октября и призывавшая к протесту (см. приложение 5-е). Затем произошла обструкция, но довольно незначительная, так что после свежей памяти январских-февральских обструкций особого впечатления не произвела. Начальство, может быть, приняло это за доказательство слабости и продолжало натягивать вожжи. Между прочим стали строго преследовать за опаздывания на уроки, хотя многие у нас жили за городом, например, в Лигове, на Удельной и т. д. Тогда решено было всем классом (нашим V-б отделением) поддержать товарищей.

Трусливым одиночкам класс разрешил в тот день совсем не приходить, остальные же коллективно опоздали на четверть часа. Дело было строго организовано: на всех мостах — Николаевском, Дворцовом, Биржевом, Тучковом и в различных местах Васильевского Острова были расставлены пикеты; собравшиеся на них затем одновременно сошлись на углу Большого проспекта и 12-й линии, и все, построившись в пары по росту — самые высокие впереди, ниже — позади, — торжественно продефилировали, гремя тридцатью парами сапог, через парадный вход, шинельную, все лестницы, до нашего верхнего третьего этажа и весь коридор до самого конца, где находился наш класс, мимо удивленных швейцаров, сторожей, помощников классных наставников и повскакавших с мест учеников других классов. Прибежавшему директору спокойно объяснили, что мы хотели только обратить его внимание на положение некоторых из наших товарищей. Директор потряс бородой (откуда и кличка — «Козел») и вышел. В результате для некоторых было действительно сделано исключение и в нашем и в других классах. Зато при выдаче второй четверти (т. е. ведомости отметок) на рождестве всему классу оказалась сбавленной отметка за поведение.

Во втором полугодии оба отделения нашего V класса выступили с коллективным письмом директору Волкову. Содержания его я не могу воспроизвести, так как мы, эс-деки, участия в его составлении не принимали, считая всю эту затею оппортунистической. И оказались правы — никакого ответа не последовало. Тогда приступили к решительным действиям.

В появившейся вскоре прокламации, призывавшей к новому протесту, говорилось об «единстве», взывалось к «товарищескому духу» учащихся (см. приложение 6-е). Но

коллективному выступлению предшествовал индивидуальный акт Владимира Маркова, подложившего нечто вроде адской машины или наливной бомбы в шкафчик с пожарным рукавом на верхней площадке черной лестницы около уборной, как раз за стеною нашего класса. Дело было в первый или второй урок, пришедшийся — случайно или нет, не помню, — все на того же нашего священника Виктора. Для немногих посвященных останутся, пожалуй, незабываемыми те пять минут ожидания, когда Марков, отпросившийся выйти, вернулся в класс. Здоровенный детина, с солидными усиками, имевший тогда, как шутили, уже жену с ребенком, вернулся несколько бледный и с трясущимися руками. И вдруг за стеною ахнуло! Священник, подобрав полы, чуть не бегом устремился из класса. Мы выбежали за ним. Прервались занятия и в других классах. Директор явиться не рискнул. На площадке во время взрыва случился служитель, которому вылетевшей из шкафчика дверцею ударило в спину и затем снесло с третьего во второй этаж. Но особых разрушений не было (бомбочка была слабая), побиты были только стекла в окнах и дверях. Маркова исключили из училища, хотя прямых доказательств против него не было.

Вскоре затем произошла и химическая обструкция. Перед нею пришлось пережить тоже несколько томительных минут, когда во время урока сзади вдруг выпала и с шумом разбилась о пол электрическая лампочка. Передним показалось, что это выпала одна из баночек из стола наших анархистов на «Камчатке» (задние ряды парт), где хранился главный запас. Испугались, что обструкция будет сорвана!... Затем на перемене многочисленная рать исполнителей по строгому плану и так ловко разбросали баночки, что никто не был пойман, а занятия пришлось прекратить. Участвовали все партии — эс-эры: Александр Исаев, Михаил Малышев, Андрей Петелин, Петр Пойтелинг, Алексей Сомов, анархисты: Николай Черняев и Роберт Розенстрем, эс-эро-поляк Виктор Рукевич и наши, с.-д. — Борис Чугунов, Александр Яргин и я. Исключенным из училища в связи с этим делом оказался только один Исаев, которого определенно подозревали, но только спустя две-три недели нашли возможность придраться, поймав с папиросой. Но всему классу опять сбавили за поведение и в конце года лишили наград. Я потерял при этом свою первую и единственную «первую степень»,

пришедшуюся, несмотря на все события, как раз в этот год. Но характерно, что даже из моих товарищей по первоученичеству, людей вполне «добропорядочных», никто не пожалел о потерянных наградах: до того силен был даже и в них зловредный «дух товарищества».

VIII.

Новый, 1907-08, учебный год не принес по началу особых изменений. Попрежнему подлежал бойкоту директор Волков, оказавшийся интересным преподавателем словесности, но от того еще более ненавистный, как ренегат от науки, продавшийся реакции. Силы у нас остались почти те же, потому что на место исключенных из нашего отделения в других классах выдвинулись временно отошедший Леонид Пушков, которого мы догнали в VI классе, и переведенный откуда-то в VII класс Иван Помухин. С их помощью можно было организовать уже Совет Старост из представителей трех отделений (отсутствовал VII-б класс), доведя число делегатов от каждого класса с прежних двух до четырех.

Выборы были произведены по классам по спискам, которые прошли, кажется, без возражений. Таким образом, были избраны: от VII-а класса — Иван Помухин, Александр Ассман, Александр Козлов и Михаил Чистяков; от VI-а класса — Леонид Пушков, Сергей Горбунов, Иван Красиров и Александр Качевский; от нашего, VI-б класса — Михаил Лушин, Виктор Рукевич, Борис Чугунов и я. Дальнейшее конструирование было поручено уже нам самим. Организационное собрание для выработки устава происходило на квартире у нашего старого товарища Сергея Аничкова, перешедшего еще в 1905 году в гимназию Столбова, но не утратившего с нами связи. Кому принадлежал проект устава — не помню. Я секретарствовал и вносил поправки, и материал остался у меня на окончательную редакцию (см. приложение 7-е).

Как видно из устава, цели Совета Старост были в сущности оборонительно-боевые: «обновление и преобразование» школы сводились прежде всего к «защите интересов» и «борьбе со злом» в виде «неудобного подбора лиц, стоящих во главе» администрации, т.-е. все того же Волкова, продол-

жавшего пользоваться доверием министерства народного просвещения несмотря на почти двухлетние беспорядки и волнения в училище. Это было выражением общей потребности освободиться во что бы то ни стало от человека, ставшего в наших глазах каким-то символом всей торжествующей реакции. Но довести борьбу до конца могла только небольшая группа активистов, которую — в виде пятерки Исполнительного Комитета — и прикрывал в сущности пленум Совета.

Но тут на помощь Волкову пришла настигшая нас, наконец, волна реакции. До тех пор в нашем училище — да можно бы и вообще сказать, во всей нашей петербургской средней школе — настроение было вполне твердое в смысле уверенности в близком торжестве революции. От 2-й Государственной Думы ждали, что она объявит о созыве Учредительного Собрания. После разгона Думы 3-го июня ждали всенародного вооруженного восстания. И только когда к концу года окончательно выяснилось, что на ближайшую поддержку народа нет надежды, таившееся до тех пор подспудно упадочническое интеллигентское настроение вышло наружу. В школе началась эпидемия самоубийств и знаменитое «огарчество» (половое хулиганство.)

Хотя самыми крайними «разочаровавшимися» были в сущности люди наименее зачарованные революцией, т.-е. наименее сознательно ее пережившие, но все же революционная молодежь понесла в ту пору большой урон. Так и в нашей среде произошло два самоубийства. Как-то совершенно бессмысленно покончил с собой младший из братьев Ваничевых, способный (он перегнал классом старшего), здоровый, красивый юноша. Сидя в веселой компании, он заспорил с кем-то из товарищей, что смерть не страшна, и в доказательство тут же выстрелил себе из револьвера прямо в сердце. Об этом было много разговоров в училище, на меня же, помню, это тогда произвело впечатление какого-то чистого саморазрушения большой силы, не находившей себе здорового выхода. Еще более трагический случай на почве уже настоящего отчаяния от крушения революции имел место в самой нашей социал-демократической организации: внешне столь спокойный боевик Олоф поехал на Лахту, сел на взморье на край проруби, спустив ноги в воду, и разрядил себе в рот разом оба ствола охотничьего ружья.

Об «огарках» я знаю только по-наслышке. Помню лишь, что на мое предложение вступить в наш училищный с.-д. кружок некий К. ответил контр-предложением вступить в кружок «уранистов» и, видя мое недоумение, снисходительно пояснил, что речь идет о педерастии. Настоящих же «огарческих», т.-е. соединенных с женщинами, я ни одного кружка не знаю. Зато обыденный разврат расцветал. Одного из членов нашего бывшего «кружка самообразования», купеческого происхождения, старший братец, некогда «октябрьский» эс-эр 1905 года (на манер «мартовских» в революцию 1917 года), а теперь просто торговавший в лавочке, — свел к проституткам. Двое великовозрастных, оставших в тот год от нашего класса, один — сын купца, другой — помощника пристава, стали регулярно ездить к одной одиночной проститутке, прихватывая с собою третьего компаньона, совсем мальчишку, но богатого маменькиного сынка, оплачивавшего расходы. Помню — правда, много позднее — один характерный разговор в среде самих наших лидеров. Я решительно высказывался против проституции по мотивам идеологического порядка и настаивал на единобрачии в смысле соблюдения чистоты до выбора одной определенной женщины.

— А, чорта ли, в твоей невинности! Шубы из нее не сошьешь! — отвечал мне один из товарищей при молчаливой поддержке остальных.

Правда, как весьма «интересный» юноша, он тогда уже, кажется, пользовался благосклонностью замужних дам из категории узаконенных проституток. Но остальные?!...

Развитию флирта способствовало само начальство устройством балов в нашем огромном актовом зале. На них продавала билеты и программы «сама» балерина Карсавина, за которой посылались на автомобиле наши самые изящные кавалеры.

— На трупах павших товарищей будете танцевать! — вопияли, бывало, узнав об очередной вечеринке, наши анархо-эс-эры, воздымая кулаки и взмахивая шевелюрой (последнее — из уцелевших «завоеваний» революции).

Но затем и сами, по окончании уроков, сдвинув на бокренъ фуражку-блин и выпустив из-под нее с правой стороны кок (волосы), что делало их похожими на юнкеров, — отправлялись к подъездам Покровских, Василеостровских, Петровских и иных женских гимназий, находившихся хотя бы

в диаметрально-противоположном направлении от их местожительства.

Неподверженные соблазнам Венеры отдавали дань Бахусу. «Папаша» К. со своим столь же солидным по возрасту соседом по парте обсуждали обычно сравнительные достоинства рябиновок, спотыкачей и т. п. и, помню, были однажды очень приятно удивлены, когда я, твердокаменный, обмолвился каким-то случайным замечанием о вишневке. Один из старост-пансионеров (не нашего отделения) умудрялся даже во время урока с архи-солидным видом подходить к своему шкафику за классной доской и, крикнув, прикладываться к бутылочке. Но больше всего процветало, конечно, пиво. У пансионеров завелась даже собственная пивная с задней комнатой, где-то на 16-й линии Васильевского Острова. Значительно позднее, правда, одна, весьма радикальная некогда, компания совершала своеобразные экскурсии — обходы пивных из конца в конец Большого проспекта Петербургской стороны, при чем далеко не все из путешественников достигали цели благополучно.

Некоторые, наконец, всецело предались спорту. Так Марков, вскоре после исключения из училища, стал известным футбольным «беком» и ездил даже за границу в петербургской сборной футбольной команде (впрочем, он и ранее был чемпионом-велосипедистом.) Из наших эс-деков вышел очень хороший «бек» Хухрин. Впрочем, на спорт мы все смотрели положительно, и я сам играл (хоть и скверно) на осенних футбольных состязаниях ОСФРУМ (об-ва содействия физическому развитию учащейся молодежи.) Позднее, познакомившись и работая вместе с одним студентом-технологом, Евгением Петерсом, по первомайским делам, я все никак не мог отделаться от впечатления, что где-то раньше видел его. И он все присматривался ко мне. И только, еще позднее, будучи высланными из Петербурга и живя неподалеку друг от друга, мы выяснили, что и он в тот год играл против меня в футбольной команде Тенишевского училища. Наша футбольная команда даже славилась своею дисциплиною, сыгранностью, дружной «пассовкой», благодаря которым в ней не уживались некоторые очень талантливые игроки-индивидуалисты, привыкшие сами водить мяч в одиночку. Значит, и здесь в своем роде сказывался все тот же «дух товарищества». Процвели и различные виды гимнастики, французской борьбы и т. д.

В атмосфере подобных настроений, хотя бы еще только зарождавшихся, боевые планы поневоле задерживались в своем окончательном оформлении. Уже во втором полугодии помню устроенное явочным порядком собрание Совета Старост в VI-а классе: на большой перемене двое дюжих пансионеров забаррикадировали дверь своими шкафами, и мы в количестве десяти-пятнадцати человек минут десять о чем-то совещались, а затем разошлись, не будучи переписанными. Но о чем собственно был разговор, сейчас не помню; кажется о выборах Исполнительного Комитета, пятерки, каковые, однако, не состоялись, потому что всякие конкретные разговоры были бы теперь не конспиративны. Наконец, Леонид Пушкив сам предложил себя в исполнители. Человек искренний и притом довольно неврастеничный, он, как сам говорил, чувствовал себя точно обреченным идти за своими ближайшими товарищами, которые все были ранее исключены. И потому вызвался лично дать пощечину директору Волкову. Дело происходило перед началом урока, когда коридор опустел и мы трое — Помухин, Рукевич и я, — стоя невдалеке, видели, как Пушкив сперва что-то быстро и горячо говорил молчавшему, по обыкновению, директору, а потом ударил его по щеке. Тот, все так же молча, схватился за щеку и побежал к себе на квартиру. А там у него в это время умирал маленький сын! И сам он последние дни ходил не краше, чем в гроб кладут. Пушкива, конечно, немедленно же исключили, Волков же остался до конца года, хотя даже его соратникам неловко было на него смотреть.

На экзаменах я с Рукевичем, как признанные литераторы, без сговора решили устроить ему последний бенефис, написав сочинения на заданные им темы. Рукевич взял тему: «Прав ли был Жуковский, сказавший на могиле Карамзина:

Ей молится Россия верный сын,
И будит в нем для дел прекрасных силы
Святое имя Карамзин.

Начал, кажется, с эниграммы Пушкина:

Его истории изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастия
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

и кончил так, что чуть не был лишен аттестата. Я же взял другую тему: «О подражании в жизни народов и его преде-

лах» (кажется, один из всех я и писал на нее), — и писал не столько о подражании, сколько о его пределах, полагаемых диалектикой общественного развития, давая этому материалистическое классовое объяснение. Но, к удивлению, получил даже похвалу, что приписал невнимательности да обычно хорошему отношению Волкова к моим сочинениям за хороший слог. В тот год как раз он даже предлагал мне выйти из училища и держать сразу за два класса, почти гарантируя успех на экзаменах. Но я это принял за желание отделаться под благовидным предлогом от одного из нежелательных элементов.

Дальнейшая судьба Волкова была совсем жалка. Его перевели в Новгород, где его опять били по лицу, как мы читали в газетах. Молодежь безжалостно мстила в его лице подлому союзу науки с мракобесием, который во всероссийском масштабе представлял тогда профессор — министр народного просвещения Шварц, как позднее Кассо.

В том же VI классе имел место один эпизод — «славянский». Восстание Боснии и Герцеговины против австрийского владычества вызвало запись добровольцев у сербского посланника, д-ра Спалайковича. Рукевич — сам представитель угнетенной национальности — немедленно возгорелся и сагитировал меня. Я написал зажигательное воззвание к ученикам старших классов, после чего мне уже нельзя было отступать даже и ссылаясь на мой обязательный для эс-дека интернационализм. Отправились записываться Рукевич, Михаил Малышев, Петелин и я. Спалайкович жил на Невском проспекте над каким-то банком. Увидав вскоченного с шапкою на затылок Рукевича, за ним дюжего Малышева, за ним еще двоих стремительно поднимающихся вверх по лестнице, швейцар банка мгновенно захлопнул железную дверь решеткой. Принял за экспроприаторов! — У Спалайковича нас по каким-то причинам не записали.

Последний наш, 1908 — 09, учебный год прошел спокойно. Сражаться с новым директором И. Н. Шафрановским было бы уже дон-кихотством. В свою очередь и он относился к нам с большою осторожностью, зная и о Совете Старост вообще и членов его поименно, как проговорился под конец один из учителей. Но нас просто оставили в покое, даже когда мы устроили небольшой бунт по поводу дров (хозяйственная экономия!). Да и мы затем усиленно занялись

подготовкой к конкурсным экзаменам, благодаря чему и поступили в тот же год всем отделением — 17 человек, в высшие учебные заведения. Успокоение зашло настолько далеко, что двое из старост приняли даже участие в официальном училищном чествовании памяти Гоголя: Горбунов декламацией, я — чтением реферата, который был признан чуть ли не заслуживающим напечатания в «Журнале Министерства Народного Просвещения».

IX.

Закончу эти очерки отдельными замечаниями о нашей ученической социал-демократической организации. Повторяю, я не считаю себя призванным писать ее историю.

В начале 1907 года некоторые из наших принимали участие в предвыборной агитации во 2-ю Государственную Думу. При открытии ее все были у Таврического дворца, кое-кто получил удары казацких нагаек, мы с «Геносом» спаслись через забор на штабели дров лесного двора, что против Потемкинской. Один товарищ был с фотографическим аппаратом и пытался снимать, но городской ударом сапога обратил аппарат в кашу. На обратном пути на Литейном проспекте экспроприировали в одной лавочке кусок кумача, часть которого водрузили на конке, а другую понесли с собою в виде знамени. «Наум» был схвачен городовым за то, что назвал его «фараоном», но кто-то из товарищей ударил городского по шее, и, пока тот гнался за удиравшим, остальные затерли «Наума» в толпу.

Разгон 2-й Государственной Думы и последующее усиление реакции отнюдь не произвели на нас подавляющего впечатления. Пример Олофа был лишь исключением, подтверждающим правило: большинство бодро смотрело на будущее и только больше закалялось в желании работать.

В соответствии с общими директивами Центра о переходе к длительной и планомерной теоретической и культурно-просветительной работе в целях осмысления опыта предшествовавшей борьбы и воспитания широких рабочих масс для новых революционных битв — наша ближайшая задача определилась, как пропагандистская. Была выработана и даже отпечатана в типографии «Программа для кружковых занятий (элементарная)», которая отчасти могла служить целям само-

проверки, но так как большинством была давно уже выполнена, то предназначалась, главным образом, в качестве руководства для пропагандиста (см. приложение 8-е). Большинство из нас тогда уже серьезно работало над изучением «Капитала», «Антидюринга», сочинений Г. Плеханова. Некоторые начинали интересоваться определенными вопросами, из чего впоследствии выходили специальные исследования вроде университетской работы Б. Н. Книповича о дифференциации крестьянства. «Генос», помню, специально интересовался отношением марксизма к биологии, из-за чего собрался поступать на соответствующее отделение физико-математического факультета, но ему пришлось уехать в Германию отбывать воинскую повинность. Усиленно занимались языками, особенно немецким («Евгений», «Федор»), французским («Валентин»). Меня интерес к историческому материализму привел к занятиям латынью для поступления в университет, вопреки всем традициям семьи и нашего училища, где меня даже прозвали «ложно-классиком».

Очень много вообще обещал дать «Валентин». Вечно кипучий, он непрерывно гонялся по районам — сегодня на Выборгской стороне, завтра за Нарвской заставой, после завтра в Царском Селе — для занятий с кружками и борьбы с противниками эс-эрами и меньшевиками, по вопросам текущего момента и обще-теоретическим. Так же нещадно гонял он и других: раз как-то прислал ко мне чуть ли не в 12 часов ночи своего старшего брата студента с Ивановской (ныне Социалистической) улицы (он жил в I гимназии, где его отец служил кем-то) на Выборгскую сторону пешком (трамваев тогда еще не было), по делу, которое было совсем не срочным. И при всем том находил время и для своей личной серьезной теоретической работы и для удовлетворения присущей ему вообще жажды знания. Позднее, в университете, куда мы оба одновременно поступили на историческое отделение историко-филологического факультета, он готов был разом работать в нескольких семинариях и по древней, и по новой всеобщей и по русской истории ¹⁾. А сам разрывался в это время на части от настоящей партийной работы. Даже в предстоящем аресте, который неминуемо на-

¹⁾ В одном из сибирских воспоминаний о Г. С. Вейнбауме указывается, что он и в Сибири поражал товарищей прекрасным знанием дипломатической истории XIX века.

зревал, старался видеть хорошую сторону, надеясь, что это даст ему досуг для занятий: «за греческий язык вплотную засяду!»

Его перу, судя по прекрасному энергическому стилю, принадлежит прокламация Нарвско-Коломенского и Василеостровско-Выборгского районов нашей организации, выпущенная к 25-летию кончины Карла Маркса 1 — 14-го марта 1908 года (см. приложение к статье Г. Л. Шидловского). Печатали ее на гектографе, а затем и частично распространяли «Шило». Так, на одной из перемен у нас в 1-м реальном училище швейцар вдруг вызвал меня с Борисом в шинельную, говоря, что нас спрашивают какие-то гимназисты. Не понимая, в чем дело, мы поспешили туда, и перед нами предстали «Шило» с «Кириллом», повлекшие нас немедленно на угол Большого проспекта и 12-й линии, где и передали предназначенную нам порцию указанной выше прокламации. Вскоре затем Георгий Шидловский («Шило») получил уже настоящее партийное поручение: поехал в Новочеркасск с транспортом партийной литературы для партийной организации. Он был в это время уже исключен из гимназии за «политику».

Главную технику у нас воплощал в себе «Федор», позднее технолог, неразлучный друг Евгения, ставшего потом юристом Петербургского университета. Евгений вел кружки, интеллигентский — из гимназистов и реалистов нашего района, и рабочий — у печатников. «Андрей» работал среди белошвейек, «Жорж» — на Пороховых, «Шило» — среди приютских (технического образования) девушек в Гавани и в Ларинской гимназии среди своих товарищей, «Наум» успешно агитировал рабочих в мастерской своего собственного отца. Олоф едва ли не делал того же на прачешной фабрике своего отца или брата. Я, приходя по летам в соприкосновение с артелями строительных рабочих, вологодских плотников и витебских землекопов, старался внушить им, что их однодеревенцы, «старшие», в сущности безбожно их эксплуатируют, обесчечивают при расчетах, кормят тухлятиной и т. д., как заправские подрядчики. Раз, таким образом, с помощью двух приклучившихся случайно к артели городских рабочих и возникла забастовка, при чем «старшому» братану чуть не вылили на голову котел со щами.

Что касается нашего реального училища, то работа в нем была очень трудна в виду подавляющего числа эс-эров-максималистов. Мы, эс-деки, считались у них «правыми». Наша

литература, которую, главным образом, я распространял, шла с большим трудом, приходилось почти навязывать, не потому, чтобы у них было много своей литературы, но от того, что их, в свободное от обструкций время, больше всего занимала возня с револьверами. Помню одно характерное столкновение на этой почве с пансионером Хариным. Парень был совсем дикий, так что даже в ученическом оркестре мог «играть» только на турецком барабанае. Но, конечно, он был эс-эром, чуть ли не максималистом. Позднее он был исключен из училища и попал к Копылову (аналогичная Лентовской и Столбцовой гимназиям «свободная школа», но только для революционных лодырей и неуспевающих.) Не знаю, зачем было и обращаться к нему, но я тогда готов был никого не пропускать.

— На чорта мне твой Карл Маркс (речь шла об изложении 1-го тома «Капитала» Карла Каутского), — отвечал мне Харин. — Вот бы ты мне достал о постройке баррикад!

Я, конечно, по существу ничего не мог иметь против выпущенной в те времена большевиками брошюры — «Краткого руководства к тактике уличного боя». Вскоре она и появилась у нас в училище, при чем экземпляр ее был зачитан до дыр. Но в разговоре с Хариным меня взорвало это противопоставление Маркса баррикадам, когда вся моя обязанность пропагандиста именно в том и заключалась, чтобы доказать этим добрым, но дубиноголовым детям мелко-буржуазной стихии, что самый лучший, вернейший и кратчайший путь к победоносным баррикадам и лежит как раз через экономическое учение Карла Маркса. Я поругался и чуть не подрался с Хариным, назвав его «эс-эровским ослом».

В итоге нам с Борисом за все время удалось завербовать всего двух-трех человек и то почти номинально.

Если восстанавливать хронологию, то 1907 — 08 учебный год представляется мне временем наиболее дружной, интенсивной успешной работы нашей организации. В последнем, 1908 — 09, учебном году много сил приходилось тратить на борьбу с враждебными течениями в виде раскольных попыток Сергея Дианина, затем — ликвидаторства, к которому стали склоняться наши меньшевики, вроде Владимира Городецкого, и, наконец, — анархо-максимализма, в лице пресловутой в те времена революционной организации «Молодой России». Эта любопытная в своем роде организация имела так же много динамита, нитроглицерина и прочих

страшных вещей (на квартире на Черной речке), как мало народа; из троих вдохновителей этой организации двое, Нейман и Селезнев, оказались в связи с.-петербургской охранкой, а третий, Сергей Дианин, был тоже взят под подозрение и дважды судом впоследствии ¹⁾.

По моему глубокому убеждению, создавшемуся на основании встреч с Дианиным в разные годы и при разных обстоятельствах, вплоть до совместного сидения вместе в Спасской полицейской части в 1912 году, он не мог быть предателем. Но его идеи и взгляды были разлагающими. Очень культурный, хороший философ, математик и музыкант, и вместе с тем типичный маменькин сынок, он оставлял впечатление человека, совершенно отрешенного от жизни, почти «блаженного», по хорошему народному выражению, — чему еще способствовал его внешний вид «христосика». Он обладал способностью создавать какие-то абсолютно абстрактные построения, которые роковым и непонятным образом пленяли самую зеленую молодежь. Помню, уже позднее, в начале 1912 года, его доклад на квартире Владимира Городецкого на Екатерингофском проспекте ²⁾. Уши вянули слушать! А между тем, из всего этого вышел целый «Революционный Союз», с такими рьяными адептами, как Маруся Шкапская, Сергей Добровольский, Владимир Пруссак, Александр Ильин, Семен Рошаль, Николай Бакрылов, Леонид Витмер и другие (позднее некоторые из них судились по известному процессу «Витмеровцев»). Они поставили две-три образцовых типографии ³⁾,

¹⁾ Автор этой статьи, как он сообщает, забыл имена Селезнева и Неймана. В архиве же бывш. департамента полиции (политич. секция/ ленингр. отделения Центроархива) мы находим следующие сведения:

Селезнев, Владимир Николаевич, родившийся в 1886 г., был с.-р. максималистом и в 1909 г. состоял секретным сотрудником петербургского охранного отделения под псевдонимами: «Петровский», «Быстрицкий» и «Яковлев» (секретное дело особ. отдела Д. П. за № 363 за 1909 г.).

Нейман (имени нет), доктор, в 1911 г. из Вены предлагал деп-ту полиции свои услуги.

Дианин, Сергей Александрович, как сообщает начальник петербургского охранного отделения в 1912 г. в деп-т полиции на запрос последнего, — секретным сотрудником в охранном отделении не состоял (дело особ. отдела Д. П. за № 25, часть 657, за 1912 г., входящий № 5658).

Юр. Новин.

²⁾ См. приложение 9-е: нечто об «эстетическом» социализме, долженствующем сменить собою прежние виды «экономического» и «этического» социализма.

³⁾ Оставляю эти сведения на ответственности сообщившего мне их Владимира Пруссака (ныне покойного).

Н. Я.

развили колоссальную агитацию, даже ходили к депутатам Государственной Думы, с.-д. меньшевику Гегечкори и с.-р. Керенскому, предлагая им соединить обе думские фракции с.-д. и с.-р. и тем положить начало всероссийскому объединению всех революционных сил против правительства! Самого Дианина в это время с ними уже не было: он был арестован вместе с нашей с.-д. большевистской группой, проводившей 1-е мая, потом был выделен из жандармского списка за какую-то свою рукопись, судился и сидел в крепости. Но дух его витал над учениками. Когда я по освобождении из тюрьмы в конце 1912 года зашел к Ф. Ф. Ильину (Раскольникову), то младший брат его, Александр, видевший меня в первый раз, начал с того, что выложил мне полный комплект фотографий всех деятелей «Революционного Союза» с самим Дианиным во главе, прибавив, что такой комплект фотографий каждый из членов «Союза» всегда носит с собою! Я запротестовал против подобного вопиющего надругательства над основными правилами конспирации, а потом Ильин-старший мне же рассказывал, какой жестокий разнос учинил его брату какой-то неизвестный партиец! В этом маленьком случае, как солнце в капле воды, отразилась вся эта история, граничившая порою с фантастическим и безусловно подтверждавшая тезис Чернышевского о том, что действительность всегда превзойдет самое пылкое воображение.

К 1-му мая 1909 года, когда у всех нас шли выпускные экзамены, наша с.-д. ученическая организация выпустила листовку за подписью Ц. К. организации молодежи при Петербургском Комитете Р.С.-Д.Р.П. Текст ее принадлежал «Евгению», печатал на гектографе «Федор» (см. приложение 10-е). Поздно ночью, в первом часу, в парке Ратькова-Рожнова в Лесном, состоялась массовка, собравшая несколько десятков человек учащихся — гимназистов, студентов и молодых рабочих. Помню, перед началом собрания я выдержал спор с каким-то молодым рабочим-электриком, анархистом, который, явно рисуясь, нападал на социал-демократию за ее бесплодное теоретизирование, в то время как нужно было, по его мнению, начать немедленно бомбами разрушать старый мир. Собрание открыл «Евгений», но от волнения он не мог продолжать. Его место занял «Валентин». Как сейчас вижу его светлую в полумраке фигуру в гимназическом пальто (обычно он не носил его.) Глядя прямо перед собою своими глубокими

блестящими темными глазами, он со спокойною силою стал говорить о великом значении дня 1-го мая, о несокрушимой уверенности в победе, которая овладевает в этот день сердца пролетариев всех стран, и о твердой надежде всех нас, собравшихся здесь представителей молодежи, послужить делу освобождения русского рабочего класса.

И в ближайшие тяжелые 1909 — 10 г.г. члены нашей бывшей с.-д. ученической организации дружно делили революционную социал-демократическую большевистскую работу в Петербурге со всеми теми, кто стойко выдерживал правильную марксистскую, ленинскую линию против «ликвидаторов» и «впередовцев». После же арестов в 1910 году, ссылки в Сибирь на поселение Григория Вейнбаума, высылки за границу Евгения Пашуканиса, Федора Кваскова, Георгия Сафарова, Татьяны Неслуховской и др., остатки организации (вернувшийся в Петербург Георгий Сафаров, затем Георгий Шидловский, Владимир Городецкий, я и другие, сослужили свою службу в 1910 — 1914 и последующих годах в рядах Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) и в возникновении рабочей прессы.

Но это уже выходит за пределы настоящего очерка.

Николай Яковлев.

Приложение 1-е.

«В борьбе обрешь ты право свое».

В настоящий момент, когда вся общественная жизнь России пробудилась от долгой реакции 80—90-х годов, когда живые силы народа, таившиеся под ярмом самодержавия, сразу вылились наружу, когда все прогрессивные ¹⁾ (?) населения добывают себе право называться людьми — политически свободными гражданами — в такой момент и мы, учащиеся средних учебных заведений, не можем оставаться на положении одних только пассивных зрителей. Мы, как стремящиеся пополнить кадры революционной части нашей интеллигенции, не можем и не должны забывать той роли, которая принадлежит ей. Полагая с одной стороны, что последняя являлась и является носительницей интеллектуального и морального развития страны, с другой, признавая за ней способность воздействовать на исторический ход событий, мы, учащиеся, считаем своим нравственным долгом вырабатывать из себя борцов за экономическую и политическую свободу. Для этой цели необходимо организовать, как для взаимной материальной и моральной поддержки, так и в целях тактических. Пора всем сознательным элементам русского общества перестать сидеть между двумя стульями, пора перестать быть только либе-

¹⁾ Видимо, пропущено — «слои».

ралами. Необходимо ясно начертать свое социальное положение и идти к своему идеалу твердыми и решительными шагами.

Наш идеал — социалистический строй — тот общественный строй, когда путем изъятия и распределения из ведения частного интереса и замены последнего общественной регламентацией, будет достигнута свобода, равенство и братство. Не будет тогда бедных и богатых, не будет эксплуатируемых и эксплуататоров, не будет аристократов ума одновременно с тысячами, миллионами людей, которые своим интеллектуальным развитием немногим, может быть, отличаются от животных. И этот общественный строй — социалистический, повторяем, является нашим идеалом. Но этого мало. Надо стремиться к чему-нибудь — необходимо найти путь к достижению своей цели. Нам предлагают два пути. Один из них обрисован в программе социал-демократической партии, другой в программе социалистов-революционеров. Признавая, что партия социалистов-революционеров наиболее полно представляет интересы трудящихся масс, являясь выразительницей интересов не только индустриального и сельскохозяйственного пролетариата, но и многомиллионного трудового крестьянства; признавая, что, предполагаемая партией социалистов-революционеров, социализация земли, т.-е. изъятие ее из частной собственности и переход в общественное и (?) распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования, разрешая великую социальную проблему основания дохода на труд — существеннейшим образом, а не паллиативными средствами, поднимает благосостояние трудового крестьянства; признавая, что социализация земли, увеличивая покупательные силы крестьянства, тем самым создает могущественнейший внутренний рынок и выведет, следовательно, русскую промышленность на путь широкого развития; признавая, что пролетариат только при условии социализации земли в состоянии существеннейшим образом улучшить свою жизнь, вследствие уменьшения резервной армии в городах и усиления спроса на труд; полагая, наконец, в противоположность диалектическим материалистам, что история есть результат синтеза стихийного процесса и сознательного воздействия коллективностей и личностей — мы решительно встаем под красное знамя партии социалистов-революционеров. Поступая так, мы ни на минуту не забываем, что работа наша отныне среди учащих будет трудна. Многие из тех, которые раньше пошли бы к нам теперь, побоятся нас — социалистов и революционеров. Однако, оставляя в стороне расплывчатые освободительские идеалы, мы уже на школьной скамье вырабатываем из себя активных борцов за социализм. И мы обращаемся к вам, товарищи, — к тем из вас:

В ком к истине любовь свободна и сильна

И страхом за себя сознание не убито.

Довольно недомолвок! Довольно шатаний из стороны в сторону! С буржуазией или с трудящимися массами? Если с трудящимися массами, идите к нам, знакомьтесь с социализмом, знакомьтесь с программой партии социалистов-революционеров и с поднятым знаменем, в рядах партии социалистов-революционеров, мы вместе пойдем к победе! ¹⁾

*Организация партии социалистов-революционеров
учащихся средних учебных заведений.*

¹⁾ Воззвание это мною списано с оригинала, внешнего вида которого я совершенно не помню; но, очевидно, оно было технически не вполне совершенно, не везде разборчиво, как показывают некоторые места, отмеченные здесь при воспроизведении вопросительными знаками.

Приложение 2-е.

НА БАРРИКАДЫ!

Пытаясь ссылкой и тюрьмой,
 Нам всюду ставили преграды,
 Долой насильников, долой!
 На баррикады!
 Пасть за свободу, как герой, —
 Славней и краше нет награды...
 За мной, товарищи, за мной
 На баррикады!
 Кто встал под знамя к нам, тот — свой,
 Тот, помни, не давать пощады.
 В последний бой, в победный бой
 На баррикады! ¹⁾

А. Р.

Приложение 3-е.

УСТАВ СОВЕТА СТАРОСТ.

1) Институт Совета Старост составляется из представителей старших классов (начиная с V), выбираемых по отделениям — по одному старосте (и) по одному помощнику от каждого отделения.

2) Старосты выбираются закрытой баллотировкой и могут сменяться по желанию класса.

3) Старосты приводят в исполнение постановления товарищеских собраний, а также пользуются правом вносить по собственной инициативе различные предложения, которые осуществляются по одобрении их большинством собрания учащихся.

Требования, предъявляемые С. Стар(ост) для коренной реформы средней школы:

1) Открытие гимназ(ий) и реальн(ых) уч(лищ) для занятий.

2) Пред(о)ставление в свободное от занятий время помещений гимназ(ии) для чтения рефератов, лекций и других собраний, устраиваемых Сов(етом) Старост;

3) Заведывание гимназ(ической) библиотекой и ассигнованными на нее средствами Советом Старост под надзором выборного преподавателя;

4) Устройство в стенах училища читальни, которая находилась бы в ведении С(овета) Стар(ост) и выборного преподавателя ²⁾.

¹⁾ Писано в подлиннике по старой орфографии, но без твердых знаков. Печатано на лиловом гектографе, на листке бумаги «верже» обычного почтового размера.

Н. Я.

²⁾ Подлинник написан карандашом по старой орфографии на листке линованной бумаги, вырванном из обыкновенной ученической тетради в 4 долю листа, с оборотом.

Н. Я.

Приложение 4-е.

Два проекта устава «кружка самообразования».

I

УСТАВ.

В настоящий момент, когда Россия переживает великое освободительное движение, мы, ученики IV класса, устроили кружок для самообразования, чтобы сознательно относиться к происходящим событиям. Главная цель кружка — самообразование во всех его видах.

Для этого мы устраиваем совместные чтения, на которых будем читать беллетристику параллельно с критикой на читанные произведения, а также политические и научные произведения.

§ 1. Члены обязаны непременно посещать все собрания.

§ 2. Если кто-либо не был на собраниях по неуважительной причине подряд 3 раза, то считается выбывшим.

§ 3. Собрания должны устраиваться не реже как один раз в неделю.

§ 4. В кружке должно быть не более 20 членов.

§ 5. Кружок, главным образом, должен хотеть на первых порах познакомиться с политической экономией.

§ 6. Кружок должен выбрать бюро, которое и заведывало бы всеми делами его (т.е. назначало собрание, предметы чтения и т. д.).

§ 7. После каждого собрания секретарем составляется протокол, который и читается при начале следующего собрания.

§ 8. Новым членам кружка секретарь обязан дать для прочтения протоколы бывших собраний.

§ 9. Желательно, чтобы каждый член кружка составлял во время чтения статей краткий конспект этой статьи; секретарь обязан составлять официальный конспект для новых членов.

§ 10. Секретарь должен быть членом и секретарем бюро.

§ 11. Все справки наводятся у секретаря.

Так как при кружке издается журнал, то:

1) Каждый член обязан в 3 номера журнала дать не менее одной статьи.

2) Журналом заведывают два редактора.

3) Недопущение безобразных статей.

4) Журнал выходит 2 раза в месяц.

Программа журнала:

Политические и среднешкольные известия; беллетристика; политическая и общественная сатира; рисунки ¹⁾.

II.

§ 1. Кружок беспартиен. Цель его — самообразование в области политических и общественных наук.

§ 2. В кружок входят все желающие с ограничением, однако, числа членов до 25.

§ 3. Кружок выбирает из своей среды бюро из трех человек, которому передает исполнительную власть.

¹⁾ Подлинник написан по старой орфографии, лицевая сторона и оборот разной рукой, печатано на лиловом гектографе, размер листа — 6 × 4 вершка.

§ 4. Кругок имеет собрания очередные (ежемесячно) и чрезвычайные (созываемые бюро в экстренных случаях).

Собрания действительны при наличности двух третей.

Председатели предлагает бюро.

§ 5. Кругок имеет свой орган печати.

§ 6. Кругок имеет товарищеский суд в виде общего собрания членов.

§ 7. Исключение из круга производится товарищеским судом.

Примечание. Злоупотребление непосещением собраний, рефератов и т. п. является преступлением.

§ 8. Устав утверждается общим собранием и обязателен для всех членов круга ¹⁾.

Приложение 5-е.

Товарищи!

Мы, группа учеников 1-го Р. У., обращаемся к вам с уверенностью, что вы поддержите нас в нашем желании продолжать занятия с таким хорошим педагогом, каким был Оскар Карлович Нейман. Что же у нас теперь делается! Не прошло и 8-ми месяцев, как уволены наши лучшие педагоги, директор выживает уже и других! До чего же мы должны ждать! До того, чтобы у нас не осталось ни одного порядочного человека! Нет, товарищи, мы не должны этого ждать, мы должны добиться увольнения такого директора, каким является Волков ²⁾.

Группа учеников 1-го Р. У.

11 окт. 1906 года.

Приложение 6-е.

Товарищи!

Снова начинаются у нас репрессии! Недопущение опоздавших на урок, ответственность дежурного за действия класса, поголовную сбавку баллов по поведению, все это — иначе как вызов г. Волкова, рассматривать нельзя. Товарищи! Пора бросить выжидательное положение, пора бросить мирный путь, когда он ничего не приносит! Нам нечего больше надеяться на него, он нам не поможет! Молчанием и усилением репрессий ответил г. Директор

¹⁾ Подлинник напечатан по старой орфографии на гектографе на листе в 4^о размера обычной школьной тетрадки.

Сводка обоих проектов выразилась в том, что 1-й был принят за основу, 2-й за дополнение. В декларативной части вместо ученики «IV класса» поставлено — вообще «средних учебных заведений». § 4 перередактирован: «В круге на собраниях должно быть не более 20 членов. Число членов не ограничено». § 5 — исключен, с соответствующей передвижкой остальных. В отделе о журнале исключен пункт 3-й. Добавлены новые параграфы: § 11. Бюро выбирается на месяц; § 12 — Председатель выбирается на каждом собрании; § 13 — Деньги и книги хранятся у казначея. Из 2-го проекта взяты §§ 1, 4 (частично), 6, 7 (без примечания) и 8, и включены в сводную редакцию в качестве §§ 14, 15, 16, 17 и 18. Добавлен новый § 19. При круге имеется библиотека.

Все поправки нанесены карандашом моей рукой.

Н. Я.

²⁾ Подлинник напечатан по старой орфографии, но без твердых знаков, на лиловом гектографе, на листке белой нелинованной бумаги размером в 4^о. *Н. Я.*

на письмо учеников V и VI классов, но не молчаньем ответим за то мы ему! Нет, товарищи! Мы снова выразим наш протест, снова подымаем свой голос в защиту наших прав. Но для успеха, товарищи, необходимо единство: только оно может доставить победу. Поодиночке с нами легко справиться! Поддержите же, товарищи, нас в борьбе! Покажите г. Волкову, что у нас еще не угас тот товарищеский дух, который составляет одну из благороднейших черт учащихся... ¹⁾

Приложение 7-е.

Проект устава Совета Старост.

1-го Р. У.

- § 1. Совет Старост является представительным органом 1-го Р. У.
- § 2. Совет Старост стремится к обновлению и преобразованию средней школы, в частности, 1-го Р. У., на началах автономии, демократичности (большей доступности массам), духовной близости учащихся и учащихся.
- § 3. Совет Ст. в отношении своих избирателей служит объединяющим центром.
- § 4. Совет Ст. берет на себя защиту интересов своих избирателей.
- § 5. Совет Ст. готов неуклонно противодействовать всякому злу, мешающему нормальному ходу академической жизни.

Примечание. Главным злом своего учебного заведения Совет Ст. считает неудобный подбор лиц, стоящих во главе учебно-воспитательного и административно-хозяйственного дела.

- § 6. Способы реализации своих задач, равно и вопрос касательно своего образа действий, Совет Ст. обсуждает и разрабатывает на общих собраниях.
- § 7. Совет Ст. дает отчеты своим избирателям о своей деятельности.

Вопросы организационные.

§ 8. Совет Ст. избирает из своей среды не менее как двумя третями ^(2/3) голосов председателя, его товарища и секретари.

- Примечание.*
- a) полномочие их продолжается 3 месяца,
 - b) председатель ведет собрание,
 - c) секретарь составляет протокол заседаний,
 - d) за отсутствием председателя обязанности его исполняет тов(арищ) пр(едседателя),
 - e) пр(едседатель) и секр(етарь) подыскивают помещения для собраний и оповещают членов; последнее должно быть сделано не позже как за день до собрания,
 - f) секретарь исполняет в то же время обязанности казначея.

§ 9. Совет Старост собирается не реже двух раз в месяц.

§ 10. Совет Старост выделяет из своей среды особый Исполнительный Комитет из 5 товарищей.

¹⁾ Подлинник напечатан по старой орфографии, но без твердых знаков, на лиловом гектографе, на длинной узкой полосе бумаги. Конец оборван.

Н. Я.

§ 11. Председателем Исполнительного Комитета состоит товарищ Председателя Совета Старост, а в качестве членов в Исполнительный Комитет входят по одному представителю от всех классов.

§ 12. Председатель Совета Старост и секретарь не могут быть членами Исполнительного комитета.

§ 13. Исполнительный Комитет проводит в жизнь решения (Совета Старост), руководствуясь исключительно указаниями последнего.

§ 14. В экстренных случаях, за невозможностью собрания всего Совета Старост, дела решает Исполнительный Комитет совместно с председателем и секретарем Совета Старост.

Примечание. Такое совещание созывается председателем Исполнительного Комитета.

§ 15. Постановление экстренного совещания... (пропуск) постановлен(ия).

§ 16. Собрание Совета Старост действительно при наличии (пропуск) членов, притом так, чтобы от каждого класса было не менее двух человек.

§ 17. Выборы в Совет Старост должностных лиц производятся посредством намерения кандидатов¹⁾.

Приложение 8-е.

ПРОГРАММА

для кружковых занятий.

(Элементарная.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.

1. Общие понятия из политической экономии.

- Предмет и метод политической экономии.
- Сущность хозяйственной деятельности людей.
- Социальная и техническая сторона хозяйственного процесса.
- Элементы хозяйственной деятельности: труд, земля и капитал.
- Моменты хозяйственной деятельности людей: производство, распределение, потребление.

2. Натуральное хозяйство.

- Первобытный коммунизм.
- Патриархально-родовой быт.
- Рабство и феодализм.

Литература:

Кудрявский. Как жили люди в старину.
Марксовский. Что такое политическая экономия.
Рожков. Эволюция хозяйственных форм.

¹⁾ Подлинник напечатан по старой орфографии, на лيدовом гектографе, на листе белой бумаги в 4°, обычного тетрадного размера, с оборотом.

Поправки, нанесенные карандашом, помимо мелких редакционных, сводятся: 1) к замене §§ 2, 3 и 4 одним сводным, так что § 2 входит целиком, а §§ 3 и 4 соединяются в один в следующей формулировке: «Он стремится к объединению учащихся и берет на себя защиту их интересов»; 2) исключению § 5, кроме примечания, которое сохраняется в качестве § 3.

Н. Я.

* *Вогданов.* Краткий курс экономической науки.

Бернштейн. Развитие форм хозяйственной жизни.

* *Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.

* *Гобинс.* Промышленная история Англии.

* *Железнов.* Очерки политической экономии.

3. Меновое хозяйство.

- Выделение ремесла.
- Торговый капитал и его роль.
- Мануфактура.

Литература.

Кроме предыдущей см. также:

* *Тойнби.* Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии.

Каутский. Наемные рабочие в средние века.

Каутский. Противоречия классовых интересов в 1789 году.

г) Машинное производство, современный капитализм, его сущность и тенденции.

Литература.

*) *Каутский.* Экономическое учение К. Маркса (изложение 1-го и 2-го тома «Капитала»).

*) *Девиль.* Изложение 3-го тома «Капитала».

Струмилин. Богатство и труд.

Зуб. Марксова теория возникновения и роста капитала.

Питерн. Теория прибавочной стоимости.

К. Маркс. Наемный труд и капитал.

Его же. Заработная плата, цена и прибыль.

Вандервельде. Промышленное развитие и общественный строй.

Каутский. Эрфутская программа.

* *Его же.* Анти-Бернштейн.

Его же. Нет больше социал-демократии!

Вальян. Кризисы и безработица.

Лафарг. Американские тресты.

Каутский и Шенланк. Идеи марксизма в германской рабочей партии.

Вандервельде. Притягательная сила городов.

4. История — борьба классов, классы буржуазного общества, социализм, как конечная цель классового движения пролетариата.

а) Что такое класс, классы буржуазного общества, история, как борьба классов.

б) Великая Французская революция.

в) Чартизм в Англии.

г) 30-й и 48-й годы во Франции.

д) Германская революция 1848-го года.

е) Интернационал; Парижская Коммуна.

Литература.

Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест.

Каутский. Классовые интересы.

Каутский. Республика и социал-демократия во Франции.

Его же. Классовые противоречия в 1789 году.

* *Блюсс.* История Великой Французской революции.

М. М. Буржуазия и пролетариат в революциях 1830—49 г.г. во Франции.

* Отмеченные звездочками (*) более трудные книги.

- Н. Херасков. Буржуазная революция и крестьянство.
 Боркгейм. Чартистское движение в Англии.
 * Кушинская. Борьба рабочих за политическую свободу в Англии.
 * Маркс. Классовая борьба во Франции.
 * Его же. 18-е брюмера.
 * Его же. Революция и контр-революция в Германии.
 * Блосс. Германская революция.
 Луначарский. История развития Интернационала.
 * Маркс. Гражданская война во Франции.
 Лиссагарэ. История Парижской коммуны.

5. История революционного движения в России и развитие соц[иал]-дем[ократии].

- * Тун. История революционного движения в России.
 Батурич. Очерк истории соц[иал]-дем[ократии] в России.
 * Лядов. История Р. С.-Д. Р. П.
 Дан. Из истории рабочего движения в России.
 Плеханов. Русский рабочий в революционном движении.

6. Наша программа максимум и минимум.

- а) Наша программа максимум.
 б) Наша прогр[амма] минимум: полит[ические], экон[омические] требов[ания], женский вопрос, милитаризм, отношение к религии, аграрная программа.
 Либкнехт. Наши цели.
 Гэд. Коллективизм.
 Браке. Долой социал-демократов!
 Каутский. Социальная революция на другой день.
 Бебель. Общество будущего.
 * Атлантискус. Государство будущего.
 Каутский. Представительное правительство.
 Адлер. Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право.
 Мартов. Рабочее дело в России.
 Тасоцкий. Одна или две палаты?
 Дан. Всенародное учредительное собрание.
 Юшкевич. Об избирательном праве.
 Розков. О формах народного представительства.
 Зейдель. Нормальный рабочий день.
 Оленев. Государство и страхование рабочих.
 Лили Браун. Женщина и политика.
 Лафарг. Женский вопрос.
 Клара Цеткин. Женщина и ее экономическое положение.
 Каутский. Патриотизм, война и социал-демократия.
 Его же. Социал-демократия и католическая церковь.
 Бебель. Христианство и социализм.
 Маслов. Критика аграрных программ.
 Его же. Как крестьянам добиться земли.
 Н. Дим. Сельский пролетариат в России.
 * Маслов. Развитие народного хозяйства и аграрная программа.
 Ю. Ларин. Крестьянский вопрос и соц[иал]-демократия.
 Валентинов. Крестьянство и соц[иал]-демократия.
 * Каутский. Аграрная программа (Аграрный вопрос, ч. II¹).

¹) Подлинник отпечатан в типографии, по старой орфографии на четырех страницах в 8°, девятью различными сортами шрифтов. На первой странице в верхнем углу (вырезан) оттиск печати «Организации раб. и уч. молодежи при П. К. Р. С.-Д. Р. П.».

Н. Я.

Приложение 9-е.

В деле департамента полиции № 1235 по 7-му делопроизводству, — «по наблюдению за формальным дознанием о с.-д. группе объединения», начатом 2-го июня 1912 г. и оконченном 10-го декабря 1912 г., у арестованного в числе прочих студента петербургского университета Сергея Александровича Дианина (23 лет) значится отобранная при обыске рукопись:

«Товарищи! Для всех, внимательно вглядывающихся в явления общественной жизни, ясно, что время тоскливой апатии и потусторонних стремлений уже проходит в русском обществе. Начались стачки и митинги на фабриках и заводах, прокатилась по всей России волна студенческого движения, зазвучали бодрые, свежие ноты в произведениях периодической печати. Чувствуется, что гнет сверху начинает встречать в народе отпор — пока еще не организованный и стихийный. Жизнь так усложнилась за последнее время, что роль организации в общественной борьбе возросла во много раз. И теперь, когда начинается новый период оживления, когда для всех стало ясно, что задача, поставленная в 1905 г., еще не решена, — потребность в революционной организации чувствуется особенно остро. Но старые революционные секты (с.-р., с.-д. и т. п.) уже не могут ответить этой потребности момента — жизнь переросла их, поставила перед русскими революционерами задачу [далее несколько слов неразборчиво. Н. Я.] чуждой фракционности демократической организации. — Могучий порыв общественного движения 1905 г. довершил задолго до того начавшийся процесс освобождения личности интеллигента от пут доктринерства. Эстетическое отношение к жизни, стремление к внутренней свободе сделали отжившим и ненужным старые, чисто рассудочные схемы. В народе (особенно в рабочем классе) растет собственная интеллигенция, которой чужды раздоры доктринеров, которая стремится к свободной классовой организации. Таким образом, старые сектантские формы отжили свой век не только в виду их теоретической логической несостоятельности; они осуждены и жизненной практикой. — Наступает новый период в истории революции — период свободной практической работы над осуществлением ее задач.

«Мы хотели по мере сил ответить потребности создания новой единой революционной организации. Наши политические задачи остаются общими с теми, которые были навязаны жизнью старым сектам [далее несколько слов неразборчивы. Н. Я.]. Мы ставим нашей целью всепроникновение существующего политического строя для превращения его в свободный, для завоевания демократической республики. Мы будем, конечно, в ходе общественной борьбы отстаивать все выдвинутые народом требования реформ социального строя (8-ми-часовой рабочий день, конфискация помещичьих земель, etc.). Мы создаем также и необходимость борьбы за уничтожение всякого порабощения человека человеком, но не считаем это очередной задачей, из-за которой имело бы смысл раскалывать единое движение. При проведении в жизнь наших задач мы постоянно будем иметь в виду интересы всего движения в целом, интересы революции, как движения общенародного. В соответствии с этим у нас не может быть врагов в революционном лагере, мы будем выступать в качестве проповедников и опекунов, всякие попытки самостоятельной организации (в частности классовой партии рабочих) будут нами приветствуемы. По мере наших сил мы будем стремиться к объединению действий этих организаций — к созданию между всеми элементами демократии союзных отношений и связей. Стремясь развивать самосознание народа, мы ставим одной из наших задач широкое развитие культурно-просветительных организаций. Время революционной фразы миновало; необходимо создание реальной революционной силы; в соответствии с этим мы считаем важнейшей задачей создание прочной организации в самой берлоге зверя — в армии, главным образом, в офицерстве. Велики, многообразны

задачи, встающие перед нами, товарищи. Для их осуществления необходимо, прежде всего, широкое распространение наших взглядов. Нужно поэтому создать литературный орган и организацию для его поддержания. Русская молодежь всегда была передовым отрядом революции и осталась им. Мы обращаемся поэтому, прежде всего, именно к вам, товарищи, — организуйтесь под нашим знаменем. Пусть эта организация будет зародышем, из которого вырастет могучее тело новой свободной России».

В «деле» приводимая рукопись имеет еще третий абзац, который мы опускаем потому, что он есть не что иное, как повторение в сжатом виде двух предшествующих, очевидно — второй сокращенный вариант. Насколько помнится, именно это положение о необходимости новой «эстетической» точки зрения на революционную работу и связанной с нею «свободной практической организации», — лежало в основе и доклада Дзанина в январе 1912 года на квартире В. Городецкого. — Замечу, кстати, что все это дело о с.-д. группе «Объединение» есть продукт чистой фантазии охранников и жандармов.

Н. Яковлев.

Приложение 10-е.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Товарищи! 20-ть лет тому назад 1-е мая стало днем международного пролетарского праздника. Это праздник великой борьбы, которую ведет рабочий класс всего мира за освобождение человечества от гнета патристической эксплуатации. В этот день развевающиеся красные знамена показывают буржуазии, что близок конец материального и духовного рабства рабочих, в этот день бесчисленные митинги, демонстрации и стачки заставляют ее трепетать в бессильной злобе перед растущей мощью пролетариата. В день первого мая громко звучит голос рабочего класса: «Долой общество, основанное на насилие!» Все, что создано трудом наших рук, должно принадлежать нам; свободное человечество — вот единственный хозяин и собственник всех неисчислимых благ и богатств цивилизации. В этот день перед лицом буржуазии, стремящейся к беспрестанным насилиям и убийствам, прикрываемым маской патриотизма, бросает пролетариат свой могучий призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Соединяйтесь для борьбы за лучшее будущее, соединяйтесь для борьбы за социализм! Пусть отживающий буржуазный мир увидит, что в этой борьбе для вас нет различий, создаваемых национальностью и религией, что общие узы страданий давно стали для вас узами братства и общего дела. Долой милитаризм, высасывающий последние крохи из народного кармана, отнимающий у народа его сыновей для того, чтобы развращать их в казармах, делая из них орудие угнетения народных масс! В этот день пролетариат бросает в лицо буржуазии еще один лозунг: «Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право». Рабочий класс, труд которого является основой современного общества, естественно становится во главе народных масс, борющихся за устранение политического неравенства, и могучими усилиями добьется он условий свободного и широкого развития его классовых организаций. В этот день пролетарии всего мира заявляют правящей буржуазии: «Мы протестуем против того, чтобы вся наша жизнь приносилась в жертву ненасытному Молоху капитализма». Мощь пролетарской борьбы и ее значение особенно ярко проявились у нас в России, где пролетариат является самым последовательным и могучим борцом революции. В настоящий момент, когда торжествующая буржуазия стремится отнять у масс народа все их завоевания и путем репрессий восстановить в России спокойствие могилы, пролетариат не должен забывать своего великого призвания. Никакими черными силами не сломить энергии и настой-

чивости рабочих. В самые тяжелые годы они неустанно работают над созданием своей классовой организации, готовясь к новой борьбе за те же требования, под теми же знаменами. И пусть в день 1-го мая пролетариат покажет правительству, что он высоко держит красное знамя, что он все еще является вождем народных масс. Товарищи! Мы призываем вас ознаменовать день 1-го мая всеми возможными для вас способами!

Да здравствует 8-ми часовой рабочий день!

Долой милитаризм!

Да здравствует народная милиция!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Да здравствует Международная Социал-Демократия!

Да здравствует Росс[ийская] Социал-Демократ[ическая] Рабочая Партия!

Да здравствует социализм!¹⁾

Центральный Комитет организации молодежи при Пет. Ком.

Р. С.-Д. Р. П.

¹⁾ Подлинник этой прокламации печатан по старой орфографии, но без твердых знаков, на линовом гектографе, на полулисте с оборотом обычного размера белой писчей бумаги. Прокламация выпущена в 1909 году в количестве, кажется, 500 экз.

Н. Я.

ВОСПОМИНАНИЯ ГИМНАЗИСТКИ.

Посвящается памяти Гр. Вейнбаума.

Мое вступление в ряды Петербургской соц.-дем. организации учащихся средних учебных заведений и рабочей молодежи произошло осенью 1906 года. Летом в этом году наша семья жила в Луге, и мы ездили часто в Петербург, где кипела тогда общественная жизнь: митинги, лекции, доклады, собрания всех партий, фракций не прекращались. Приезжая в город, мы обыкновенно заезжали к нашей тетке, Елене Николаевне Лещенко, работавшей в то время вместе с тов. «Надей» в финансовой комиссии Петербургского комитета с.-д. большевиков, организованной Ал. Коллонтай, Валентиной М. Блох (ныне Дюшен, член Р.К.П.), инженер. Вишняком, Екатериной Крич и Евгением Ив. Замятиным, тогда студентом Петербургского политехнического института, работавшим в с.-д. боевой организации. Вместе с теткой и ее мужем, Дмитрием Ильичом Лещенко¹⁾, секретарем Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П., попадали на все диспуты и митинги.

У Лещенко на квартире (они жили на Глазовой ул.) бывали тогда на партийных явках почти все члены тогдашнего Петербургского с.-д. большевистского комитета и собиралась редакция с.-д. легальной газеты «Волна», потом «Эхо»²⁾, а А. В. Луначарский даже жил у них.

¹⁾ Ныне член РКП, был директором Севзапкин, ныне ректор педагогического института имени Герцена в Ленинграде.

²⁾ Из редакции газеты «Волна» бывали: Александр Свицерский, Николай Рожков, Елена Дмитриевна Стасова, Иосиф Гольденберг, затем бывали Вацлав Воровский (Орловский), Александр Александрович Богданов, Владимир Ильич Ленин, живший иногда в то время у Лещенко в Финляндии, Григорий Алексинский, Лев Каменев и Александра Коллонтай.

К этому времени у меня стало складываться более или менее определенное политическое мировоззрение, на которое Д. И. Лещенко и А. В. Луначарский (речи последнего на митингах) имели большое влияние.

В Луге же мы были окружены молодежью, настроенной максималистски. Я, хотя и не вполне сочувствовала им, считая себя социал-демократкой большевичкой, но после разгона Государственной Думы стала работать вместе с ними по распространению Выборгского воззвания, перепечатанного нами в Луге в большом количестве экземпляров на самодельном гектографе. Работа на гектографе происходила у нас дома при участии демократа-народника Владимира Игнатьева¹⁾ и с.-р. максималистов Платона Можейко, тов. «Мыва» и с.-р. двух братьев «Китайцев» и Евгения Калининкова (все это были гимназисты).

Мы распространяли это воззвание в десяти деревнях Лужского уезда. Пытались собирать сходы крестьян, при случайной удаче читали это воззвание крестьянам. Крестьяне довольно таки недоверчиво относились к нам. А мы думали нашими речами и Выборгским воззванием заставить их реагировать на разгон Государственной Думы. Воззвание подсовывали мы всюду: в овины, в телеги и в стога с сеном. Скоро полиция пронюхала про наши похождения, и нам пришлось спешно разъехаться в разные стороны.

От этой соц.-рев. максималистской молодежи я впервые узнала о существовании в Петербурге соц.-дем. организации учащихся средних учебных заведений и рабочей молодежи, но так как все они были больше связаны с эс-эровской группой учащихся, то через них мне не удалось завести желаемого знакомства с с.-д. организацией.

Переехав в Петербург, я не оставила мысли работать в рядах с.-д. партии, но решительно искать возможности вступить в партию как-то еще не решалась.

В это время произошел важный для меня случай. Осенью 1906 года родители мои, по просьбе Д. И. Лещенко, предоставили одну из комнат своей квартиры (Малая Гребенская, юнкерское пехотное училище) для В. И. Ленина. В. И. Ленин работал (для работы Ленин приходил к нам, но не ноче-

¹⁾ После Октябрьской революции В. Игнатьев работал в Петроградском Пролеткульте. Во время гражданской войны (1917—1919 г.г.) был активным политическим советским деятелем.

вал) тогда над одним из своих трудов (он не говорил нам — над каким), и ему нужно было обособленное помещение, которое он и нашел у нас. К нему-то я и решилась обратиться тогда за советом, что мне делать. Звали мы его тогда Николаем Николаевичем. Как сейчас помню его умные, пытливые глаза, устремленные на меня. Над моим желанием работать в рядах партии он посмеялся, сказав, что мне еще рано работать в партии, а раньше надо себя образовать в марксистском и политическом отношении и предложил познакомиться с одним из членов Петербургской соц.-дем. организации учащихся средних учебных заведений и рабочей молодежи (с гимназистом т. «Борисом».) Я, конечно, была очень ему благодарна, и знакомство, намеченное В. И. Лениным, состоялось; мое давнишнее желание исполнилось, и я вошла в ряды организации.

Наша социал-демократическая организация выкристаллизовалась из «Северного Союза» учащихся, образовавшегося в 1904-05 учебном году в рядах наиболее революционной части петербургской учащейся молодежи.

Сначала этот «Союз» не носил партийной окраски, но после он распался на две самостоятельные, обособленные группы: — социал-демократическую и социал-революционную.

Наша организация (с.-д. о. у. с. у. з. и р. м.) имела начало от социал-демократической группы «Северного Союза» и объединяла в себе большевиков и меньшевиков.

1905-06 годы были годами расцвета нашей с.-д. организации, но я в эти годы в ее рядах еще не была. В 1906-07 учебном году наша с.-д. организация насчитывала в своих рядах до 150 членов преимущественно учащейся молодежи.

Организация имела районы: Выборгский, Центральный городской и Василеостровский. В Выборгский район, в котором я была в эти годы, входили учебные заведения Петербургской и Выборгской стороны. На наши районные собрания приезжали и представители учащихся Охтенского технического училища.

Я попала в ряды организации Выборгского района, как гимназистка Константиновской гимназии (на Петербургской стороне).

Во главе всей нашей Петербургской организации стоял Центральный Комитет, в который входили С. Дианин от Выборгского района, Гр. Вейнбаум от Центрального района,

Осип Левенсон и др., при котором была коллегия пропагандистов (Б. Книпович, Б. Курбатов, Д. Левин, С. Дианин, О. Левенсон, Г. Сабинин) и финансовая комиссия (П. Тимофеев и я.) Была непосредственная связь с партией: на собраниях нашего комитета присутствовал иногда член Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П., через которого мы получали текущую партийную литературу.

Первое лицо, с которым я познакомилась в Выборгском районе, был студент Петербургского университета Сергей Дианин. К нему меня направили, как к представителю Выборгского районного комитета в Центральном Комитете организации.

Он снабдил меня литературой и направил на собрание. Помню, было оно у товарища Константина Олофа, ученика 3-го реального училища.

Потом эти собрания мы перенесли в квартиру моих родителей.

Мне сейчас же поручили организовать кружок в моей гимназии и дали пропагандиста. За два года моей работы в организации, у нас в Константиновской гимназии руководителями наших кружков были: товарищи Борис Книпович (от Лентовской гимназии, читал в организации лекции по аграрному вопросу), Владимир Курбатов (из Лентовской гимназии), Давид Левин¹⁾ (гимназист Столбцовской гимназии) и Андрей Костарев (от 5-ой гимназии.) Организовались в нашей гимназии два кружка по восемь человек²⁾ учениц в каждом.

Я усиленно старалась вовлечь к нам и эс.-эртствующую публику для превращения их в марксисток, что и удавалось, но не всегда.

В основе нашей организации в 1906-07 учебном году лежали кружки учащихся для политического самообразования. Велись они определенно в марксистском направлении: мы изучали сочинения К. Маркса, К. Каутского, Ф. Энгельса, А. Богданова, Г. Плеханова и т. д., писали рефераты и вели прения.

¹⁾ Давид Левин затем был студентом юристом СПб университета. Был меньшевиком-партийцем. В 1908-09 г.г. работал в Петербурге в Вас.-Островском и других районах Р.С.-Д.Р.П. пропагандистом под кличкой «Дмитрий». Вскоре был арестован. Будучи выпущен под залог, скрылся за границу, жил в Лондоне, где был редактором английского студенческого журнала.

Георгий Шидловский.

²⁾ Анна Огулянская, Д. Сливак, Александр Сегаль, Газенфус, Вера Дубетис, «Зина казачка», М. Сабинина, Грушевая, Головушкина и другие.

В нашем Выборгском районе особенно активную группу выделила 11-ая гимназия. Помню в ней Сергея Дианина, Владимира Городецкого, Павла Григорьева, Николая Смелова, Прима Тимофеева и Шустова. Эта группа была в конце учебного года исключена из состава учеников 11-ой гимназии за «неблагонадежность». Кое-кто из исключенных попал обратно, а другие, как В. Городецкий, были приняты в Столбцовскую гимназию, кадр учащихся которой состоял из гимназистов казенных гимназий, исключенных за политику.

Таких «политических» гимназий в Петербурге было три: Балаевская «женская», Столбцовская и Лентовская.

Кроме учеников 11-ой гимназии деятельную роль в районе играли ученики 3-го реального училища — Гольман, Бабков, Кузнецов и К. Олоф.

От женских гимназий представительницей в районном комитете была я одна (в начале еще ездила Лейкина из Лесной казенной гимназии, но потом почему-то перестала посещать собрания).

Меня выбрали в финансовую комиссию нашего Центрального Комитета в помощницы товарищу Приму Тимофееву. Вначале я его очень боялась, уж очень он был сурово настроен к нам, гимназисткам, но потом мы подружились и вместе собирали деньги для нашей организации посредством членских взносов и продажи литературы.

В нашей организации существовало как бы две группы. В одной из них были ее идейные руководители, люди с определенной уже политической физиономией, которые готовили себя в ряды теоретически подготовленных партийных работников, в другой же была остальная масса учащейся молодежи. Над ними-то мы и работали, стараясь сделать из них марксистов и политически сознательных людей.

Впоследствии из нашей активной группы ученической организации вышли активные, и ныне работающие партийные работники: Наум Анциелович, В. Городецкий, Бабков, О. Левенсон (погиб на северном фронте, в дни Юденича), Евгений Папуканис, Григорий Вейнбаум (он же «Валентин»), Георгий Шидловский, Георгий Сафаров.

А многие и отошли: Николай Яковлев, Сергей Дианин, и друг.

Кроме занятий кружков младшего типа, устраивались у нас еще и лекции. Помню происходили они в 1906-07 учеб-

ном году в общежитии Политехнического института, в Лесном. Там читались доклады студентом Александровым по аграрному вопросу, другими о рабочем съезде и т. д. После этих докладов бывали диспуты с эс-эрами и максималистами.

Вначале, когда дело касалось общих вопросов, больших фракционных разногласий между большевиками и меньшевиками в наших рядах не было, но когда начали обсуждаться вопросы тактические и текущего момента, то начались споры и прения. Эти дискуссии были очень полезны как для самих спорщиков, так и для слушающей массы товарищей, у которых только что складывались определенные политические воззрения.

Мы выпускали агитационные листки.

Устроили в Лесном на 1-е мая 1907 года массовку, но она вышла неудачной: после первых слов одного из товарищей появилась конная полиция, и массовка была сорвана. Для этой массовки я и сестра моя вместе с «Валентином» (Вейнбаумом) шили красное знамя... Решили тогда устроить вторую массовку, которая состоялась через две недели и, помнится, прошла удачно.

Во время летних каникул 1907 года В. Городецкий организовал связь нашей организации с Псковской, а еще кто-то наладили такую же, как наша, с.-д.-скую организацию в Луге.

В Москве был, кажется, в 1907 году ¹⁾ съезд всех с.-д. организаций средне-учебных заведений, но деталей его я не помню.

В том же 1906-07 учебном году я организовала с.-д. кружок в пехотном юнкерском училище (организатором в кружке был юнкер Савельев, фамилии других я не знала), где мы тогда жили и где мой отец был инспектором классов. Эта моя агитация среди юнкеров легла во время моего судебного дела, бывшего в 1910 году, тяжелым бременем на моего отца, как военного человека. Этот кружок юнкеров, которым руководил студент с.-д. большевик Георгий Сабинин, был очень законспирирован. Представитель его тов. Савельев имел дело только со мной и, из предосторожности, не посылался в наш районный комитет. Кружок этот существовал ровно год, собирался на разных квартирах.

Встречались мы с представителем юнкеров на улице, при чем он был одет в штатское.

¹⁾ В феврале, на квартире Членова.

Среди юнкерской молодежи было большое стремление к политико-образовательным кружкам, но при суровой военной дисциплине устройство их было очень опасно.

В нашем юнкерском училище жили некоторые революционные традиции: в 1904 году вышел из него товарищ Антонов-Овсеев, принимавший участие в Свеаборгском восстании 1906 года и занимавший в 1918 году, после Октябрьского переворота, должность командующего войсками Петроградского военного округа.

Отец мой вел педагогическую часть училища и старался всячески, по мере сил и возможности (на него давно тогда косились за его социалистические убеждения), влить живую струю в преподавание гуманитарных наук в юнкерском училище.

Он приглашал для работы в училище наиболее, по тому времени, передовую часть преподавателей и заставлял самих юнкеров работать над вопросами истории, литературы, психологии и т. д. Из-за его общественной деятельности и в связи с моим судебным процессом отца уволили в отставку и даже лишили права педагогической деятельности в учебных заведениях.

Я сама читала бумаги, касающиеся моего судебного процесса¹⁾, где в официальной переписке между Столыпиным, Сухомлиновым и Виссарионовым говорилось об обвинении отца моего в ведении политической пропаганды среди юнкеров и «окарауливании» моих с.-д.-ских собраний.

Строевая часть юнкерского училища всячески старалась изолировать юнкеров от реальной общественной жизни. Так, между прочим, 9-го января 1905 года один из ротных командиров заставил юнкерский оркестр играть в то время, когда на улице шла стрельба, танец матчиш.

В 1907-08 учебном году наша соц.-дем. ученическая организация заметно сократилась численно. С осени 1907 года многие старые товарищи, члены организации, окончив свои гимназии, поступили в высшие учебные заведения и потому невольно отошли от с.-д. средне-учебной организации.

В связи же с усилением политической реакции ряды нашей организации еще сильнее сократились. Пришлось отказаться от широкой, массовой пропаганды среди учащейся молодежи и более замкнуться в своей группе, сузиться количественно, но более продуктивно работать в качественном отношении.

¹⁾ Дело № 5, часть 57, за 1910 г., особого отдела департамента полиции.

Произошло сближение некоторых членов организации с партией и с рабочей молодежью.

Наум Анциелович стал вести кружок среди печатников и швейников. В кружок моей гимназии вошли ученики Столбцовской гимназии и белошвейки, которых прислал тов. Наум Анциелович.

У нас тогда деятельную работу вели ученики Лентовской гимназии—Евгений Пашуканис (который был все время связан с партийной работой Василеостровского района) и Федор Квасков, на квартире которого (Б. Гребенская д. № 3, 1-й этаж) мы устраивали явки.

В самой же нашей организации произошел раскол, после бурного совещания на моей квартире. Я точно не помню причин его, но думаю, что кто-нибудь из товарищей, тоже пишущих воспоминания, осветит его более подробно. Но помнится, что во главе нашей группы стоял Григорий Вейнбаум, а во главе другой Сергей Дианин.

Районов у нас больше не было, кроме Василеостровского.

Во главе организации в эти дни стоял один Центральный Комитет (Е. Пашуканис, Федор Гольдман—от 3-го реального училища, Гр. Вейнбаум, А. Костарев, я, Георгий Шидловский—от Ларинской гимназии, В. Городецкий, Ф. Квасков, К. Саввантов и «Давид» и «Михаил» из 5-ой гимназии. (Из последних фамилий не помню, кажется, «Давидом» был Зенон Луцки.)

В финансовую комиссию входила я и Н. А. Анциелович, Ф. Гольдман, а в техническую (гектограф и пр.) Ф. Квасков, Г. Шидловский и «Давид».

Наша группа была с преобладанием большевистского элемента.

Для нас революционно и социал-демократически настроенной учащейся молодежи, большевизм представлял тогда из себя самую ясную, активную и не терпящую никаких компромиссов тактику. Смело «брать быка за рога» для наших молодых сердец, рвущихся к политической борьбе,—этот девиз был самым близким.

Жаль, что не вышел в свет наш журнал 1907-08 учебного года. Он был бы живым документом наших настроений того времени. Он должен был бы быть напечатан в типографии Выборгского района партии. С ней мы нашли связь через В. Городецкого, работавшего там ночью.

После ночной работы он обыкновенно шел к нам пить чай, так как подпольная типография была недалеко от нас, потом отправлялся в гимназию. К сожалению, произошел провал у одного из товарищей партийцев Выборгского района, и весь материал для журнала пропал или был уничтожен.

Наша финансовая комиссия, под председательством Наума Анциеловича, устроила два вечера. На одном из них участвовали тогдашние начинающие поэты, С. Городецкий, Д. Цензор, Я. Гордин и др.

Детали нашей с.-д. работы этого года я, к сожалению, плохо помню, так как была сильно больна и уезжала из города.

Осенью 1908 года я кончила курс гимназии и осенью же поступила на Раевские курсы, где и была выбрана от с.-д. студенческой фракции в Совет Старост. Кроме того, я работала при секретариате Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П. (большевиков). Из рядов ученической организации я вышла, но продолжала все же попрежнему встречаться со старыми товарищами по организации.

Хочется вспомнить и сказать несколько слов о товарище Григории Вейнбауме ¹⁾ («Валентине»), как о человеке, с которым я много работала вместе и который имел на меня большое влияние. С ним вместе мы были арестованы в 1910 году. Самой мне удалось выкарабкаться сравнительно легко, а его сослали на вечное поселение. Это был неутомимый борец за свои идеи. С юных лет, несмотря на протесты родителей, он отдался политической борьбе и погиб за нее еще совсем молодым человеком. Он был расстрелян в ночь на 25-е октября 1918 года в Сибири, в гор. Красноярске, во время контр-революционного переворота. Григорий Вейнбаум был коммунистом и комиссаром иностранных дел Советского Сибирского правительства. Когда белые войска брали Красноярск, он с группой коммунистов пытался уехать на пароходе вверх по реке Енисею, им удалось уйти в тайгу. Но продержаться долго в тайге они не могли, вышли и были схвачены. Спустя несколько месяцев, при переходе в тюрьму, их расстрелял конвой солдат белых, якобы за попытку к бегству.

У нас, в с.-д. ученической организации, Гр. Вейнбаума очень любили. Из всех юношей он обращал на себя внима-

ние своей работоспособностью и талантливостью. Он интересовался не только вопросами общественно-политическими, в которых имел большие познания, но и литературой, искусством, психологией, философией, беря для чтения книги по всевозможным вопросам из библиотеки моего отца. Обладая колоссальной памятью, он слыл у нас за человека, к которому можно было обратиться за справками по всем решительно вопросам. Был он прекрасным оратором, говорил всегда толково и горячо, любил поспорить с с.-р. по аграрному вопросу и слыл у нас за специалиста по этому вопросу. Что-то детское, задорное было в его смехе, — он очень любил шутить и смеяться. Григорий очень любил музыку; помню, как он мне рассказывал, что пошел раз к одному с.-д. меньшевику по поводу одного фракционного вопроса в организации, а тот сидел в то время и играл на рояле что-то из Чайковского — «и вот — говорил Григорий, — у меня из головы вылетели все фракционные вопросы, — сплужу, слушаю и еще прошу играть».

Татьяна Неслуховская.

¹⁾ См. о нем некролог в выпуске 1 (стр. 51) «Памятников борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 г. г.», Гос. Изд., Москва, 1922 г., Центр. Истпарт.

К ВОСПОМИНАНИЯМ Т. НЕСЛУХОВСКОЙ.

(Архивная справка.¹⁾)

Необходимо отметить, какими сведениями обладало петербургское охранное отделение относительно деятельности петербургской соц.-дем. ученической организации (при петербургском комитете Р. С.-Д. Р. П.).

В своей записке от 13-го марта 1910 года в департамент полиции начальник петербургского охранного отделения, представляя «сведения о положении вспомогательных организаций при петербургском комитете Р. С.-Д. Р. П.», так рисует положение в ученической организации, о которой пишет Т. Неслуховская:

«В начале 1909 года, ученическая организация охватила некоторые средне-учебные заведения столицы, но пропаганда велась с большими перерывами. В территориальном отношении город был разделен на районы, соответственно партийным районам, при чем подрайоны составлялись из одного или нескольких учебных заведений. В районные комитеты входили представители от подрайонов, а в Центральный Комитет организации — представители районов. Главными руководителями в Центральном Комитете состояли: студент Евгений Брониславович Пашуканис, в наблюдении (охранного отделения. Ю. Н.) «Спящий», Григорий Спиридонович Вейнбаум, в наблюдении «Первый», и дочь подполковника Татьяна Константиновна Неслуховская, в наблюдении «Кошка».

С переходом их в высшие учебные заведения, Центральный Комитет распался, и ученическая организация пока не функционирует».

Нужно сказать еще несколько слов и о Гр. Вейнбауме, памяти которого посвящает свои воспоминания Т. Неслуховская, и о ней самой и о том ряде лиц, которые работали

¹⁾ По делу № 5, часть 57, за 1910 г., особого отдела департамента полиции — «Р. С.-Д. Р. П., комитетское дело по гор. С.-Петербургу», ныне хранящемуся в политической секции ленинградского отделения центрального архива (ЕГАФ).

вместе с нею и в рядах этой ученической с.-д. организации и после — в рядах петербургской соц.-дем. большевистской организации (в районах и в Петербургском Комитете.) Партийная организация получила от этой ученической организации ряд ценных работников.

Секретные сообщения в департамент полиции начальника петербургского охранного отделения от 25-го и 26-го апреля 1910 г. за №№ 6082 и 6140 и другие полицейские секретные документы за этот год, — так обрисовывают партийную работу, и, так сказать, политическую судьбу Татьяны Неслуховской, ее отца, Гр. Вейнбаума и других:

14-го сего апреля 1910 года был произведен обыск в д. № 9 по Малой Гребенцкой улице у дочерей инспектора С.-Петербургского военного училища полковника Константина Неслуховского, Татьяны и Марии Неслуховских, при чем по обыску было обнаружено: у Татьяны Неслуховской — переписка, указывающая на принадлежность Татьяны Неслуховской к Р. С.-Д. Р. П., 23 брошюры агитационного характера по социально-экономическим и политическим вопросам и открытые письма с изображением «политических преступников» и рисунками, «оскорбляющими достоинство священной особы государя императора», и у Марии Неслуховской — брошюры: «Доклад делегации Р. С.-Д. Р. П. Амстердамскому международному социалистическому конгрессу», «Протоколы 3-го съезда Р. С.-Д. Р. П. (издания Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П.)», 2 экземпляра № 2 — 3 и 1 экземпляр № 4 социал-демократического научно-политического журнала «Заря»; 2 брошюры сочинения Крапоткина, брошюра Рихарда Вагнера «Искусство и революция»; полный сборник платформ всех русских политических партий; 12 открытых писем с рисунками революционного характера. Затем, в вещах Марии Неслуховской, полицией были найдены рукописи по политическим, аграрным и социал-экономическим вопросам, принадлежащие жениху Татьяны Неслуховской, студенту С.-Петербургского университета Григорию Спиридоновичу Вейнбауму, являвшемуся по агентурным сведениям петербургского охранного отделения членом петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П.

Полицией была обыскана и мать сестер Неслуховских. У нее полиция отобрала 12 №№ сатирических журналов за 1905 год, изъятых из обращения; прибавление

к № 9 «Известия Совета Рабочих Депутатов» и mimeографированную прокламацию: «Ко всем учащимся средне-учебных заведений». (В деле д. п. прокламации этой не оказалось. Ю. Н.)

Сам Григорий Спиридонович Вейнбаум¹⁾ был арестован на станции «Любань» Николаевской жел. дор., в поезде, когда он ехал в Москву. При аресте у него отобрали: записную книжку «Друг и товарищ» за 1909 — 10 г. с заметками партийного характера; затем партийные письма к разным лицам с просьбой о предоставлении приюта на ночь Вейнбауму в Москве; № 2 органа рабочих соц.-револ. максималистов «За власть труда».

На квартире в д. № 7 по Ивановской улице в Петрограде у Григория Вейнбаума и его брата Александра Вейнбаума, оставленного на свободе, полиция после обыска 14-го апреля отобрала: 9 открытых писем с портретами разных

¹⁾ В том же деле № 5, ч. 57, за 1910 г. особого отдела д-та п., в докладе № 29-го от 12 марта 1910 г. петербургского охранного отделения деп-ту полиции находим сведения, что сын надворного советника Гр. Сп. Вейнбаум в 1910 году весной был членом Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.) вместе с А. В. Норкиным («Михаил» и «Юрий»), Ив. П. Петровым («Орлик»), А. Ф. Радзисhevским («Борис» и «Горняк»), В. П. Сорокиным («Тарас»), И. С. Столовым (он же Фед. Игн. Сятковский) («Иннолнт»), В. М. Павловым («Андрей»), Г. И. Оппоковым («Афанасий» и «Петр»), Вл. М. Косаревым («Жорж», «Степан» и «Владимир»), затем «Альбертом» и «Александром».

Гр. Вейнбаум в Петербургском Комитете партии работал под кличками «Григорий Иванович» и «Гриша». В П. К.-т он входил представителем от Выборгского района партии, был членом исполнительной комиссии П. К.-та и редакционной комиссии К.-та, в состав последней входили еще Норкин, Павлов и Оппоков, комиссия эта составляла и редактировала прокламации К.-та.

П. К. через Гр. Вейнбаума непосредственно сносился весной 1910 года с П. А. Абрамовым (он же Максим Лебедев), стоявшим во главе подпольной типографии Комитета, передавая ему оригиналы прокламаций.

Готовая литература поступала на склад в квартиру Федора Ив. Кваскова, оттуда и разносилась для распространения по парт. районам.

П. Ф. Куделли, по сведениям охраны, предлагала Г. Вейнбауму свои услуги по работе в «технике», а М. В. Журавлева (известная в литерат. кругах как Мария Борецкая. Ю. Н.) по поручению Вейнбаума передавала в «технику» подлинные прокламации.

София Пашуканис хранила деньги К.-та, к ней поступали взносы от высших учебных заведений и % отчисления от рабочих, она же получала деньги от Центр. К.-та партии и передавала их казначею Петерб. К.-та Столову.

При Петерб. К.-те в те дни существовала коллегия пропагандистов, в которую входили: С. П. Власов («Макс»), Ст. Ал. Семяновский («Степан»), Ел. П. Можарова («Елена»), Гр. Ис. Чудновский («Галич» и «Петр»), Евг. Бр. Пашуканис («Евгений»), Вл. М. Абросимов («Владимир»), Л. С. Иоф («Таня»), С. Ив. Козырева («Надя»), Гр. Ив. Сафаров («Георгий»), Ив. Н. Смирнов («Иван Никитич» и «Третьяков»), В. Гр. Попова («Вера»), Щербаков («Игорь») и «Александр», «Изабелла» и «Елена Михайловна».

Юр. Новин.

политических деятелей; несколько №№ журналов, посвященных экономическим интересам рабочих разных отраслей труда; № 7 «Дневника социал-демократа» Г. В. Плеханова; 138 книг и брошюр политического и социально-экономического характера, из коих значительное количество было запрещенных; записную книжку с заметками частью партийного характера; тетрадь с заметками по аграрному вопросу и отдельные листки с записями по социальным вопросам и выписками из программы Р. С.-Д. Р. П.

В виду результатов обыска у Неслуховских, Татьяна Неслуховская была арестована и заключена под стражу и дело о Татьяне и Марии Неслуховских и других лицах, одновременно с ними обысканных и арестованных в ночь на 14-е апреля, 17-го того же апреля было передано начальнику с.-петербургского губернского жандармского управления.

Поводами к обыску у Татьяны и Марии Неслуховских послужили имевшиеся в Петербургском охранном отделении агентурные сведения, что, состоя в числе пропагандистов Петербургской организации Р. С.-Д. Р. П. и сплотив около себя некоторых членов этой партии, Татьяна Неслуховская почти ежедневно устраивала сходки на квартире своих родителей.

По тем же сведениям сестры Неслуховские, в особенности Татьяна, принадлежали к Петербургской организации Р. С.-Д. Р. П. с 1905 года, когда, помимо непосредственного участия во многих демонстрациях, митингах и сходках, обе сестры работали также и в ученической организации при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П.

Одно время Татьяна Неслуховская была также и членом Центрального Комитета ученической с.-д. организации в Петербурге.

Родители Неслуховских, по агентурным сведениям той же охраны, были лица «крайнего направления», сочувствовали деятельности своих дочерей. Разрешая собрания в своей квартире, полковник К. Неслуховский принимал меры к обеспечению безопасности лиц, принимавших участие на этих собраниях и даже лично окарауливал собрания на случай прихода полиции.

По тем же сведениям полковник Неслуховский, его жена и дочери вели (в донесении охраны в департамент полиции сказано «развращали») «преступную» пропаганду среди юнке-

ров училища, где полковник Неслуховский состоял инспектором.

На личном, начальника охраны, докладе вышеизложенного министру внутренних дел, этот министр сказал: «Необходимо сообщить об этом начальнику полковника Неслуховского», что и было сделано. Затем была начата переписка о полковнике Неслуховском по всем инстанциям и ведомствам.

Обыски в ночь на 14-е апреля 1910 года у других лиц, связанных так или иначе с Гр. Вейнбаумом и Тат. Неслуховской, дали такие результаты:

У проживавших в д. № 10 по Пушкинской улице дочерей статского советника Елены и Лидии Иоф полиция отобрала: медную печать «Молодинск. вол. правл. Подольск. уезда, Московской губ.»; революционные издания: «Социал-Демократ» № 5, «Пролетарий» № 46, приложение к № 47 — 48 газеты «Пролетарий», вырезки из № 11 газеты «Социал-Демократ», «Пролетарское Знамя» № 1, «Дискуссионный Листок» № 1; брошюру «Отчет товарищам большевикам устранившихся членов расширенной редакции «Пролетария» — издания Василеостровского районного комитета Р. С.-Д. Р. П.; перечни книг о Р. С.-Д. Р. П. и по социально-экономическим вопросам; 59 брошюр социально-экономического и политического характера; лист бумаги с перечнем заводов и количества организованных рабочих на них с надписями: 1) «Орг. вс. зав. Моск. район.» и 2) «На заседании 20 ч. было рассмотрено за огран. времени только два первых вопроса, стоящих в порядке дня».

У проживавшей в д. № 75, по 16-й линии Васильевского Острова мещанки гор. Устюга Анны Семеновны Добрецово полиция отобрала: «Извещение о Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. в 1907 году»; «Голос Социал-Демократа» № 4 — 5, 1908 года; программу Росс. Социал-демократ. Рабочей Партии, принятую на 2-м съезде партии; газету «Рабочее Знамя» № 5 — 1908 года; газету «Социал-Демократ» № 6 — 1906 года; лист из газеты «Социал-Демократ» № 11; брошюра «Современное положение и задачи партии»; рукописное стихотворение «Пора. Нет, дальше ждать нельзя»; записку, заканчивающуюся словами: «Скажите Михаилу П., что в четверг буду у него, пусть соберет публику. П.», заметки на клочках бумаги: «Листок орг. прин. П. К.»; «О делегатах сов.», «Отвезти литературу д. 5 кв. 11» и дру-

гие; лист-конспект по вопросам о Российской Соц.-Дем. Раб. Партии; перечни книг революционного содержания; 7 открытых писем с рисунками революционного характера; значительное количество переписки.

У проживавшего в д. № 1/13, по Б. Монетной улице кр.-на Костромской губернии, Кологривского уезда, Павла Абрамовича Абрамова¹⁾ полиция отобрала: рукопись — «Устав Пет. Района» (из устава видно, что район состоит из пяти подрайонов, и уставом предусмотрена деятельность Районного и Исполнительного Комитетов, конференции и т. п.); № 11 газеты «Социал-Демократ» за 1910 год; № 49 газеты «Пролетарий» за 1909 год; 3 брошюры политического и социально-экономического характера.

У проживавшего в д. № 64, по 5-й линии Вас. Остр. крестьянина Тверской губ., Бежецкого уезда, Ивана Петровича Петрова полиция отобрала: № 11 газеты «Социал-Демократ»; № 50 газеты «Пролетарий»; отрывной календарь с заметками «тенденциозного» характера и 12 брошюр социально-экономического и политического характера.

У проживавших в д. № 66/20, по Малому проспекту, дочерей сына купца Изабеллы и Тамары Христофоровен Ганжумовых полиция отобрала: 22 брошюры социально-экономического и политического характера; переписку по деятельности Сампсониевского общества образования и записную книжку со стихотворениями революционного характера.

У проживавшего в д. № 22, по Б. Посадской улице мещанина г. Устюжны Михаила Александровича Мясникова полиция отобрала: переписку о деятельности школы Сампсониевского общества самообразования (из этой переписки полиция усмотрела, что деятельность общества преследует задачи политического характера путем чтения рефератов; тако-

¹⁾ Он же Максим Абрамович Лебедев, партийные клички «Павел», «Николай» и «Борода». В 1909 году появился нелегально в Петербурге, бежав из ссылки в одной из северных губерний. В эти годы работал на Петербургской стороне в Районном Комитете с.-д. большевиков, был одно время в том же году членом Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. большевиков и руководил с.-д. подпольной типографией, в которой работали Сергей Зубков, Акимия Ивановна и Эрнест Нордштрём, арестованные с типографией 14-го марта 1910 г. В 1910 г. попал в ссылку на север, а оттуда во время войны бежал и, живя опять нелегально, в Петербурге, работал в Василеостровском районе Петерб. организации Р. С.-Д. Р. П. большевиков. В 1916 году был вновь арестован и опять сослан. Лебедев-Абрамов — старый с.-д. большевик, ныне член Р. К. П. (б.).

вую же деятельность полиция усмотрела и из некоторых протоколов заседания школьного комитета).

У проживавших в д. № 45, по 14-й линии Вас. Остр. студента С.-Петербургского университета Евгения Брониславовича Пашуканис¹⁾ и его матери Софии Павловны Пашуканис полиция отобрала: рукопись по вопросам политического и социально-экономического характера: каталог и алфавит книг по тем же вопросам; серию портретов революционных деятелей; печатные на пишущей машинке «Поправки с.-д. фракции к законопроекту об обеспечении нормального отдыха служащих в торгово-промышленных заведениях»; печатные материалы по внесенному в Государственную Думу упомянутому законопроекту; значительное количество изъятых из обращения сатирических журналов 1905—1906 г.г.; 2 экз. брошюры Лядова «История Росс. Соц.-Дем. Партии» в несброшюрованных корректурных листах; 42 экз. брошюр социально-экономического и политического характера.

У матери Пашуканис — Софии Пашуканис полицией была взята переписка частного характера.

У проживавшей в д. № 22 по Английскому проспекту, повивальной бабки Марии Николаевны Логачевой полицией были обнаружены: заметки по рабочему вопросу; переписка, указывающая на участие Логачевой в обществах и союзах «левого направления»; листковый алфавит библиотеки книг социально-экономического и политического характера (№№ книг совпадают с №№ брошюр, взятых у Логачевой и Пилецкого); денежные документы на значительные суммы; 97 брошюр социально-экономического и политического характера.

Совместно с Логачевой обыскивался проживавший с ней мещанин гор. Таганрога Яков Пилецкий²⁾, при чем оказалось, что отобраанные у Логачевой 97 брошюр принадлежат Пилецкому и Логачевой сообща.

У проживавшего в д. № 18 по Агафоновской улице кр.-на Новгородской губ., Крестецкого уезда, Александра Ивановича Жукова полиция отобрала: 16 открыток с фотографиями членов «СПБ совета рабочих депутатов» (1905 года); 8 номеров журнала «Единство»; тетрадь с разбором стихо-

творений, при чем в разборе басни «Тришкин кафтан» высказывались «противоправительственные суждения»; тетрадь с записями по революционному движению в России 1890—1905 г.г.; до 30 брошюр социально-экономического и политического характера; значительное количество конфискованных сатирических журналов 1905—1906 г.г.

У проживавшего по Тимофеевской улице, в д. № 25/б кр.-на Виленской губ., Дисненского уезда, Мартына Викентьевича Дулинец полиция отобрала: газету «Пролетарий» №№ 40 и 50; газету «Социал-Демократ» №№ 9 и 10; 146 номеров журнала «Единство» за 1909 и 1910 г.г. (каждый номер в нескольких экземплярах); «Родословное дерево современного социализма»; печатное воззвание «Рабочим и работникам от центрального бюро СПБ профессиональных союзов»; портреты, открытки, картины революционного содержания; 14 экземпляров № 2 журнала «Даль»; журналы и переписку профессионального характера.

У проживавшего по Подольской улице, в д. № 10 студента СПБ Технологического Института Григория Ивановича Сафарова¹⁾ полиция отобрала: заметки о социализме, печатанные на пишущей машине; 7 брошюр политического и социально-экономического характера; переписку, «имеющую значение для дела» Григория Сафарова и переписку на польском языке Яна Трушковского, проживавшего вместе с Сафаровым.

У проживавшего по Кановейскому проспекту, д. № 3, Колпинского мещанина, Наума Нисоновича Кисиленко полиция отобрала: приложение к № 47—48 газеты «Пролетарий»; № 5 «Дневника Социал-демократа» Г. В. Плеханова; 3 номера журнала «Единство»; 4 открытки с портретами «политических преступников»; 23 брошюры социал-экономического и политического характера.

У проживавшего по Апраксину переулку, д. № 11, мещанина гор. Шлиссельбурга, Николая Давидовича Ваймана полиция отобрала: свидетельство на хранение револьвера, принадлежавшее другому лицу (купцу Смирнову) и записную книжку с адресами.

У проживавшего по Николаевской улице, в д. № 5, кр.-на Калужской губ., Жиздринского уезда, Дмитрия Кон-

¹⁾ Ныне активный член Р. К. П. (б.).

²⁾ Яков Афанасьевич Пилецкий, литератор, соц.-дем. меньшевик, впоследствии сотрудник с.-д. меньшев. журнала «Наша Заря».

¹⁾ Ныне член Р. К. П. (б.) и ответственный редактор «Ленинградской Правды» органа ленинградского Губ. Комитета РКП. (б.).

стантиневича Глухова полиция отобрала: 6 открытых писем с рисунками революционного характера; брошюры, из коих значительная часть была запрещена в то время к обращению, и переписку частного характера.

У проживавшего по Малому проспекту, в д. № 7 студента СПб университета Степана Александровича Семеновского полиция отобрала: рукописи по финляндскому вопросу и переписку.

У проживавшего по Аршеневскому переулку, д. № 3, кр.-на Тверской губ., Осташковского уезда, Ивана Захаровича Шипкова полиция отобрала: 16 брошюр политического и социально-экономического характера, из коих 8 было изъято из обращения.

У проживавшего по Б. Гребенкой ул. д. № 113, Московского мещанина Федора Ивановича Кваскова полиция отобрала: фотографические карточки «политических преступников»; записную книжку с революционным гимном и надписями девиза социал-демократов; народный календарь «Солнце» за 1910 г. и заметки о допросе какого-то обвиняемого «Федора».

У проживавшего по 6-й роте Измайловского полка, д. № 10, крестьянина Минской губ., Борисовского уезда, Игнатия Семеновича Столова полицией было отобрано: 13 брошюр социально-экономического и политического характера и 15 журналов заседаний бюджетной (думской) комиссии в разные дни.

Будучи допрошенными в охранном отделении, все перечисленные выше лица заявили, что они ни к какой «противоправительственной организации» не принадлежат.

В виду результатов обысков все они, как (по опред. д. п.) активные работники Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.) и вообще Петерб. организации Р. С.-Д. Р. П. (б.)—19 чел., за исключением Марии Неслуховской и Софии Пашуканис, были арестованы и заключены под стражу, а переписка о них со всем отобранным по обыскам материалом была препровождена охранным отделением 17-го апреля (за № 5827) начальнику С.-петербургского губернского жандармского управления, за которым были «перечислены дальнейшим содержанием» и все арестованные. Всего же было обыскано 45 человек.

Из дела № 923 за 1910 г., 7-го делопроизводства департамента полиции, узнаем, что из числа всех арестован-

ных: Максим Лебедев (он же Павел Абрамов), Гр. Вейнбаум (26-го июня 1910 г. был выпущен из тюрьмы под залог в 500 р. и уехал в Белград, Бессарабской губ.), Анна Добрецова, Лидия Иоф (была выпущена 22-го июня из тюрьмы под залог в 500 р. и уехала в село Кихи, Закатальского округа), Елена Иоф (3-го июня была выпущена из тюрьмы под залог в 300 руб. в Петербург) и Татьяна Лучивко-Неслуховская (была выпущена 16-го июня из тюрьмы под залог в 500 руб. в Петербург, затем в Симферополь)—были привлечены ¹⁾ к следствию по делу о Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П.

Приговором СПб судебной палаты от 10-го декабря 1910 г. были осуждены: Л. С. Иоф на 1 год заключения в крепость с зачетом двух месяцев предварительного заключения (по 2 ч. 164 ст. Угол. Улож.), Гр. Вейнбаум (по 1 ч. 102 ст. Угол. Улож.)—в ссылку на поселение ²⁾; Л. С. Иоф, А. Добрецова и Т. Лучивко-Неслуховская (по 1 ч. 102 ст. Угол. Улож.) были по суду оправданы.

Остальные арестованные были высланы под надзор полиции в разное время из С.-Петербурга на разные сроки и в разные места России.

Сообщил Юр. Новин.

¹⁾ Григорий Спирidonович Вейнбаум—род. 25-го января 1918 г. Татьяна Неслуховская род. 24-го апреля 1890 г., Лидия Иоф род. 1-го янв. 1889 г., Елена Иоф род. 15-го июня 1884 г., А. Добрецова род. 17-го июня 1888 г. Все они ранее к дозням по политическим делам не привлекались. Максим Лебедев в 1907 г. был арестован в Москве по делу о собрании 19-го октября 1907 г. в Москве в Бутырском районе партии с.-р. и был в марте 1908 г. выслан из Москвы на 2 года под гласный надзор полиции в «избранное место жительства».

²⁾ Из дела № 25, часть 57 за 1912 г., особого отдела деп-та полиции лист 149—150, узнаем, что сестра Федора Кваскова, Наталия, проживавшая в Петербурге на Бол. Гребенкой ул. в д. № 3, в кв. № 15, была в 1912 г. в переписке (перлюстрировавшейся департаментом полиции) с Гр. Вейнбаумом, находившемся в то время на поселении в деревне Подгорная, Яланской волости, Енисейской губ. Ему сообщалось об обысках по «витмеровскому делу» (об этом «деле» см. в этом сборнике дальше).

ИЗ УЧЕНИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ.

(Отрывки пережитого.)

Эти строки посвящаю памяти погибшей на посту красной сестры милосердия товарища Но в ы (Зиновии Гавриловны Шидловской-Поталовой), моей кратковременной спутнице в жизни, другу и единомышленнице.

Автор.

1904-05 учебный год. Ларинская гимназия на 6-й линии Васильевского Острова в Петербурге. Третий класс...

В классе уже выделилась группа сознательных двенадцатилетних и старше учеников: Нил Фомин ¹⁾, Иван Лукаш, Георгий Егоров и пишущий эти строки. Мы были рьяными читателями казенной ученической библиотеки, поглощали массу книг, спорили о прочитанном и задумывались над прочитанным.

В классе мы всегда стояли во главе спорщиков и верховодили мнением его, не давая пощады выскочкам и фразам. Помню, как однажды группа учеников, сыновей лавочников и чиновников чуть не избила меня, когда я напал на них за то, что они воруют у своих родителей деньги, тратя их на сласти, пиво и флирт. Одевшись как-то в новый костюм, чтобы идти в первый раз на полученный мною платный урок у какого-то генерала, я пришел в класс и против меня эта группа хулиганов устроила заговор: «Ишь, задается, а сам в белоподкладочника нарядился!», и на одной из перемен меня окружили, заспорили, а затем изорвали на мне и испачкали мой костюм. Урок мой пропал—я не пошел на

¹⁾ О дальнейшей судьбе Нила Фомина см. в книге Е. Е. Колосова «Сибирь при Колчаке», изд. «Былое», Петроград, 1923 г. Фомин был убежденным эс-эром и членом Учредительного Собрания.

него. Узнав после, зачем я был так наряжен, эта группа хулиганов забила было отбой, но я не сдавался и попрежнему с Иваном Лукашем громил их.

Тогда же нашу группу очень заинтересовали антирелигиозные вопросы. Мы тогда зачитывались книгами по естествознанию. Иногда бойкий на язык Лукаш, переговорив со мной и получив от меня ряд выписок из книг, выступал на уроке «закона божьего» и задавал каверзные вопросы священнику...

Русско-японская война своими ужасами возмущала нашу группу, и мы об этом в кругу товарищей в классе и говорили прямо. Самому мне пришлось жить тогда вместе с отцом в комнате, снимаемой у одного рабочего казенного винного завода. Беседы с этим рабочим и с его приятелями, приходившими к нему, только укрепляли во мне мой взгляд на войну, т.-е. что ее нужно прекратить, что она зло для народа.

Помнится, что изредка к нам в класс попадал листок на тонкой бумаге против войны, помнится, попал к нам как-то и № «Искры». Шопотом мы говорили перед уроком или на переменах о забастовках среди рабочих. Сердце как-то странно замирало. Таинственной вуалью были одеты для нас рабочие, они нас интриговали, и нам хотелось проникнуть на завод и посмотреть и услышать, что там думают и говорят рабочие.

С великой радостью я отозвался на приглашение Фомина пойти к нему на квартиру на Гороховой улице, где была шоколадная мастерская его отца. После этого часто я забегал в эту мастерскую поговорить с рабочими, получить от них ответы на мучившие меня вопросы, да, надо сознаться, и попробовать шоколаду прямо из котла, в котором его варили.

После «рождественских» каникул, в начале 1905 года, собрались мы в гимназии. От одного к другому шопотом передавалась весть, что на-днях что-то «готовится» рабочими обществами. Старшие ученики предложили нам не волноваться и на улице в эти дни зря не торчать. В это время мой отец переехал на новую квартиру к молодому рабочему столяру электро-механического завода «Гейслера» Михаилу Степановичу Иванову, с которым я сразу подружился и который сразу же начал меня просвещать и рассказал мне про поха Гапона и про обман, который сеет он в рядах рабочих.

Занятий 9-го января у нас в гимназии не было. Гимназия была закрыта. К вечеру приехала моя мать и, наняв

попутного извозчика из категории «ванек», кружным путем мы отправились на Николаевский вокзал. Мы уже знали от М. Иванова, что произошло в этот день у Зимнего дворца.

Пустынны были улицы. Попробовали мы въехать на деревянный Дворцовый мост. Патруль солдат нас остановил и повернул назад. Спустились мы в Неву и через лед перебрались на другую сторону. Подъехали к Гороховой. По ней сновали солдаты, полиция и ломовые сани, на которых, покрытые брезентами и рогожами, лежали человеческие тела. Мрачный обоз...

Кое-как мы выбрались на глухой, темный и жуткий Невский. Извозчик нервничал. Вдруг крик: «Стой!» От темного угла улицы отделилась группа черных людей, бегущих к нам с револьверами в руках.

— Никак офицер?...

— Нет, гимназёр.

— Куда едете?

— За Невскую.

— Отпускай.

— Эй, товарищи, казаки едут!..

И группа рабочих отделяется от нас и скрывается в темноте улицы. Впереди нас раздается сухой треск выстрелов, и на нас несутся казаки. Справа кучка каких-то женщин и мужчин бьет стекла в окнах мелочной лавки под винным магазином Шитта (угол Невского и Николаевской). На улицу выкатываются бочки керосина и разбиваются у газетного киоска Пташниковы посреди улицы. Лошадь наша стоит. Чиркнула чья-то спичка, керосин вспыхнул, и киоск запылал. В воздух взлетели горящие газеты. Кто-то бьет окна в магазине Шитта. От стен домов на противоположной улице отделяются черные фигуры рабочих, бегут к громилам и стреляют в них. Подъезжают казаки. Выстрелы. Лошадь наша рванула. «Стой!», — кричит нам несущийся на нас казак, на ходу козыряя, — «ваше благор...», — и с уст казака срывается площадная брань и на мою спину со свистом опускается нагайка. Спина спасена, зато висевший на ней ранец рассечен. «Проклятая синяя говядина», — бросает мне казак, уносясь в темноту Невского. Наш извозчик нещадно хлещет свою клячу, и мы подъезжаем к вокзалу. Площадь оцеплена солдатами. К нам несутся со штыками наперевес два солдата и офицер с обнаженной пашкой. Нас на руках снимают

с саней и обыскивают. Мои учебники просмотрены. Но ничего не найдено. Я укладываю их в разорванный ранец, спокойный, что переплеты целы и что заклеенные в них мною и М. Ивановым прокламации не обнаружены. Допрос с нас снят, и мы допущены на вокзал. Вот мы сидим в поезде, который ведут солдаты. Мать прижимает меня к себе и шепчет: «Ну, и мы уцелели и «они» (прокламации)»....

Через несколько дней я вновь в гимназии... События всех взволновали. Бесед среди учеников не оберешься. Наши хулиганы присмирели. У многих учеников сжимались кулаки, когда они слышали рассказы, что у дворца были убиты и учащиеся дети.

Пробовали мы сунуться к старшим ученикам. Но нас «отпили» — малы еще. Осталось лишь газеты читать да спорить с маменькиными сынками «чистоплюями» — учениками, и нещадно спорить с законоучителем на тему «не убий». Придешь домой и перед сном заберешься в комнатку М. Иванова и там до глубокой ночи беседуешь по душе, изредка получая от него две-три прокламации для учеников...

Летние каникулы, — не помню, как пролетели они...

1905-06 учебный год. Четвертый класс.

За лето много было передумано. С нетерпением, помню, рвался в гимназию. Хотелось услышать, что делается в городе, хотелось услышать, что мог бы рассказать М. Иванов. За городом жили слухами. Хотелось быть с теми, кто против царя... Мы снова поселились у М. Иванова. Снова полились наши тихие беседы поздними вечерами. Снова за пазуху, уходя от него, я прячу прокламации и маленькие книжечки на тонкой бумаге. Захожу по пути в уборную квартиры, там наспех и урывками прочитываю кое-что в них и спешу к себе в комнату. А на другой день их жадно читают в нашем, четвертом классе. Получали мы кое-что и от старших учеников, к которым рвались всей душой... Наши ожесточенные споры со священником-законоучителем Покровским, о котором мы узнали, что он активный член «союза русского народа», приняли ожесточенный характер, часто переходили на политическую почву, кончались обструкциями и изгнанием его из класса и отказом отвечать его урок.

Помню, как-то осенью, мы настаивали перед старшим отделением, чтобы и нас допускали к ним на собрания.

Усиленно распевали мы «Марсельезу» в переменах в коридорах и в классах перед уроками. Бывало, если кто из учителей начнет с нами слишком начальнически обращаться, в классе раздается сплошной вой, и разносится вонь обструкции. Сам я вечно торчал на сходках старших учеников и жадно слушал. Помнится, что мне только не нравилось то, что на сходках этих слишком много было разговоров... Вспоминался рабочий квартал, где я жил, квартиры рабочих, — там не то было.

Иногда в гимназиях прерывались занятия. Помню, в середине октября к нам в гимназию пришли реалисты и «сняли» нас¹⁻²⁾. В старшем отделении шла сходка. Прямо со сходки с пением «Марсельезы» выeshали мы на улицу. Наша группа четырехклассников, вместе с ними и я, помчалась на 8-ю линию «снимать» 8-ую гимназию и Василеостровскую женскую, в которой учились мои сестренки и выходы и входы которой я хорошо знал. «Сняли». Наша группа помчалась на Петербургскую сторону к Введенской гимназии. Забастовка продолжалась несколько дней.

Эти дни я был в полном распоряжении молодого рабочего М. Иванова. Под строгой тайной он поведал мне, что он начальник боевого «пятка», и я помогал Иванову чистить револьверы и под вечер обходить улицы Петербургской стороны, проверяя посты дружинников и снабжая их патронами и передавая им словесные распоряжения Иванова. Заводы бастовали, полиция исчезла с улиц, погруженных в тьму и безлюдных...

Помню, в начале ноября 1905 года наша гимназия опять забастовала с применением вопочей обструкции и с битьем

¹⁾ В дни особенного революционного возбуждения, например, в октябрьские, «снимать» отправилась целая толпа. Так 13-го октября в СПб. ученики 1-го реального училища двинулись к Ларинской гимназии, где в это время была уже сходка, а отсюда, подкрепленные ларинцами, рассыпались по улицам Васильевского Острова и Петербургской стороны». (Стр. 38. С. Знаменский — «Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905-1906 г.г. и их значение», СПб., 1919 г.).

²⁾ «Были посещения: учениц Покровской гимназии, гимназии принца Ольденбургского, Ларинской гимназии. Депутаты обыкновенно приходили скромно в швейцарскую, переговаривали с кем-нибудь из учеников, и гимназия весьма быстро приходила в брожение. 13-го октября в гимназию ворвалась толпа человек в 100 (еще сотня осталась на улице) учащихся. Она вела себя спокойно, но требовала закрытия гимназии, что и было исполнено. Мужская гимназия». (Стр. 73 материалов сборника «Забастовки в средних учебных заведениях С.-Петербурга», составил Ал. Пиленко, СПб., изд. Клуба Общественных деятелей, 1906 г.).

стекол в окнах и в книжных шкафах и электрических лампочек для срыва занятий в классах...¹⁾

Мы, четырехклассники, устраивали в эти дни забастовки на углах 6-й линии и Большого и Среднего проспекта Васильевского Острова и на мостах, ведущих на Васильевский Остров, заставы по утрам и возвращали домой идущих в гимназии учеников, иногда даже грозя расправиться с ними.

После этой забастовки в старшем отделении нашей гимназии забурлила иная жизнь. Нам, четырехклассникам, разрешили бывать и в читальне старших учеников и на их сходках с правом совещательного голоса.

Как-то на одном из собраний после горячих дебатов был принят устав института старост (см. приложение № 1 к этому очерку). Четвертый класс был огорчен — он был за бортом организации учащихся, как младший, не правомочный. Но этот класс все же выбрал своих старост, и, когда что-нибудь у нас случалось, мы посылали их в Совет Старост старшего отделения.

Меня интересовала больше всего ученическая читальня и споры в ней. В читальне продавалась разная литература, я принадлежал к социал-демократической (тут сказались и влияние молодого рабочего соц.-дем. М. Иванова и склонность к ней: она была положительнее и серьезнее, на тогдашний мой взгляд). Я копил себе библиотечку и распространял книги среди своих соучеников.

Забастовки у нас в гимназии были часто, в памяти только не удержались причины их. С трудом вспоминаю, что нашим завоеваниям — читальня, курилка, пренебрежение к (форме одежды и т. д.) грозила опасность, и ученики часто волновались²⁾.

¹⁾ «Человеки в футлярах» продолжают вести старую политику. На этих днях из училища принца Ольденбургского были уволены 4 воспитанника, подозреваемые в «агитации», и в тот же день выселены из пансиона. Возмущенные этим, ученики 3-ей и Ларинской гимназий 2-го ноября забастовали впрямь до принятия уволенных товарищей. Во все гимназии посланы депутаты с предложением присоединиться к протесту. Можно ожидать забастовки в средних учебных заведениях». («Новая Жизнь», 30 ноября 1905 г.).

«Известие это оказалось ложным. Несмотря на это, заметка вызвала целый ряд забастовок». (Стр. 47 материалов сборника «Забастовки в средних учебных заведениях С.-Петербурга», составил Ал. Пиленко.)

²⁾ Заявление делегата Ларинской гимназии.

Я, делегат Ларинской гимназии, по постановлению общей сходки от 29-го ноября явился в Покровскую женскую гимназию с сообщением, что

Были случаи и увольнения некоторых учеников старших классов. Помню, это было в конце второй четверти учебного года, бурное собрание учеников старшего отделения гимназии, принявшее резолюцию о забастовке¹⁾.

Мы, четырехклассники, были на этом собрании и получили наказ там на другой день и следующие дни дежурить в пикетах на улицах по утрам и не допускать в гимназию учеников. Нас гоняла полиция, но мы разбегались и вновь «действовали» — поворачивали назад «маменькиных сынков».

Ларинская гимназия примкнула к общей забастовке всех средне-учебных заведений, выражая этим протест тому насилию, которое творится в некоторых средне-учебных заведениях, и что наша забастовка будет продолжаться до тех пор, пока репрессии не прекратятся. Явившись в Покровскую гимназию, я и 2 моих товарища были окружены растерявшимся педагогическим персоналом, требовавшим, чтобы мы удалились из стен гимназии. На мой ответ, что мы удалимся лишь в том случае, если гимназистки не захотят нас выслушать, гимназическое начальство не нашло ничего лучшего, как послать к нам для дальнейших объяснений швейцаров и дворников, между которыми, как исключение, находился педагог С. По решению большинства гимназисток, мы направились в зал, чтобы на общей сходке объявить цель нашего посещения. С. решил употребить энергичные меры: схватил меня с такою силою, что несколько пуговиц моего пальто отлетели, а сам я очутился в лежачем положении на лестнице. Возмущенные таким поведением г. С., гимназистки потребовали извинения перед Ларинской гимназией, которую он оскорбил в лице ее депутатов. Г. С. не нашел нужным извиниться, находя свое поведение вполне корректным.

Предлагаю вам, товарищи учащиеся, самим решить, каким именем называть поступок г. С. и что предпринять, чтобы такие факты больше не повторялись.

(подпись).

(Из петербургской газеты «Молва», 7 декабря 1905 г.)

(Стр. 73 материалов сборника «Забастовки в средних учебных заведениях С.-Петербурга», составил Ал. Пилленко, СПб., 1906 г.)

¹⁾ Ученики Ларинской гимназии V, VI, VII и VIII классов, собравшись на сходке в количестве 150 человек, постановили:

«В виду того, что царское правительство, желая вырвать из средне-учебных заведений лучшие революционные силы и тем ослабить освободительное движение в среде учащихся, закрывает целые классы и даже гимназии и исключает учеников, почему-либо нежелательных, мы решили забастовать до тех пор, пока репрессии не прекратятся, пока исключенные не будут приняты и нам не будут даны гарантии, что впредь этого не повторится. Призываем товарищей, сочувствующих освободительному движению, примкнуть к нашей забастовке, призываем также и педагогический совет присоединиться к нашему протесту. Гимназия должна быть открыта для сходок и рефератов, читальня тоже, несмотря на забастовку, должна функционировать.

Ларинская гимназия.

Из газет «Сын Отечества» и «Русь», несколько иначе, от 1-го декабря 1905 г.). (Стр. 53 материалов сборника «Забастовки в средних учебных заведениях С.-Петербурга», составил Ал. Пилленко, СПб., изд. клуба Общественных Деятелей, 1906 г.)

Я узнал тогда о существовании в нашей гимназии соц.-дем. кружка учеников и познакомился с членами его — шестиклассниками: Михаилом Петровым, сыном сельского учителя (впоследствии М. Петров был меньшевиком, докатился до «ликвидаторства» и, став инженером, отошел от революционного движения), Николаем Байбаковым (став врачом, отошел от революционного движения) и Михайловским (большевиком уже тогда). От них я получал с.-д. листки и брошюры, распространял и продавал их и сдавал им деньги. После уроков я почти ежедневно бегал в столовку Петербургского университета, где имелся стол специальной продажи разной революционной литературы, и приобретал там с.-д. литературу для себя и для своих товарищей и для распространения среди них. Иногда мне удавалось проникать в аудитории на митинги студентов.

Наступили летние каникулы. Я отправился за город. Здесь, при станции «Поповка» Никол. ж. д., мы, гимназисты разных гимназий, сыновья местных жителей-посельчан, организовали кружок помощи Р. С.-д. Р. П.; в него вошли Иван и Семен Огородниковы, Георгий Шедлинг, пишущий эти строки, других не помню. Нас посещал студент-университетский большевик Борис Малайчиков. Нам привозили брошюры и прокламации, последние даже военные. Раза три эти военные прокламации я передавал денщикам живших в поселке офицеров, а все остальное продавал и распространял среди кондукторов и рабочих поселковых конок, среди рабочих строительных артелей, работавших в поселке, среди почтальонов местного почтового отделения. Нами был организован среди них кружок. Собирался он то в копочном депо, то где-нибудь в трактире, а то и просто в квартире рабочих, и среди них мы вели беседы. Кружок этот просуществовал 7 лет, а потом распался, потеряв связь с партией, которую держал через меня (я был выслан из Петербурга и губернии в 1914 г.).

С нетерпением в это лето ждал я осени, когда мог уже наверняка приобщиться к жизни старшего отделения гимназии, как ученик пятого класса, мечтаю организовать с.-д. ученический кружок среди учеников своего класса.

1906 — 07 учебный год. Пятый класс...

От слов — к делу. Ученического с.-д. кружка в гимназии уже не существовало, так как большинство членов его весной кончило гимназию или было исключено.

Приобретая литературу по разным книжным магазинам и редакциям для себя и для соучеников, я познакомился в книжном складе М. Малых с с.-д. В. М. Тетяевой, а в редакции с.-д. журнала «Невский Вестник» получил связь с соц.-дем. партийным Василеостровским районом и явку к секретарю его Елене, курсистке. От нее я пошел к Ив. Ив. Лодыженскому (меньшевик). Район был объединенный, мне обещали дать пропагандиста...

И вот, связавшись вновь с седьмым классом (М. Петров, Н. Байбаков и Михайловский) и сплотив вокруг себя в своем пятом классе 5 человек (Ельницкий, Мурзаков, Павел Петров и другие, фамилии которых я забыл — все пансионеры, вечно полуголодные, вечно неудовлетворенные своим положением), я устроил с согласия квартирохозяйки, работницы, у нее в комнате первое наше собрание, на котором присутствовал и наш «гимназический дядька» — уборщик классов, в кладовушке которого я хранил литературу и с которым беседовал на революционные темы. Этот «дядька» несколько раз потом посещал наши собрания, а затем уволился из гимназии. На собрание явился и пропагандист — студент «Вадим» (Рудницкий), который вел наш кружок почти два года. Его доклад о целях движения учащейся молодежи и о роли его в рабочем движении был выслушан нами с неослабеваемым интересом. Был намечен план работы — рефератов. И Вадим раз в месяц, иногда два раза, посещал наш кружок, который собирался всегда в комнате моей бабушки, с которой я жил, уже на другой квартире, рабочего маляра, на чердаке большого дома на Б. Пушкарской против фабрики Отто Кирхнера. На этом собрании я был избран организатором кружка.

Наш ученический кружок организовал в гимназии группу среди поваров, судомоев столовой пансиона гимназии, среди сторожей и «дядек». Мы их снабжали литературой и по вечерам вели с ними беседы.

В этом же году я и М. Петров были избраны представителями нашего кружка в Василеостровский районный партийный комитет и в организацию учащейся и рабочей молодежи

при Петербургском Комитете Р. С.-Д. Р. П. Доклады на своем, Ларинском, кружке мы делали уже сами, Вадим только руководил нами. Помню, и мне пришлось делать доклад о формах рабочего движения (по Тотомианцу). Ну, и «крыли» же меня тогда и Вадим и большинство нашего кружка. Один только Михайловский поддерживал меня. Я защищал революционные методы борьбы. Этот доклад вызвал необходимость выслушать соответствующий доклад Вадима о меньшевизме и большевизме. Собрались мы как-то для этой цели. В результате — пять человек за Вадима (меньшевик), а трое нас — Ельницкий, Михайловский и я, были против, мы только просили кружок не раскалываться. И вот было решено компромиссно, что во все партийные учреждения от кружка будут посылаться: я — от меньшинства кружка (сочувствующего большевикам) и М. Петров — от большинства (сочувствующего меньшевикам)...

Заседания Василеостровского и Выборгского районов ученической организации происходили на квартире студента-универсанта Сергея Дианина, который всегда председательствовал. От этого района я вошел под кличкой «Шило» в Центральный Комитет ученической организации, собиравшийся, насколько я помню, чаще всего на квартире родителей Федора Кваскова. Вскоре С. Дианин стал приглашать на заседания ученического районного комитета: В. Городецкого от 11-й гимназии, Зенона Луцка и Анатолия Корелкова от 5-й гимназии и еще каких-то гимназистов и гимназисток (среди них Аня Афанасьева от Таганцевской гимназии) и повел агитацию об организации самостоятельной, особой ученической организации. Затем, в 1908—09 г.г., он еще более поправел и заговорил о междупартийной организации молодежи, под названием «Молодая Россия», которая объединила бы учащуюся и рабочую молодежь без различия революционного исповедания, и даже договорился до того, наконец, что цель оправдывает все средства, поэтому-де и надо идти даже на службу в охранку, чтобы взорвать ее изнутри. Все это смутило даже и флегматичного меньшевика Михаила Петрова, подняло бучу в нашем Ларинском кружке, а я с тревожным докладом, ни минуты не медля, направился в ученический ЦК. Отдельные Василеостровский и Выборгский районы нашей ученической организации были тогда реформированы и слиты вместе — в Василеостровско-

Выборгский район с одним районным комитетом, который собирался то у Ф. Кваскова, то у Маруси Штерцер, на 5-й линии Вас. Острова, то у Сони и Веры Хрустальных¹⁾ на Среднем пр. Васильевского Острова, то на Выборгской стороне. О Дианине же товарищи повели следствие, и он тогда отошел от работы в нашей организации. Работая в объединенном районном комитете ученической организации, по поручению его я начал вести кружок учениц (10 человек) Гаваньского приюта профессионального образования, собиравшийся у меня на квартире два раза. Затем его взял вести кто-то из гимназисток, членов нашей организации, не то Леля, не то Маруся. В это же время мы начали усиленно организовывать районную библиотеку, в которую я передал по решению нашего кружка библиотечку последнего. Вскоре мне поручили организовать «технику» района — гектограф, который я варил сам, а затем вместе с Лушиком, перешедшим к нам от Дианина, печатал и регистрационные карточки районной библиотечки и проч.

В начале весны 1907 года Василеостровский партийный районный комитет поручил мне перевозку и переноску литературы по району, продажу ее и пополнение кассы района сборами... В это же время я два раза был на общерайонных партийных собраниях активных работников, одно из них, помню, было на квартире студента Алексея Лозино-Лозинского.

Лето 1907 года я опять провел за городом. Снова повел с теми же товарищами «содействующую» партийную работу, которая пошла на этот раз у нас более организованно. Был организован второй кружок — из плотников, маляров и столяров строительных артелей. Кружки мы снабжали регулярно литературой издания М. Малых, «Донская Речь» и «Молот», также прокламациями и газетами и вели беседы на политические темы. Был даже случай, когда нам удалось организовать и провести успешно забастовку плотников у одного подрядчика, систематически задерживавшего выплату им заработка. Среди рабочих, членов наших двух поселковых кружков, нашлись и безграмотные, мне было поручено обучить их таковой.

¹⁾ Одна из них была активным членом нашего районного комитета, работала в районной библиотечке организации. Обе сестры — гимназистки, дочери полковника.

В то же лето наша поселковая группа гимназистов организовала несколько спектаклей в поселке, сборы с которых пошли в фонд постройки в поселке общественной поселковой средней школы; тогда же мы произвели и в своей среде и вообще в поселке сбор книг для библиотеки будущей школы.

1907 — 08 учебный год. Шестой класс...

В нашем Ларинском кружке возникли затруднения. Восьмиклассники (Петров, Байбаков и Михайловский) кончали гимназию, были перегружены учёбой и стали плохо посещать собрания кружка. М. Петров же, кроме того, занялся партийной работой в рядах меньшевиков во франко-русском подрайоне, а Михайловский в каком-то из районов в рядах большевиков. Да и споры в нашем кружке, как и во всей ученической организации, между меньшевистствующими и большевистствующими стали резче.

Из числа учеников пятого класса мы в этот момент вовлекли в ряды нашего кружка Андреева и Байбакова-младшего и еще кого-то. Кружок наш попрежнему стал собираться раз-два в месяц, зачастую после уроков в помещении самой гимназии.

Центральный Комитет нашей организации развил в то время большую работу и вообще в организации и в своей собственной среде: дискуссии, рефераты, реальная помощь партии и т. д. Василеостровский партийный район стал нагружать меня и своей работой. Я был привлечен к раздобыванию шрифта для подпольной типографии и работал в самой подпольной типографии района по разбору шрифта и по выносу и развозу по определенным адресам прокламаций (в типографии работали стекольщик Смирнов, трамвайщик Алексин¹⁾ и студенты «Василий» (Владимир Степанек) и «Саша» (Рабинович). Помню, набирали мы и тискали № 1 «Голоса Трамвайщика», затем получили сведения, что за типографией налажена усиленная слежка, и типографию пришлось куда-то переправить. Тогда взялись за mimeограф, на котором, по поручению района, а затем и нашей ученической организации, работали я, Лушик, «Генос» и студент Матвеев. Как-то в комнатушку,

¹⁾ Василий Ефимович Алексин, рабочий, ныне (с 1917 г. «бессменно» заведующий Ленинградскими городскими железными дорогами. Старый член Р.К.П. (б).

в которой я жил со своей бабушкой, вечером пришел В. Степанек и просил хотя бы на гектографе отпечатать 200 штук прокламаций к рабочим писчебумажной фабрики Печаткина от имени Голодаевского подрайона Василеостровского района Р. С.-Д. Р. П. Он ушел, а я принялся сначала варить гектограф, а потом всю ночь печатал и сушил прокламацию, которою набил полный свой ранец, и утром, идя в гимназию, отнес ее на остров Голодай... Моя работа в ученической организации стала хромать. А тут еще вышел (в конце 1907 г.) отрывной календарь «Солнце», и Василеостровский районный комитет партии поручил мне продать его 500 экземпляров в вечерних культурно-просветительных рабочих организациях. Быстро продал я это количество, понадобились еще 1.000 экземпляров. Продав и это. Рабочие Васильевского Острова и Петербургской стороны раскупали у меня этот календарь, вскоре конфискованный, очень охотно, и на одном заседании районного комитета партии я сдал в его кассу 40 рублей, получив поручение передать нашему Ларинскому кружку привет и товарищеское спасибо за активную помощь партии. Календарь этот мы пачками разносили по условленным адресам рабочих.

Помню, что после разгона 2-й Госуд. Думы ¹⁾ Василеостровский партийный комитет вручил мне несколько прокламаций Петербургского Комитета партии. Часть их я уделил Луцику и другим товарищам из ученической организации, а другую распространил в своей гимназии. Наш гимназический кружок, совместно с кружком эс-эров (Н. Фомин, М. Зайд, И. Лукаш и Г. Егоров) организовали по классам обструкцию, а в курилке митинг. На этом митинге, по поручению кружка, я выступил с краткой речью по поводу разгона Думы и суда над депутатами социал-демократической фракции и прочел вслух прокламацию. После митинга мы с пением «Марсельезы» и «Вы жертвою пали» разошлись по классам с самодельным красным флагом (из моего красного чистого носового платка), а затем, сорвав занятия, и по до-

¹⁾ В выборах в эту Думу наш кружок принимал активное участие, получив от партии воззвания и бюллетени по выборам. Все это мы после уроков, выбирая более поздние часы, разносили по рабочим кварталам, рассовывая все в щели дверей, а то и бросая в квартиру, если дверь была открытой.

мам. Некоторые ученики сверх программы даже набили электрических лампочек и стекол в книжных шкафах и в дверях.

Наша гимназическая ученическая читальня после этого стала переживать кризис — начальство порывалось ее закрыть не раз. В ней мы вели ожесточенные споры с эс-арами и ка-детствующими учениками и с хулиганской группой «огарков», сынков лавочников и извозопромышленников.

Помню еще, что наш ученический Василеостровский Выборгский районный комитет поручил мне весной 1908 года сварить гектограф. Вскоре ко мне на квартиру с Луциком пришел «Кирилл» (Владимир Савваитов) и принес мне текст прокламации о 25-лети со дня смерти Карла Маркса (см. приложение № 2 к настоящему очерку) и сообщил, что эта прокламация выпускается от имени нашего комитета. Нарисовал я заголовок, выписал ее текст и, с помощью Луцика, всю ночь, а затем и весь день, не пойдя на занятия в гимназию, печатал и сушил прокламацию — 500 штук. К вечеру вновь пришел Савваитов, и мы вдвоем распределили эти прокламации между нашим районом и городским. Городской взял Луцик, а наш я и Савваитов. Отвезя порцию прокламаций в 11-ую гимназию В. Городецкому, дав порцию своим сестренкам для Василеостровской женской, на другой день я с Савваитовым отправились в 1-е реальное училище к Н. Яковлеву и дали ему третью порцию для учащихся и для Введенской гимназии, затем Савваитов отправился в 8-ю гимназию, а я поехал с отчетом на квартиру к Кваскову в наш ЦК.

Наступила экзаменационная горячка — перехода в следующий класс. Члены нашего кружка восьмиклассники покинули и кружок и гимназию, окончив последнюю. Снова лето за городом. Снова кружок почталыонов и кружок строительных рабочих. Но меня тянул к себе город и вечерняя школа рабочих на Б. Гребенской ул. Петербургской стороны.

1908 — 09 учебный год. Седьмой класс...

Пораньше забираюсь в Питер. Решил поселиться с братом М. Петрова — студентом военно-медицинской академии, Николаем Петровым, членом большевистской студенческой организации.

Как-то зашел я в Петербургское районное отделение союза металлистов, там же было и правление, к секретарю района

Сергею Гусеву, слесарю текстильной фабрики братьев Леонтьевых. Он был эс-эром, но тяготел к большевикам. Еще в прошлом и в позапрошлом годах я часто заходил в это отделение и сдавал производившиеся нашим Ларинским кружком денежные сборы в гимназии на бастующих рабочих-металлистов. Тогда я и познакомился с Гусевым, споря с ним, когда оставался работать в библиотеке союза.

Он решил снять отдельную квартиру и искать надежных жильцов. Съехав с Церковной улицы, он поселился на Б. Ружейной. Занял маленькую комнатку и я с Н. Петровым, а в прихожей у самых дверей притулилась койка бежавшего из ссылки слесаря-большевика Павла Абрамова (Максим Лебедев — «Павел Борода»), в узкой комнатке поселился сам Гусев с женой и с «гусенятами», а в большой комнате настроили себе нар 10 ткачей с фабрики пожарных рукавов Саутама, все эс-эры. То в моей комнате, то у них, то у Гусева часто происходили разные собрания. Ко мне в комнату зачастил и Абрамов, начал он брать у меня уроки русского языка и арифметики. По вечерам в моей комнатке собирался иногда то Ларинский ученический кружок, то Колтовской подрайонный комитет партии, которым руководил бывший член ученической организации, в те дни студент-университет — «Дмитрий» (Давид Левин). Назначили меня тогда секретарем этого подрайона и нагрузили на меня поддержку связи, разноску прокламаций, организацию собраний. Тут же мне поручено было и посещать переодетым «Гребецкую» вечернюю школу для рабочих, и там диктовать диктовки, показывать решения задач по арифметике да вести агитацию.

В это время на механическом заводе Лангеншпена организовался кружок молодых рабочих большевиков (Василий Ларионов, Сергей Зубков, остальных не помню), с которыми я познакомился через П. Абрамова и сошелся близко в «Гребецкой» школе, учениками которой они были вместе с П. Абрамовым. ЦК нашей ученической организации с ведома партийной организации поручил мне работать в этом кружке, — работал я в нем больше года, но работа моя заключалась лишь в указаниях, советах, да беседах в стенах «Гребецкой» школы с ними...

Часто комната, в которой я проживал, бывала и местом явок партийных товарищей. И когда около квартиры стали «витья» какие-то подозрительные лица, а дворник зачастил

к нам в квартиру, Гусев переехал вместе со всеми нами, его квартирантами, на другую квартиру на Б. Монетную. От работы я уставал, это отражалось на моих учебных занятиях и на моих заработках. Часто вернувшись поздно домой, я, подзубив латынь, позанимавшись по алгебре, садился за рисование программ и афиш для вечеринок и спектаклей. Но за это платили гроши. Гроши получал я и за уроки.

В гимназии учителями был объявлен поход против учеников вообще и против нас, активистов, в частности. В конце концов, кажется, и читальню закрыли, и погрузили нас в учёбу, задавая на дом массу уроков, прямо таки заставляя зубрить. Гнали, что называется, без передышки и требовали ответов по урокам на зубок. Заволновался наш седьмой класс. Наш соц.-дем. ученический кружок решил действовать вместе с эс-эрами. Начали применять «вонючие» обструкции. Не помогало. Директор начал вызывать, и, что замечательно, все членов эс-эровского и эс-дековского кружков, к себе на квартиру, и все поодиночке, и усовещевал бросить «эти затеи», и рассказать, кто тут виновником, и при этом давал ясно почувствовать, что можно вылететь из гимназии с «волчьим» билетом. Раза два вызывал он и меня. Упрекал, что я стал плохо учиться, стал, де, даже получать двойки по латыни и математике, по которым «шел» хорошо, стал часто пропускать уроки, и вести «какие-то странные работы вне стен гимназии».

Очень уж нас донимал переводами на дом учитель французского языка. По две страницы перевода задавал он нам на дом, с кучей слов, синонимов, правил и проч. Этот учитель и оказался «жертвой» нашего выступления. В один прекрасный день все наши французские хрестоматии полетели на высокую печку в классе. Мы решили устроить «итальянскую» забастовку... Вошел в класс учитель. Мы встретили его гробовым молчанием и не встали, как полагалось всегда. Он зашел на кафедру, окинул взглядом весь класс и вдруг вызвал меня. (Он редко меня спрашивал по заданному уроку, так как я часто в конце его уроков по его заданию переводил вперед, — я любил французский язык.) Я встал и пошел к кафедре без книжки:

— Почему идете без хрестоматии?

— У меня, как и у всех, ее нет.

— Возьмите мою и читайте сегодняшний урок.

Книгу я взял, но молчал.

— Почему молчите?

— Я урока не знаю, как и все.

— На прошлом уроке вы переводили сегодняшний в классе. Или читать разучились за ночь? Переведите прошлый урок.

— Не могу.

— Читайте тогда страницу такую-то.

Я прочел абзац.

— Переведите.

— Не могу.

— Что!? Забастовка!? Садитесь. Единица...

При гробовом молчании класса я возвращаюсь на свою парту. Позади меня шепчутся наши эс-эры и члены нашего кружка. Что-то готовят. Я пишу им записку, чтобы они не предпринимали ничего без сговора и чтобы агитировали за молчание.

— Петр Павлов.

Это учитель вызвал ученика, сына извозпромышленника.

Бледный Павлов держал в руках книгу учителя, начал было читать, а затем, зарывав, упал посреди класса на колени, уронил на пол книжку и, протягивая руки то к учителю, то к ученикам, закричал:

— Не могу!.. Товарищи, меня... пощадите... Меня отец избьет кнутом... Не могу... (Павлов был из группы «огарков»).

В классе поднялся вой. В этот момент позади меня встали эс-эры, и с их стороны прямо в лицо учителю полетела мокрая губка и пыльная меловая тряпка. Раздалось пение «Марсельезы», которую запели члены нашего кружка. Учитель бомбой вылетел из класса. Мы же с пением «Марсельезы» ушли из класса.

На другой день инспектор меня и троих эс-эров не пустил в класс:

— Решением педагогического совета вам запрещено посещать гимназию в течение одного месяца. Одумайтесь!

Вернулся я домой и с головой окунулся в исполнение поручений партийных товарищей и ученической организации.

В течение этого месяца два раза меня вызывали в гимназию и на квартиру попечителя для усовещивания. Затем моей матери предложили взять меня из гимназии «по прощению»

и 21-го декабря 1908 года я получил на руки «аттестат» за 6 классов.

В феврале 1909 года я уехал с партийными явками в Новочеркасск, везя литературу для александрово-грушевских рабочих. В начале лета я вернулся в Петербург и явился в распоряжение партийных товарищей, не порывая связи с Лангензипенским с.-д. кружком молодых рабочих.

Ларинская гимназия давала работников для революционного движения и в прежние годы.

И в 1898 году в гимназии была нелегальная ученическая организация, смешанного, общеобразовательного характера. В числе членов этой организации тогда были В. О. Левицкий (впоследствии соц.-дем.) и А. Д. Покотиллов (впоследствии с.-р.) и другие ¹⁾.

Среди арестованных 9-го декабря 1912 г. в Петербурге «витмеровцев» был и «ларинец». Известны только его политические взгляды.

Георгий Шидловский («Шило»).

Приложение 1-е.

УСТАВ ИНСТИТУТА СТАРОСТ ЛАРИНСКОЙ ГИМНАЗИИ.

Институт Старост является выборным учреждением из среды учеников старшего отделения и имеет целью быть выразителем мнений общего собрания и проводником его постановлений, но не имеет права принимать самостоятельные решения.

Примечание 1. Решения общего собрания считаются законными при наличии $\frac{2}{3}$ всего старшего отделения.

Примечание 2. Решения общего собрания считаются законными, когда за данное решение высказалось более $\frac{1}{2}$ всего старшего отделения.

I. Каждый класс выставляет по 5-ти кандидатов, из которых общим собранием, после их речей, выбирается по два старосты и по одному кандидату.

II. Переизбрание старост может быть произведено и ранее окончания срока их полномочий, по требованию $\frac{1}{2}$ класса.

Примечание 1. Перебаллотировка старост производится не более одного раза.

Примечание 2. Перебаллотировка старост может также производиться по требованию товарищеского суда.

¹⁾ Стр. 157, № 3, 1922 г., «Каторга и Ссылка».

III. Если старосты слагают свои полномочия сами, немедленно производятся тем же порядком выборы новых старост.

Примечание. До выбора новых старост, старые должны исполнять свои обязанности.

Обязанности и права старост.

I. Старосты являются посредниками между учащимися с одной стороны и Педагогическим Советом и родительскими собраниями — с другой.

II. Старосты собираются для обсуждения различных вопросов школьной жизни.

III. В собраниях старост участвуют старосты пансиона и все кандидаты с правом совещательного голоса.

IV. Старосты избирают из своей среды председателя и секретаря.

Примечание. Постановление собраний старост считается законным, если за него высказается более $\frac{1}{2}$ всего числа старост, имеющих право решающего голоса.

V. Заседания старост происходят при закрытых дверях, но на эти собрания могут быть приглашаемы представители Педагогического Совета и товарищи, вносящие предложения и заявления с правом совещательного голоса.

VI. Старосты созывают общие собрания учащихся, извещая представителей Педагогического Совета, но они не могут быть избираемы председателями собрания.

VII. По требованию $\frac{1}{2}$ общего собрания или отдельного класса, с ведома Педагогического Совета, старосты обязаны созвать общее собрание учащихся.

VIII. Старосты приглашаются представителями Педагогического Совета на родительские собрания и заседания Педагогического Совета, когда их присутствие будет там необходимо.

IX. Старосты имеют право через представителей Педагогического Совета вносить заявления и предложения $\frac{1}{2}$ общего собрания или отдельного класса в Педагогический Совет и родительские совещания.

X. Старосты устраивают рефераты и лекции научного содержания, по соглашению с представителями Педагогического Совета, для всех учащихся средне-учебных заведений.

XI. Совет старост имеет право вывешивать в особой витрине различные объявления и извещения.

XII. Пересмотр отдельных частей устава производится по требованию $\frac{1}{3}$ общего собрания или целого класса, а пересмотр всего устава по требованию $\frac{2}{3}$ общего собрания.

XIII. Каждый ученик старшего отделения вносит ежемесячно в кассу «Института Старост» 10 (десять) копеек для расходов на повестки, печатание и т. п.

СПб., 19-го ноября 1905 года ¹⁾.

¹⁾ Взято из сборника: «Забастовки в средних учебных заведениях С.-Петербурга», составил А. Л. Пиленко, СПб., изд. Клуба Обществен. Деятелей, 1906 г., стр. 31.

Приложение 2-е.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

ПАМЯТИ КАРЛА МАРКСА.

1 (14) марта 1883 г. — 1 (14) марта 1908 г.

Товарищи! Сегодня исполняется 25-ть лет тому печальному дню, когда по выражению Ф. Энгельса «человечество стало ниже на голову и притом на самую гениальную», когда умер великий теоретик и вожьд всего борющегося пролетариата — Карл Маркс. Заслуги его перед пролетариатом неисчислимы. Он не только дал в руки рабочему классу книгу, заменившую ему меч, не только указал ему в теории необходимость международного объединения, но и сделал целый ряд практических шагов в этом направлении. При его горячем содействии 28-го сентября 1864 года было основано на одном лондонском митинге «Международное общество рабочих» или «Интернационал». Он же был автором его устава и первым его секретарем. Правда «Интернационал» распался под ударами правительственной реакции, но брошенное им семя попало на благодарную почву и урожай был великолепен... Нынешний международный социалистический конгресс в Штутгарте показал это... Представители рабочих всего мира сошлись там для военного совета, даже «желтая» Япония, только что вступившая на путь капитализма, прислала своего представителя и этим показала, что «восприняла не только дальновидные пушки, но и «Капитал» К. Маркса»... Буржуазия с ужасом увидела, что мощь ее могильщика — пролетариата все растет, что все сильнее содрогается устои ее господства... И эта мощь будет расти непрерывно, ибо верен компас, врученный пролетариату его кормчим К. Марксом, ибо дело пролетариата — правое дело. Нет гранитного памятника К. Марксу, но зато есть живой памятник — 10-ть миллионов организованного социалистического пролетариата. Сегодня этот памятник заговорит везде, где есть пролетариат; пронесется имя Карла Маркса, везде пролетит могучий пролетарский лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Присоединимся же и мы к великой армии труда и пусть нашими лозунгами будут:

«Да здравствует Социализм!»

«Да здравствует лучшее будущее!»

Комитет Нар[ско]-Колом[енского] и Васи[ле]-О[стровско]-Выборг[ского] — районов с.-д. орг[анизации] учащ[ейся] и рабоч[ей] молодежи.

Примечание. Прокламация эта отпечатана по старой орфографии, но без твердых знаков, на лиловом гектографе, на лицевой стороне целого полулиста обычного размера писчей бумаги. Слова заголовка ее — «Памяти и т. д.» нарисованы крупными двойными печатными буквами. Отпечатано ее было 500 экз. Печатали ее я, Зенон Лушник и «Геносс» две ночи напролет, собравшись сначала у меня, а потом в «ротах» в комнате Геносса под видом занятий к экзаменам. Спали вповалку. Оригинал прокламации лично мне принес Кирилл (Саввантов). Гектограф варил я с Зеноном, который притащил откуда-то специальную для сего железную сковороду. Бумагу и проч. пришлось достать мне. В это дело я ухлопал все выданные мне организацией деньги, взял из кассы ларинского кружка, пошл и мои и Зенона кое-какие сбережения.

Георгий Шидловский.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ.

Революция 1905 года застала меня в четвертом классе частной петербургской гимназии Л. С. Таганцевой¹⁾, куда я только что попала на стипендию из высшего начального училища. Революционная буря смутно докатывалась до нас. Мы знали, что учителя борются с основательницей и начальницей гимназии Л. С. Таганцевой за участие в управлении гимназией, и поднесли учителю, принципиально покинувшему гимназию, свои стихи: ему мы приписали подвиги всех героев древности (как раз проходили древнюю историю), а себя мы изобразили под тяжестью цепей. Класс резко делился на две группы: чинных барышень высшего чиновного и промышленного круга и бойких, развитых интеллигенток, дочерей профессоров, адвокатов, художников. Я была хмурым воробьем среди нарядных канареек и не подходила ни к одной группе, но для вторых я была интересна, как готовый образец модного тогда демоса и, в конце концов, примкнула к их широкой компании. Две из них, самые ранние мои приятельницы, скоро перешли в вольную Преображенскую школу, но связь моя с ними не прекращалась, и одна из них, Вера Хрусталева, ввела меня впоследствии в соц.-дем. ученическую организацию. Отец Веры Хрусталевой был полковник, контуженный в японскую войну. Жили они, кажется, на пенсию да на заработок старшей сестры в невзрачной квартире на Васильевском Острове. Вера и ее средняя сестра, Соня, гимназистка Василеостровской женской гимназии, занимали возле

¹⁾ Гимназия эта, как частная, была доступна по плате за ученье лишь состоятельным людям. Таганцева филантропствовала и давала бесплатное ученье нескольким детям рабочих. Такой стипендией пользовался и автор этих воспоминаний.

Георгий Шидловский.

кухни длинную и узкую, как коридор, комнату с парой облезлых стульев и узенькими железными кроватями, но и эта обстановка им казалась буржуазной, и они всегда мечтали об уходе из дома. Даже чай мы пили не с родителями в столовой, а Вера носила стаканы с чаем в свою комнату на подносе. Здесь-то за чаем услышала я впервые речи, полные молодого революционного задора, и понемногу приучилась сама в них участвовать. В моем дневнике сохранилась запись, наивными словами передающая глубокое впечатление от этих речей.

Было ли это знамение времени, случайно ли, но наш класс выдался не ко двору чинной, строгого тона гимназии и был демократичен.

В пятом классе, кроме меня, дочери пролетария-рабочего, появилась сирота, одиноко живущая в наемной квартире, Наташа Михневич. С тяжелою, как степная пшеница, косою, рослая Наташа воспитывалась в Саратовской губ. в семье видного эс-эра (фамилию его не помню), своего родственника. Почему-то тетка привезла ее в Петербург, сняла ей комнату с обедами в семье и уехала. С Наташей мы крепко подружились. Она получила кличку «Миша», а я — «Митя». «Дядя Митяй и дядя Миняй» — говорили о нас обеих вместе. А тут еще две девочки Семеновы осиротели, их опекуны, купцы (девочки были купеческого звания), позволили им жить самостоятельно (легче было их обманывать). Девочкам было лет по 15, полная свобода, деньги беспорядочно выдавались большие: тут и танцовщицу Дункан посмотреть можно и артистку Дузу и поэтов новых, и книг закупить и начитаться.

Класс — мирок узенький: один увидел, все знают. И так случилось, что Рюриковны наши классные (были и такие!) или тупицы, или самая серенькая серединка, а мы пролетарии да богема подобралась со способностями, а, значит, — тон всему классу задавали.

Пробовали к нам на парты сажать и очень умных и очень глупых классных дам, пробовали добрых, пробовали злых — не помогло. Гимназия носилась с нашим классом, как курица с высиженным ею утенком, а утенок все оставался утенком и упорно лез в воду вместо того, чтобы смиренно отыскивать с матерью зерна на земле.

Мы чувствовали себя хозяевами класса, потому что в нашей среде был самый блеск его: умница Юля Эйгер,

первая ученица—Лиза Таль, изящная Нелли Антипова и талантливая на все руки, бурливая, как вино, будущая поэтесса Лиза Кузьмина-Караваева (Пиленко). Как Лиза Таль, так и Лиза Пиленко прямого участия в нашем таганцевском кружке не принимали, а участвовали иногда на его собраниях и читали литературу, доставая ее у нас ¹⁾.

—Нет, вы подумайте—материи, этой тяжелой, косной материи нет, есть одна энергия. И эта стена—энергия, и эта голова Геры—энергия,—ораторствовала Пиленко, передавая нам слышанную ею накануне публичную лекцию.

Все душевные разговоры происходили у нас в тесном коридоре гимназии, где висели алебастровые орнаменты для рисования и между ними голова Геры,

«Стоять под Герою»,—говорили мы.

Мы уже в шестом классе.

У меня есть новость, любопытнее всяких споров о материи и энергии. Я отзываю «Мишу» и сообщаю ей под великим секретом, что мои приятельницы Хрусталевы предложили мне пойти на организационное собрание по устройству политического кружка молодежи.

—Это очень секретно, понимаешь,—могут открыть нас. Я это только тебе сказала. Я им рассказывала о тебе, и они тебя тоже приглашают,—шептала я ей.

Как же не пойти, когда это даже опасно! Мы взволнованно обсуждаем предложение и уже в гимназии держимся заговорщиками. Остальной компании я не рассказывала сразу, потому что не предполагала в них большого интереса к этому делу и, главное, сама еще не знала хорошенько, что это все такое есть и во что оно выльется.

Собрание происходило в феврале—марте 1907 года на Васильевском Острове в квартире очень буржуазной по обстановке, а хозяйкой ее была хорошенькая девушка лет 15, в кокетливом переднике, ее фамилия была Пастухова. Больше мы с нею не встречались. Собрание прошло довольно вяло, народу было мало, но для нашей группы оно имело большое значение, потому что на нем мы познакомились с будущим

¹⁾ Кстати, Лиза Таль, будучи на высших женских курсах, на одной из сходов (в 1911 году) курсисток сбила рукой пенсэ с полицейского, который очень грубо обращался с одной из ее товарок. Я ее посещала в полицейском участке, где она сидела за это недели 2. Благодаря хлопотам ее удалось освободить без особых последствий, и она уехала из Петербурга.

руководителем нашего кружка Сергеем Дианиным, тогда уже студентом первого курса Петербургского университета, и договорились с ним, что организуем группу из наших гимназисток для ознакомления с социалистической литературой. Руководитель мало говорил о целях кружка и его отношении к партиям, зато сразу указал необходимую литературу и назначил свой доклад «О диалектическом методе» на следующее собрание.

У Наташи оказалась «Эрфуртская программа», и мы с нею засели за нее. Для меня это было откровением. Волна эстетизма и индивидуализма, подхватившая моих подруг через модную литературу тех дней, едва скользнула по мне. С раннего детства я видела вокруг себя угнетение, тяжелый труд, нищету. Бальмонтовские «янтари нежно-палевой зари» не могли мне указать выхода, дать ответ на жестокий вопрос жизни. И, вот, я нашла систему, где, казалось мне, все предусмотрено, все объяснено.

Пришли как-то ко мне в это время Семеновы пожаловаться на свое одиночество. Я, как древний начетчик за библией, полезла за «Эрфуртской программой» и прочла им некоторые места о государстве будущего, когда все будут счастливы. Не знаю, убедила ли я их, но энтузиазм мой зажигал других, и мне удалось склонить свою гимназическую группу, если не к активному участию в кружке, то хотя возбудить интерес к нему.

Кружок начал действовать осенью 1908 года.

Особенно горячо отозвалась Юлия Эйгер. Нам удалось уговорить ее родителей позволить устраивать собрания нашего кружка на их квартире на Пантелеймоновской улице.

Работа в кружках закипела. Она проходила в докладах и обмене мнений по ним.

С руководителем мы сдружились очень быстро, публика наша была сильна, если не политической, то общей начитанностью, и обсуждения проходили оживленно. Нам очень льстило, когда руководитель выгодно сравнивал нас с другими кружками, особенно женских гимназий. Обычно там предпочитали слушать его доклады, а сами участницы кружков брали темы неохотно.

У нас в кружке вслед за рефератом руководителя о диалектическом методе пошли наши рефераты. Юлия Эйгер прочла доклад «О развитии капитализма в России» по книге В. Ильина

(Ленина), я «Об утопическом социализме» и еще что-то «из истории партии».

Остальных докладов не помню, знаю только, что Наташа Михневич много читала по земельному вопросу и готовилась к реферату на эту тему.

Мы узнали, что наш кружок является частью большого целого, т. е. социал-демократической организации школьной молодежи, и что эта организация примыкает и непосредственно подчинена Российской социал-демократической рабочей партии. Эта весть преисполнила меня великой гордостью.

Нужно было выбрать представителя нашего кружка в комитет¹⁾ организации. Так как я была инициатором нашего кружка и живо им интересовалась, выбрали меня. Неофициально, но обязательно я должна была давать подробный отчет о заседаниях комитета Наташе Михневич, она ближе всех принимала к сердцу все наши дела, и с ней мы потом горячо спорили, обсуждая решения собраний комитета. Обычно собрания районного комитета происходили на Выборгской стороне на Нижегородской улице в доме № 10, принадлежавшем военно-медицинской академии, на квартире нашего руководителя, отец которого был профессором академии. Там я познакомилась с представителями других кружков; тов. «Шило» (теперь Г. Л. Шидловский, член Р.К.П. (б)), которого особенно ценил и уважал наш руководитель тов. Сергей (Дианин). Помнится, что «Шило» у нас ведал связями с провинцией и оглашал тайственные письма из каких-то весьма отдаленных мест. Был там т. «Валентин» (Вейнбаум), он заплатил впоследствии ссылкой в Сибирь за партийную работу и там погиб. Это был красивый, очень талантливый и умный юноша, тогда гимназист 7-го или 8-го класса. На его форменной фуражке был сорван герб, и он с гордостью заявлял, что не станет даже под страхом карцера носить на лбу эмблему угнетения. Был еще тихий юноша «Зенон» (Луцки). Были другие—имена их забыла. Из девочек—одна я. Там же встретила я т. Самуила и Аарона²⁾, но они,

¹⁾ Этот Комитет был объединенный (мы его звали «дианинским») районный. Сначала он был Выборгским, потом объединял Выборгскую сторону, Васильевский Остров и часть Центрального района, а в 1908 году был—Василеостровско-Выборгским.

²⁾ Оба они—ученики ремесленника, делегаты в наш Ц. К. от рабочей молодежи.

Георгий Шидловский.

Георгий Шидловский.

сколько помнится, там бывали изредка, а их привлекли только к устройству концерта, о котором речь впереди.

У меня не сохранилось вещественных памятников работы нашего районного комитета.

Помню затем, что я участвовала в Центральном Комитете организации. Здесь мы много дебатировали вопрос об издании журнала, о способах его напечатания и распространения. К первому мая печатали на гектографе листки, вырабатывая на собраниях комитета их содержание.

На мою долю выпали хлопоты по устройству вечера-концерта в пользу организации (официально была придумана другая цель—помощь недостаточным учащимся). Первый раз концерт был назначен в театральном зале Тенишевского училища на Моховой улице. Все было налажено, но, когда в день концерта я вошла в вестибюль, там было темно и висело объявление, что концерт отменяется по независящим от устроителей обстоятельствам: оказывается, что полиция что-то пронюхала и запретила наш концерт. Это нас не обескуражило, и концерт мы устроили уже в другом зале, где-то близ Технологического Института.

Я много поработала, распространяя среди богатых подруг билеты, приглашая артистов и путешествуя для совещаний с т.т. Аароном и Самуилом в конец Клинского проспекта от Николаевского вокзала. Это был собственный наш концерт, и я блаженствовала с красным бантиком на груди, усаживая в первых рядах своих родителей.

С семьей у меня происходили столкновения на почве политической и религиозной, но тут мне всё простили, видя мое величие. Концерт был из рук вон плох, но дал нам рублей около ста прибыли.

На заседания Центрального Комитета нашей организации не мало времени посвящено было спорам об употреблении этого капитала, и «Сергей» с «Валентином» даже разошлись на время из-за этого. Вообще этот концерт внес некоторую дезорганизацию в нашу работу.

Это было в 1908 году.

* * *

Памятна мне маевка 1908 года.

Я получила в Центральном Комитете организации соответствующую инструкцию и рукописный план места предстоящей маевки в Полюстрове.

Об этом много говорилось, предполагалось объединить всю нашу организацию, т.-е. членов кружков всех районов; не помню точно, сколько их у нас было; знаю, что мы принадлежали к Литейному, был еще Выборгский, Петербургский и Василеостровский; возможно, что были и другие районы.

С утра погода хмурилась, но так как устраивать собрания и митинги 1-го мая было делом опасным, мы отправились почти всем составом, т.-е. девочек 5—6. Знаю, что была Юля, я и «Миша», т.-е. Наташа Михневич. Других точно не помню.

Руководствуясь планом, мы слезли с конки и отправились пешком по узким деревянным тротуарам среди тихих, почти безлюдных улиц. Дождь, сперва мелкий, разошелся не на шутку, а мы бодро шли и шли.

Нашли, наконец, какой-то чахлый лесок, за ним пустырь или поляну и, конечно, на ней одних мокрых ворон. Посто-яли минутку под ливнем и пошли обратно, поминая недобрым словом коварных товарищей. На нас скоро не осталось сухой нитки. Не долго думая, зашли в трактир, пустой почти по случаю дождя и раннего часа; спросили чаю с булкой и, увидев, что в уголку топится печь, решили пообсушиться; сняли ботинки и чулки и развесили их перед печкой.

Обычно мы очень много говорили и заботились о конспирации, но тут нам и в голову не пришло, насколько не конспиративно было наше поведение. Что могли бы мы сказать, если бы нас серьезно допросили, как мы попали в этот трактир? Половой—совсем мальчик—разглядывал нас с разинутым ртом. Какой-то белесый человек, единственный, кроме нас, гость трактира, не сводил с нас упорного тупого взгляда. А мы пообогрелись и так развеселились от необычайности нашего путешествия, так принялись хохотать и болтать, что мальчик за стойкой тоже заулыбался во весь рот. На нас глядя, прояснился и белесый чухонец.

Тем временем дождь перестал, и мы, очень довольные, только для порядка, зашли выругать «Сергея» за коварство. У «Сергея» был «Валентин».

Они нас встретили с таким невинным видом и так изумились нашей глупости—итти в проливной дождь на маевку, что нам и ругать их не пришлось.

* *

Летом обычно работа в нашей организации прекращалась. Зимой 1908—09 учебного года мы были в выпускном, седьмом, классе. Приходилось много работать для гимназии. Углубленная работа по политическим вопросам в прежней форме рефератов не могла продолжаться, да и не было в ней большой потребности: ведь основное мы знали.

Я попрежнему работала в заседаниях Центрального Комитета организации и уже намечалось у нас сделать членов нашего кружка руководителями таких же, вновь организуемых кружков политического самообразования молодежи.

Одному такому кружку гимназисток какой-то казенной гимназии «Валентин» читал доклад у Юли на квартире. Девочки конфузились и жеманились, и «Валентин» волновался, пил без конца воду и повторял свое любимое «с точки зрения марксиста». При этом делал сильный жест, словно хватал кого за шиворот. Точка зрения (без кавычек) марксиста была нами усвоена основательно настолько, что, когда Юля Эйгер делала в гимназии доклад, а я ей оппонировала (у нас по воскресеньям учитель истории устраивал заседания ученического исторического кружка), мы его поразили своим марксистским подходом к вопросу о жизни средневекового города (наша тема). Потом он долго еще каждый раз, спрашивая нас, возвращался к вопросу о возможности применять современный подход к историческим явлениям прошлого.

* *

Большими событиями в жизни ученической организации были межрайонные, объединенные собрания, как бы генеральные смотры.

Одно, особенно многочисленное, собрание было на Петербургской стороне ¹⁾. Там выступали два видные представителя нашей организации: Евгений и Федор ²⁾. Последний усиленно играл на рояле, чтобы придать нашему собранию вид вечеринки. На таких собраниях много внимания уделялось отчетности и программным речам.

¹⁾ В квартире Федора Кваскова. Это были заседания Центрального комитета нашей Петербургской с.-д. организации рабочей и учащейся молодежи.

Георгий Шидловский.

²⁾ Евгений Пашуканис и Федор Квасков, на квартире родителей последнего и происходило это собрание, на котором был и я.

Георгий Шидловский.

Наш таганцевский кружок был, пожалуй, самым академичным, но и вся организация в целом в мое время отличалась этим уклоном.

Разгром полицией нашей организации слабо отразился на таганцевском кружке. Никто из нас не пострадал потому, что Нелли (Антипова) жила на одной лестнице с сестрами Татьяной и Марией Неслуховскими, членами нашей организации, у которых был произведен тогда обыск. Она дала знать об этом «Сергею» (Дианину), и тот уничтожил все адреса и все, что могло касаться организации.

Фактически к тому времени наш таганцевский кружок не существовал. Часть нашей публики ушла в экзамены, а наиболее заинтересованные: Юля, «Миша» и я стремились к большей активности и нашли применение своих сил.

* * *

К этому времени, т. е. приблизительно к весне 1909 г., среди учащейся молодежи Петербурга возникла новая организация. Она, казалось, должна была ответить давно осознанному нами желанию как-то на практике применить свои силы. Это была культурно-просветительная организация, ставившая своей ближайшей целью путем занятий с рабочими общеобразовательными предметами войти с ними в общение, а в дальнейшем перейти на политическую пропаганду. О последней цели едва нам намекали, но мы о ней догадывались.

Не могу установить ни связи этой организации с нашей Петербургской социал-демократической ученической организацией, ни тех путей, по которым мы попали в нее.

Хорошо запомнилось одно собрание этой организации где-то на Петербургской стороне. Был там и «Валентин» (Гриша Вейнбаум), из нашей гимназии была Юля, я и, кажется, «Миша». Помнится, что мы же привели туда и «Валентина», во всяком случае он был чужим в этой компании. Собрание было очень многочисленное, и почему-то всех присутствовавших там девиц звали Анками: Анка большая, средняя, малая. Два, три студента задавали тон.

Это было, очевидно, организационное собрание, потому что в программе его была выработка плана занятий с рабочими.

Все шло благополучно до тех пор, пока не подошли к вопросу: на кого должна быть обращена наша работа—

на крестьян или на рабочих. Сейчас же ярко сказалась политическая рознь.

На собрании присутствовали люди разных лагерей: эсеры с одной стороны, социал-демократы с другой. Какой-то розовый юноша, эс-эр, страстно доказывал, что необходимо общение с крестьянами, что мы, больные интеллигенты, должны идти к ним лечиться, в них наше оздоровление. Ну и задал же ему наш «Валентин» лекарство! Это был случай, когда мы вполне могли оценить этого талантливую и умную юношу.

Помню, что особенный эффект произвело то место его речи, когда он, после веских доводов за рабочих «с точки зрения марксиста», вдруг доказал, что и спорить то нам, учащимся, особенно не о чем по той простой причине, что наша организованная работа может вестись только зимой, в учебное время, когда крестьяне в Петербурге представлены одними чухонками-молочницами, мало склонными к социализму. Обе стороны прищипли в азарт. Уже в прокурорное окно глядел белый день (мы заседали с вечера всю ночь), Анки поникли в изнеможении, а дело не двигалось с места.

Так мы и не узнали, кого и чему будем обучать.

Юля пыталась примирить непримиримое, доказывала необходимость использовать уже наладившуюся связь с рабочими и утешала эс-эров, что потом, ну, летом хотя бы, мы и крестьян не забудем. В результате эс-эры обещали отыскать крестьян, а пока я была направлена обучать грамоте и русскому языку рабочих Путиловского завода, «Миша» в той же группе получила арифметику, а Юля немецкий язык на Франко-Русском заводе. Мы с «Мишей» были в восторге, что имели дело с настоящими рабочими и подолгу обсуждали свои впечатления.

Помню бесконечное путешествие пешком за Нарвские ворота, деревянные скрипучие лесенки и свое смущение, когда колючие глаза одного из моих учеников—пожилого рабочего подолгу пытливо меня разглядывали.

В моей группе было человек 6 учеников.

Кроме мучившего меня тяжелым взглядом старика, были там его братья или племянники, веселые, деревенского вида парнишки; были и франты в красных галстуках.

Занятия происходили на частной квартире одного из рабочих.

Иногда приходишь к нему, а у него гости. С извинениями проводят тебя куда-нибудь к соседям и потом убегают с занятий один за другим к гостям.

Веселые мои ученики—парнишки уехали летом в деревню.

Наша учащаяся молодежь спорила, спорила, как вести работу, и тоже стала расползаться в разные стороны на летние каникулы. Так и сошла на ничто наша культурно-просветительная работа.

Юля поработала несколько дольше. У нее занятия происходили в каком-то зале, вроде клубного, с роялем, а на стене висел портрет Гапона. Она как раз попала на Франко-Русский завод в группу гапоновцев.

* * *

Зима учебного 1909—10 года была уже затишьем. Наш таганцевский ученический кружок сильно поредел. Часть девочек ушла из гимназии, так Юля Эйгер 8-й класс кончила уже в гимназии Стоюниной. Еще раньше была отвлечена литературными интересами и тоже ушла из гимназии Лиза Пиленко.

Полицейский разгром всей нашей ученической организации тоже давал себя знать.

«Сергей», наш руководитель, тяжело переживал возводимые на него подозрения в провокации, в которых я никогда не могла толком разобраться.

* * *

Ко времени распада нашей социал-демократической ученической организации относится появление научного кружка молодежи, который собирался не более не менее, как в Петропавловской крепости. Там членами были, главным образом, учащиеся высшей школы, а гимназистов принимали с разбором, «выше среднего уровня» по развитию. Туда мы попали через родственника Юли. Хотя этот кружок был самого академического духа, но пребывание в нем не поощрялось, и за ним наблюдали, кому это было интересно. По крайней мере отцу Нелли его начальство поставило на вид опасное поведение его дочери и указало именно на этот кружок.

Этот научный кружок тоже не был долговечен.

* * *

После гимназии меня устроили на стипендию в Педагогический Институт, где общественно-политическая жизнь совершенно отсутствовала, и я ушла в литературные интересы.

Значительно позже и не в связи с нашей ученической социал-демократической организацией была сослана (если не изменяет память) в Вологодскую губ. Вера Хрусталева. Не знаю, была ли она формально в рядах партии, но она всегда была близка к ней и по связям и по работе. Виделась я чаще с ее сестрой, Соней. На квартире у Сони полиция захватила Веру. Там же нашли запрещенную литературу и еще что-то, что и послужило причиной Вериной ссылки. Приблизительно через год она была возвращена.

Члены других кружков нашей организации скоро ушли с головой в партийную работу. Слышала я, что некоторые из моих бывших товарищей по ученической организации работают ныне на ответственных государственных и партийных постах в Москве и в Ленинграде. Не обошлось и без утрат. Жизнерадостный, кипучий «Валентин» (Гриша Вейнбаум) трагично погиб в Сибири от руки белогвардейцев.

* * *

В этих коротких строчках я не пыталась дать ни историю среднешкольного движения учащейся молодежи в Петербурге, ни его оценку: для этого у меня слишком мало надежного материала. Весь мой материал—короткая и изменчивая человеческая память. Но так как историку в его работе приходится пользоваться и этим материалом, я решила поделиться своими воспоминаниями. Ведь для многих политических работников современности подпольные социал-демократические ученические организации, существовавшие до революции 1917 года, были школой первой ступени в их политическом образовании¹⁾.

Анна Афанасьева.

¹⁾ Автор этих воспоминаний—сотрудни детского журнала «Новый Робинзон», издания нашей партийной газеты «Ленинградская Правда», и преподавательница школы фаб-завуча.

Редакция.

ИЗ ДНЕВНИКА ГИМНАЗИСТКИ.

(Отрывки.)

Мой дневник относится, главным образом, ко времени 1907—09 г.г., времени огромной психологической ломки молодежи, когда прочный, но чрезвычайно узкий мирок городской девочки, дочери рабочего, сменяется широкими горизонтами, открытыми ей наукой и общением с людьми, причастными к широкой общественной жизни. Эта ломка, конечно, не могла пройти безболезненно. В моем дневнике отсутствуют (причины указаны ниже) страницы, прямо относящиеся к жизни нашего таганцевского гимназического кружка Петербургской соц.-дем. ученической организации, но дух этого кружка сказывается ясно и сильно.

Всякий дневник—прежде всего история человека, как личности, а потому личное в нем неизбежно, особенно, если это дневник подростка, личность которого только что формируется.

В моем дневнике читатель найдет больше всего моментов психологических, а внешние события (как, например, предвыборная думская кампания) лишь постольку, поскольку они преломлялись в наивном сознании еще не опытной в общественных вопросах девочки.

Конечно, современная рабочая молодежь живет совершенно в иных условиях и то, что для меня было проблемой, для них стало действительностью, но настроение искания правды, истины всегда будет присуще юному уму, также как и смена неуверенности в своих силах могучим подъемом, когда кажется, что готов сказать миру новое, тебе одному известное, слово.

Из дневника выбрано лишь то из прошлого, что имело, по моему мнению, общественный интерес.

Привожу в конце выдержек из дневника ответ мой на анкету о значении художественного произведения. История этой анкеты такова: на одном скучном уроке в гимназии мы с соседкой, членом ученического кружка, Юлей Эйгер, выдумали эту анкету и пустили по классу, главным образом, среди близких приятельниц. Я тогда много читала социалистической литературы и мой ответ (единственный у меня сохранившийся) рисует не только мое мировоззрение, но и начитанность того времени.

ДНЕВНИК.

10-го января 1907 года, Петербург. Четыре года прошло, и я сильно изменилась за это время, вернее, за последние два года—с поступления в гимназию. Какая я тогда была наивная, какая мечтательная и счастливая! Тогда теплее было—веры пылкой слишком много было; и в себя больше веры было: не копалась в своих мыслях да чувствах. Теперь раскололась, словно, душа—и загадок и стен больше, о которые можно разбить лоб, но не пробиться через них. А прежде—составишь себе аксиому (где составить! возмешь готовую поудобнее!) и подгоняешь под нее все и всех. Не уживаются теперь со мной эти аксиомы! Одного боюсь: складных книжных мыслей и слов, свое потерять боюсь.

На рождество побывала в деревне. Чувствуется, что все дальше от меня стали: нет чего-то между нами или есть что-то лишнее.

Мне так всегда жаль времени. Так много нужно почитать! Ницше теперь читаю «Так говорил Заратустра». Я прежде по слухам составила себе понятие о «сверх-человеке», как о совершеннейшем высшем человеке, а теперь он меня отталкивает. Он мне кажется чем-то чужим, другой, не человеческой, породой. Не нужен мне сверхчеловек. Я людей люблю, даже таких, как теперь: слабых, но родных.

12-го января. Теперь много думаю о будущем человеке. Передо мною 3 будущих человека: сверхчеловек Ницше, батюшкино «царство божие» и братское, свободное, царство революционеров. Сверхчеловек мне чужд, я не люблю его, хотя не могу решительно не поверить, что он будет. Не

представляю я его себе. Вот царство бога—это, что-то тихое и лучезарное, но... на земле? Бог на земле? Это, что-то тоже не представишь себе. Разве земля изменится, как говорит катехизис. Так ведь этот мир и не люди будут населять, вот эти мелочные, робкие, или сильные и жестокие, а ангелы. А люди-то что ж?

17-го января. Этот день—такой день, как редко встретится в моей жизни: я была на предвыборном собрании, видела многих депутатов бывшей Государственной Думы. Видела социал-демократов, в косоворотках, с длинными волосами, с красивыми открытыми лицами, на которых, словно, нарисовано что-то светлое и высокое и простое, как мысль. Сильно действуют эти картины живой кипучей жизни. Попробуешь раз этого плода, а душа еще и еще просит.

18-го января. Вчера заснула в 2 часа ночи, как убитая, т.-е. мне не нравится это сравнение: я и во сне переживала свой чудный день, а мертвые переживают ли они свою жизнь? В гимназии не была сегодня: все еще живу вчерашним. Вчерашнее предвыборное собрание кажется таким важным и реальным, а гимназия чем-то отвлеченным и второстепенным. Так хотелось бы верить тем смелым и горячим—Николаеву, Войничу¹⁾, с их чудными лицами. А Милюков и Набоков²⁾ говорили: «народ умерен, как мы, он не пойдет за вами, смелыми». Но, если так, то что же делать? Зачем же льется кровь пылких? Стоит ли народ ее?

«Что пошел народ за вами после роспуска думы? Защитил он вас?—Победоносно кричали «благонамеренные».

Обратно Юля³⁾ завезла меня домой на извозчике. С извозчиком толковали. «Да нам все равно, мы к этому делу не касаемся»,—равнодушнойше повествовала нам высокая прямая спина возницы в синем кафтане. «А семья-то большая у вас? А земли много?»—«Землю-то у барина арендуем, 4 надела, а семья 11 душ. Оно бы все ничего, да земля-то одни болота, папня-то плоха».

Вот и бери приступом эту стену!

4-го февраля. Хороший театр, это могучий и сильный двигатель к добру и правде. Видела в Александринке «Стены»

¹⁾ Это летучие случайные псевдонимы членов РС-ДРП, выступавших на предвыборных митингах.

²⁾ Ка-деты (члены буржуазной партии «Народной Свободы»).

³⁾ Юлия Эйгер.

Найденова. Что говорит это название?—Что всюду тесные рамки отживших правил, привычек и «ценностей» (как выражается Ницше) словно высокие стены давят свободную душу и закрывают от нее свет. Хочется сказать вместе с Леной Касьяновой¹⁾: «Тот, кого я люблю, великан—сильный, умный, грубый и невежественный, но наивный и чистый, как дитя».

«Фотография жизни»,—говорит про пьесу Юля, как будто недовольная.

Почему? Лена порвала с прежней жизнью. Я о себе на этот счет подумала—невыгодное сравнение.

11-го февраля. Опять была в театре, на «Вишневом саду» Чехова. Бывают минуты, когда вдруг так ясно станет, какой вопрос был главным твоим вопросом, что мучило тебя больше всего, что сильнее всего томило. Нужно верить, надо так устроить, чтобы каждое мгновение своей жизни отдавать тому, во что веришь. Пусть все, все переменится: не надо этих городов, этих домов, этих старых истин. Нужно одно счастье: нужно и человека нового, лучшего; нужно так сделать, чтобы не было так скучно на земле. Можно ли это? Эх, сил бы побольше, чтобы садить, садить новые чудные деревья для будущего сада! Выйти бы на площадь огромную, стать бы на столб высокий, ударить в колокол, чтобы земля и небо загудели; собрать весь мир и крикнуть ему, что слепота—преступление, что старая жизнь—бессмыслица, что новый сад нужно садить. Еще нужно сказать, что обидно за человека, что жаль его и что не должен он позволять жалеть себя.

25-го марта. Сегодня у Хрусталева были Эйгер, Соня Хрусталева, Маруся Семенова, так умно говорили, такими большими, серьезными казались. Мне было очень тоскливо, потому что я не умею так хорошо говорить и не знаю столько, как они. А иногда мне кажется, что это у них сноровка, привычка—все они вычитали: эти их выражения и острые, меткие определения. Может быть и я не такая уж глупая. Так хотелось бы разбираться в окружающем, а то словно слепой и глухой ходишь. Хорошо иметь светлый ум.

3-го апреля. Вот уже больше недели, как у нас в семье чуть не каждый день траги-комедии, если не трагедии. Любят

¹⁾ Один из персонажей пьесы.

меня, а потому мучат. Им представляется, что я уже настоящая революционерка, а друзья мои красны, как зарево пожаров. Кричат, что я на какие-то митинги да собрания бегаю, а дома не сижу, что меня куда-то кто-то увезет, если я так поздно бегать буду. И с чего вдруг такая заботливость!? Я и все одна бегала, не прислуги же меня провожали. Да что они из меня сотворить хотят? Папа чуть ли не запереть собирается. «Ты должна учиться и сидеть дома», — говорит. Я и учусь. Это ведь не в городской начальной, что по хрестоматии читай: здесь развитие нужно. Чуть ли не переменить друзей требует. Очень он Михневич боится.

8-го апреля. В деревню хочется, к ласковой простой природе и людям. Люблю, как у Некрасова!

«Эх, эх! Придет ли это времечко, когда уже не Блюхера и не милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесет». Вот добиться бы мне когда-нибудь, чтобы исполнилось хотя отчасти желание поэта. Право стоит для этого трудиться.

15-го апреля. Была у Люси ¹⁾. Скука там смертная, не интересно, сонно живут. Над моей сутолокой смеются, дразнят лекциями, ученой женщиной называют. Люся славная, и когда-то для меня их вечеринки на первый день пасхи и рождества были самыми веселыми днями, а теперь я все дальше ухожу от прежнего. Я уже завязала глаза и лечу, лечу стремительно без оглядки и удержу, а они медленно и осмотнительно идут.

14-го мая. Ходила долго по набережной, любовалась и думала. На набережной дворцы, люди чистые, гордые, сытые довольством, а там на Неве, куда щурятся зеркальные окна и изредка рассеянно взглядывают скучающе глаза — там жизнь и движение: пыхтят буксирики, поворачивая неуклюжие баржи, пароходики нагружены людьми, торопятся, а у берега на нагруженных барках люди, тупые, грязные и великие в своем тяжелом труде. Весь труд, все, что даст Нева, сожрет этот нарядный эстетик, народ за зеркальными окнами. Далеко за Невой крепость. В темно-красных стенах окна видны. Там за стенами люди, верно, лучшие люди. Они тоже сидят, чтобы дать радоваться свободе тем зеркальным окнам. Они смотрят на вольную Неву! Как хочется всем дать волю, чтобы все любовались вольной Невой.

¹⁾ Моя подруга по начальному училищу.

Два раза переехала Неву, хорошо было. Даже четыре копейки истратила на пароход.

17-го мая. Проклятая жизнь! Всюду тьма, всюду грязь, глупость, бессмыслица. «Всюду видишь человека в унижении глубоком». И нет сил помочь. Стыдно большим и сильным! — они закрывают глаза на ужас жизни или говорят и пишут красивые слова. Я бы хотела иметь дар владеть пером, чтобы зажигать, будить мысль. Сегодня я глупа, пишу старые избитые фразы. Сегодня жизнь снова оглушила меня. Я видела, как живут люди ¹⁾. Люди ли это даже! Грязь, гниль, отвратительный запах прелых человеческих тел. Люди тупо и сонно умирают, даже не узнав о своем существовании. Нет, и моя жизнь не нравится мне. День за днем проходят без смысла. Дела хочу живого, производительного. Свой бы силы попробовать, к детям привыкать, чувствовать на себе ответственность. Чудно!

28-го мая. Петербург. Мне так обидно, что я мало развита и глупа. А право мне трудно было развиваться, разве так как Юле или другим девочкам. У них дома всегда слышишь много умного, а я что разумного слышала в семье, смелого, нового? Даже книг мало читала — не было. Не было и друзей, которые бы будили, тормозили. Недавно с Лизой спорили о будущей женщине. Она говорит, что не будет сверхчеловека вообще, а будет сверхженщина и сверхмужчина. Я полагаю противоположное: сгладятся совсем различия полов, ведь уже и теперь это заметно.

9-го июля. Деревня Мипино, Смоленской губ. Быть богатой нехорошо, безнравственно. Когда я здесь в деревне прохожу лучше одетая, чем крестьяне, мне стыдно и есть перед ними получше стыдно. Что ни говори, а равенство — естественное состояние людей. Когда будет равенство, тогда и гармония в мире настанет. Мне так не достает здесь наших собраний и дружеских бесед.

21-го июля 1907 года. Познакомилась со здешней интеллигентной молодежью, учителями и семинаристами. Они, кажется, эс-эры. Хотелось бы создать что-нибудь серьезное, обоюдно полезное, из этого случайного знакомства, хорошо бы совместное чтение. У меня с собой Герцен..... ²⁾.

¹⁾ Я была, вероятно, у дяди — рабочего обойщика, очень бедно жившего.

²⁾ Здесь большой пробел в дневнике, почти за два года. Это объясняется прежде всего конспирацией: с осени 1907—08 учебного года я усиленно

25-го марта 1909 года. Петербург. Иванов-Разумник отрицает объективный смысл жизни. Я думаю так: действительно человек живет не для какой-либо высшей вне его цели (в жизни природы тоже нет такой цели), но человек видит дальше себя, а потому ему не чужда идея прогресса. Можно ли тогда умирать или проводить в тюрьме лучшие годы жизни (или в ссылке) за будущее человечества? Да, это оправдывается субъективно: ведь это им самим нужно, чтобы мир изменился. Они творят, а творчество — высшее проявление человека. Сергей ¹⁾ как-то сказал, что жизнь — уравнение со многими неизвестными. А скоро, через год выходить в жизнь.

31-го марта. Была в университете. С каким интересом, благоговением даже,ходишь туда. Какое старинное здание! У меня с ним связано представление: горячая молодежь, овации любимым профессорам, сходки, беспорядки, речи. Сколько здесь передумано и переговорено? Была лекция о музыке. У Юли был билет, я с ней пошла. Как плохо, что не могу учиться музыке. Тов. Сергей ²⁾ предлагает поучить, он так хорошо играет. Я сказала, что далеко живу, а просто боюсь — мне не хочется, если он будет плохо думать обо мне: вдруг я окажусь неспособна к музыке. Он сказал: «Для меня существуют в жизни только: музыка, революция и математика». Публика в университете мне не понравилась: такая пустая.

10-го июля 1909 года. Лиза пишет: «Не спрашивай, почему надо так делать, а не иначе; спрашивай во имя чего». Это очень похоже, как мама говорит: «Нужно верить в бога, Ньюша». Всегда нужна воля и критерий. Если не знаешь, за что бороться, невольно уступишь. Нет и того удовлетворения, которое испытывает убежденный человек, побеждая препятствия. Наша гимназия на всех нас наложила отпечаток сомнения во всем, дух отрицания, и это сильно ослабляет волю ³⁾.

работала в кружке соц.-дем. организации учащихся и, воспитанная нашим руководителем на конспирации, стала считать не конспиративным записывать в дневнике свои переживания и впечатления о жизни кружка. Помню, все-таки, что кое-что записывалось по привычке, а во время разгрома полиции нашей организации было много уничтожено из боязни обыска.

¹⁾ и ²⁾ Сергей Дианин.

³⁾ Дневник ведется мною все более и более неаккуратно. Много уделяется внимания узко-личным переживаниям и вопросам.

10-го февраля 1910 года. Сегодня была у Сергея и высказала, может быть несколько наивно, что нужно, чтобы общественная работа была в руках женщины, и почему это нужно; что я хочу широкой и открытой, а не только подпольной, общественной работы, например, издавать журнал. Он зло посмеивался надо мной. Мне было очень тяжело, что он меня высмеял, а, главное, что я не умела себя защитить.

* * *

На этом дневник кончается. Я к нему больше не возвращалась.

Анна Афанасьева.

Приложение.

АНКЕТА.

Может ли художественное произведение иметь практически общественное значение и как велико это значение?

«В настоящее время художественное произведение не может иметь общественного значения, так как наше общество — классовое общество. Потребителем художественного произведения является, главным образом, буржуазия и интеллигентный пролетариат, эти же классы являются и производителем этой отрасли промышленности. Но большинству моих читателей, привыкших по буржуазной идеологии, ко всяким родам идеализации художественного творчества (представление его бессознательным импульсом, божественным даром, святой искрой и др. терминами, выработанными сытой буржуазией от безделья), этим читателям покажется святотатством низведение художественного творчества на степень производства. Да, говорим мы, производства, ибо художественное творчество определяется теми же экономическими авторами, как и всякое другое творчество человека. Я говорил в начале моей статьи о том, что художественное произведение не может теперь иметь большого общественного значения. Я объясняю это положение следующими фактами: 1) проповедь о грехах буржуазии и ее немощах не может подвигнуть ее на самоусовершенствование, ибо все определяется железными законами экономики, и сама буржуазия не властна их изменить. 2) Литература одного узкого замкнутого круга — круга буржуазии — является узкой и односторонней литературой. 3) Интеллигентная буржуазия — главный производитель литературы — является служителем господствующего класса и, в силу естественного закона, подчиняется его требованиям».

Примечание: Ответ написан нарочно в виде якобы выдержки из какого-то сочинения. Сделано это было ради забавы. А. Афанасьева.

СЕМЕН РОШАЛЬ В ПОДПОЛЬИ.

(Из воспоминаний о 1912—1915 г. г. ¹⁾)

1.

С Симой, — так звали его в семье и в нашем товарищеском кругу, — впервые мне пришлось встретиться в младших классах 10-й Петербургской гимназии. Одна особенность отличала его тогда от сверстников: чрезмерно толстый для своего возраста, малоповоротливый, с заметной ленцой. Водились среди нас и другие «толстяки», но Сима к тому же еще был еврей по происхождению, а антисемитизм, при благоклонном попустительстве некоторых преподавателей, махровым цветом уже распускался в среде приготовишек, перво-классников и гимназистов старших классов. Впрочем, к чести наших педагогов, должен заметить, что большинство их вместе с директором и инспектором гимназии было чуждо этого «изма».

Первые учебные годы Симы протекали бесцветно: с тройками в четвертных ведомостях, когда и с переэкзаменовками, переваливал он из класса в класс, пока не застрял на второй год в шестом классе. Это было в 1912 году.

Этот год — 1912 — был поворотным для него, как для будущего работника революции. В конце 1912 года Сима

¹⁾ В № 5 «Красной Летописи», органа Ленинградского губ. отдела Истпарта, за 1922 г. брат Семена Рошаль, Григорий Рошаль, в своих воспоминаниях о брате — «Из жизни „Доктора“» упоминает обо мне, как о «трагически погибшем в 1917 г.».

Эти прошедшие шесть лет я находился вне Ленинграда, то на советской работе в провинции, то на фронтах, и не имел возможности установить связь с старым кругом товарищей. Отсюда и пошла версия о моей смерти.

Г. Закс.

подвергался первому аресту на шумевшем в свое время собрании гимназистов «витмеровцев». «Витмеровцы», как убедился я позднее из личных разговоров с душой их дела — Леонидом Витмером, никаких политических целей не преследовали. В те годы, наросло движение рабочего класса, либеральная буржуазия в связи с этим усиливала свою деятельность. Общий подъем политических настроений, естественно, сказывался и на подростовавшем поколении интеллигенции: юношество усердно взялось за книги, занялось пополнением своих занятий путем самообразования, ибо Пшварце-Кассовская средняя школа слишком мало удовлетворяла учеников: футбол, военный строй, сокольская гимнастика, усиленно насаждаемые министерством народного просвещения, не всех могли увлечь. И вот на этой почве выросло среди учащихся средних учебных заведений Петербурга стремление объединиться в кружок самообразования.

Собирались «витмеровцы» в частной женской гимназии, принадлежавшей матери Леонида — О. К. Витмер. Тут-то полиция накрыла молодежь, все были переписаны и арестованы, а в их числе и Семен Рошаль.

Дальнейшая судьба «витмеровцев» была такова: часть их, немедленно исключенная из гимназий, была отправлена учиться за границу на средства известного тогда купца Шахова, другие, после вмешательства в «витмеровский процесс» 4-ой Государственной Думы, были оставлены в стенах учебных заведений, но вместе с тем их взяли под особый надзор.

Сима оказался во второй группе, — увы, ненадолго. Заменивший в 10-й гимназии старого добряка-директора, брат пресловутого одесского градоначальника, Толмачев принял все меры к тому, чтобы не дать «витмеровцу» С. Рошально закончить гимназию. Орудием к этому послужил чинуша-преподаватель латинского языка Ляпин. Выведа Рошально неудовлетворительный годовой балл по латыни, Ляпин затем срезал свою жертву на переэкзаменровке. Не имея права оставаться на третий год в одном и том же классе, Сима был исключен из гимназии.

Разными путями многие из нас шли тогда к одной цели. Под видом любителей шахматной игры, мы выхлопотали себе в седьмом классе гимназии право собираться особым кружком после уроков, и, конечно, у шахматной доски проводили время за какими угодно беседами.

И вот в это время, в конце 1913 года, Сима опять появляется около нас. В стены гимназии ему доступа нет, и первое организационное собрание для оформления нашего кружка назначается, не помню точно, но, кажется, в октябре или ноябре 1913 года, у него на квартире.

Тут двоюродный брат Александра Яковлева, второго главара и организатора нашего кружка, член с.-д. партии, как я впоследствии узнал, развил перед нами план рефератов по вопросам мироведения. Целью его рефератов было сначала довести нас до понимания учения Дарвина, а затем от Дарвина повести дальше к социально-политическо-экономическим темам.

Но не такое тогда было время, чтобы наши юные горячие головы могли ждать и в терпеливом ожидании заниматься систематическим курсом самообразования. Росла война стачек, возбуждающе действовало на нас чтение выходивших тогда в Петербурге легальных рабочих газет.

Демонстрация 9-го января 1914 года на улицах Петербурга звала к действию, к ускоренному усвоению тех законов исторического материализма, которые бы помогли нам понять окружающую действительность и определить в ней наше место.

Нужны были политические брошюры и книги, а не «Астрономия» Фламариона. Вполне понятно, что гораздо больший успех среди нас имел другой совет, полученный нами на том же первом собрании кружка, — читать и усвоить себе лучшее из сочинения Августа Вебеля «Женщина в прошлом, настоящем и будущем». Для нас эта книга явилась своего рода «евангелием» социализма. С нее мы и начали.

Уже к весне 1914 года нами решено было приобрести возможное большее число политической литературы. Копили из своих скудных средств и в книжных складах редакций рабочих газет «Правды» и «Луча» и в книжном магазине «Правда» покупали мы по дешевке без особого выбора крупные и мелкие книги Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Карла Каутского и других социал-демократических авторов.

К этому же времени определились два направления в нашем кружке: Сима, Шура Яковлев и еще двое-трое определенно склонялись к большевизму, другие втягивались в народничество-эс-эровство, тем более, что одновременно установилась связь с рядом других средних учебных заведений Петер-

бурга, и как раз наиболее сильный, после нашего кружка, ученический кружок 12-ой гимназии весь пропитан был именно эс-эровством и даже руководился из эс-эровской студенческой фракции Петербургского университета.

Организация наша росла. Весеннее время позволило устроить ряд сходок за Невской заставой и на Охте. Наша группа, кроме того, не раз собиралась еще у Симы, обсуждая свои внутренние дела.

2.

Лето 1914 года прошло в усиленном чтении социалистической литературы. Вырабатывались, оформлялись взгляды. Осень застала нас в сильно изменившейся внешней обстановке. Война глушила политическую инициативу, многих неустойчивых приводила к мысли о необходимости «забыть внутренние распри», — как призывал в своем манифесте Николай Кровавый. Сима, первый в нашей среде, поднял голос за продолжение кружковой деятельности, доказывая, какова сущность начавшейся бойни. Путем мышления он дошел до тех истин, которые впоследствии изложены были в манифестах Циммервальдской и Кинтальской Социалистических Конференций противников империалистической бойни.

Сима в это время уже поступил вольнослушателем в Психоневрологический институт в подготовительное отделение, и здесь, было, начал посещать собрания кружка имени Михайловского, но вскоре эта связь с народниками у него прервалась, поводом к чему послужило одно обстоятельство, весьма характерное для понимания его настроений в те дни. В порыве увлечения он представлял себе всю учащуюся молодежь пропитанной известной долей революционности. Ему казалось, что, кроме отъявленных и открытых академистов, нет и не может быть среди студенчества таких, кто бы в явной или скрытой форме не сочувствовал освободительному движению. Академистов же в Психоневрологическом институте не имелось. Сима поэтому не стеснялся. Почти в открытую беседовал и делился своими впечатлениями, выносимыми с собраний кружка. Ему поставлено было в вину отсутствие достаточной конспирации, было воспрещено дальнейшее посещение собраний кружка. Тем и кончился его первый и последний «роман» с народниками.

Наш гимназический кружок, пережив пару месяцев кризиса, возобновил свое существование. Для удобства мы решили выступить под флагом оказания помощи семьям призванных на войну. В 3-м Нарвском районе Петербурга мы облюбовали один из специально созданных для этой цели комитетов, влились туда в качестве обследователей, затащили еще человек 20 гимназистов и столько же гимназисток, фактически взяли почти все дела комитета в свои руки и работали. Выгод было две: с одной стороны мы имели полную возможность собираться в помещении комитета, приглашая сюда и членов других социалистических кружков молодежи города, вместе с тем среди подпавшей под наше влияние молодежи мы вербовали новых соучастников нашего дела, правда, неудачно, так как в большинстве это были аполитичные подростки, годные, пожалуй, только для технических поручений, но не больше.

Как ни старались мы обставить нашу работу возможно конспиративнее, полиция все-таки разнюхала наши следы. В комитете помощи семьям запасных вдруг появился тип, сразу распознанный нами, как «шпик». Почти одновременно Сима, Шура Яковлев и другие заметили, что всюду и везде нас сопровождают незнакомцы в высоких бараньих шапках, ботах, пальто с поднятыми барашковыми воротниками. Стало ясно — мы взяты под негласный надзор полиции.

Между тем, период политического удушья в стране все больше и больше чувствовался и больно переживался нами. Хотелось видеть действие, быть самым участниками этого действия.

У меня накопилось большое число папок с вырезками из ка-детской прессы о репрессиях правительства против печати, об арестах, судебных приговорах, смертных казнях и самодурствах губернаторов и градоначальников. Решено было, что Сима отвезет эти папки депутатам Государственной Думы для ознакомления. И вот Сима знакомится с Чхеидзе, Керенским и Хаустовым (было это в феврале 1915 года) незадолго до открытия первой после начала войны сессии Государственной Думы. С особой, свойственной ему, усмешкой рассказывал он нам потом, что ка-деты не верили, что вырезки эти взяты именно из их же, а не подпольной печати, не хотели даже подписываться под запросом с.-д. и трудовиков, запросом, во многом основывавшемся на этом материале.

Запрос впоследствии был сделан Маклакову на закрытом заседании Думы.

Связь с будущими гробокопателями Февральской революции, героями коалиции Временного Правительства продолжалась у Семена Рошаля недолго. Их отношение к аресту 4-го ноября 1914 года пяти депутатов большевистской с.-д. думской фракции, их потворство царской войне — не могли остаться незамеченными столь пытливым и проницательным юношей, каким был Сима, и вскоре же он стал искать знакомства среди петербургских с.-д. большевиков того времени. Первые связи, если не ошибаюсь, получил он через с.-д. фракцию Психоневрологического института.

Немного спустя Сима впервые входит в широкое общение с рабочими Путиловского завода. Поводом послужило издание нами первого подпольного журнала «За Старое Знамя». Журнал носил определенно эс-эровский характер, выпущен даже был на средства, предоставленные эс-эровской студенческой фракцией Петербургского университета, но это был в Петербурге один из немногих, после начале войны, свободный от шовинизма голос, раздавшийся из подполья, и петербургские рабочие это учли. Несколько экземпляров журнала, отвезенные Симой на Путиловский завод, были встречены весьма сочувственно, и Сима был горд и доволен этим нашим успехом. Журнал на втором номере постигла печальная судьба. Размножавший оттиски, Шура Яковлев внезапно был арестован, и на квартире у него нашли наполовину готовые комплекты второго номера «За Старое Знамя».

3.

Весной 1915 года Сима поступает на службу в больничную кассу Путиловского завода, и тут же работает вполне оформившись в своих взглядах, определенным большевиком. Под кличкой «Доктор» он становится известным в партийных кругах города, через Л. Старка устанавливает связь с Петербургским Комитетом партии. Словом, взошла заря его большевистской деятельности. Немного нужно было времени, чтобы он стал прямо любимцем среди партийцев завода. Такова уж была притягательная сила этого даровитого юноши, что он сразу всем внушал к себе доверие, а убежденностью своей речи, своим обхождением с товарищами доказывал свою при-

надлежность к обществу будущего. Тот новый быт, о котором в наши дни столько идет толков и разговоров, сам собой воплощался в буреви́стике революции—Симе Рошале.

Обстоятельства не позволяли мне часто встречаться с ним летом 1915 года, я поэтому не знаю о нем подробностей, так как в этот период он, пользуясь пребыванием родных на даче в Дудергофе, организовал, было, у себя на городской квартире подпольную типографию, которую потом пришлось перенести в другое место, так как родные все-таки узнали, что в дом закралась нелегалщина, и воспротивились дальнейшему пребыванию типографии у них на квартире.

Момент работы Симы Рошаля на Путиловском заводе нуждается в особом исследовании, и для его биографии весьма небезынтересно. Прервалась эта работа внезапно—осенью 1915 г.—с призывом Симы на военную службу и отправкой его в Пернов в ряды действующей армии. Вдвойне тяжела ему была военная служба: и тяготами старой палочной дисциплины царской армии и вынужденной политической бездеятельностью, а, главное, тем, что сама война была ему противна по духу, он ведь раскусил ее сущность с первыми же выстрелами на восточном фронте, а теперь силой обстоятельств приходилось нести нудную лямку солдата. Мозг стал работать над тем, как бы выбраться из этих тенет. К его отцу и ко мне, как одному из его близких друзей, посыпались письма: во что бы то ни стало надо достать кофеин и переслать ему в Пернов, чтобы создать видимость сердечной болезни, и тем самым избавиться от солдатчины¹⁾. Я тогда поражаюсь, но

¹⁾ В 1915 г. и до весны 1916 г. С. Рошаль работал в больничной кассе Путиловского завода. В январе 1915 г. он организовал в этой кассе ячейку с.-д. большевиков (Иван Козлов, Белов, Александр Иванов «Австриец» (латыш) и еще два человека, фамилии которых забыл).

Александр Иванов.

Гов. Александр Иванов ошибается, говоря, что брат мой, С. Рошаль, организовал с.-д. ячейку в больничной кассе в 1916 г. Эта ячейка была им организована в январе или феврале 1915 г., в сентябре 1915 г. он был мобилизован и прибыл в Петроград по болезни в декабре 1915 г. и 30-го декабря того же года был арестован, сидел в тюрьме «Кресты» по обвинению в с.-д. пропаганде в войсках на фронте и в принадлежности к Р. С.-Д. Р. П. (б). Февральская революция 1917 года освободила его из тюрьмы «без последствий», так как жандармы не успели закончить о нем следствие.

Григорий Рошаль.

А. Женецкий (А. Ильин) сообщает (стр. 84 сб-ка «Под вымпелом октября», изд. «Молодая Гвардия», 1924 г.): «В 1915 г. его (С. Рошаля) мобилизуют. Рошаль—писарь штаба какой-то фронтовой части, находящейся

теперь вполне понимаю эту черту характера Симы; ведь он же знал, что письма перлюстрируются (вскрываются и просматриваются особой цензурой), он знал, что за всеми нами установлено наблюдение «охранки», и все-таки со всей откровенностью писал черным по белому: достать кофеин. Только позднее, когда мы ему сделали намек, его письма стали не такими прозрачными, как это было раньше. Чтобы понять эту простоту языка, достаточно сопоставить эпизод с народническим кружком в Психо-неврологическом институте. Полнота конспирации еще не была учтена Симой Рошалем в эти первые годы его революционной работы, он бессознательно рисковал, и случайно этот риск ему часто удавался.

Возможно предположить и другое. «Охранка», быть может, сквозь пальцы смотрела на затевавшееся дело освобождения С. Рошаля от военной службы, в надежде накрыть его потом на более крупном деле в соучастии с другими подпольными партийными работниками столицы. Ведь о том, что связи у Симы были, и к тому же связи очень обширные,—охранка должна была знать. К этому выводу я пришел уже после Февральской революции 1917 года, когда в публиковавшихся списках провокаторов нашел фамилию бывшего помощника сидельца книжного магазина «Правды» Хрулева¹⁾. С Хрулевым Сима поддерживал долгое время тесную связь, пока Старк нас не предупредил, что этот человек подозревается в провокации. С Хрулевым я сам имел неосторожность делиться несколькими соображениями о необходимости выволить Симу из Пернова. И вот я сильно подозреваю, что Хрулеву выгодно было поймать Симу не на уголовном деле—симуляции с целью освобождения от военной службы, а на политическом действии.

под Ригой. Здесь, несмотря на все трудности, он не упускает ни одного случая вести пропаганду среди солдат. На фронте он заболевает, и его эвакуируют в Петербург. Здоровье его настолько расстроено, что ему предстоит полное освобождение от военной службы».

¹⁾ Речь идет о провокаторе Илье Дмитриевиче Хрулеве, из крестьян Псковской губ., уезда и волости, конторщике. Хрулев работал в конторе с.-д. рабочей газеты «Путь Правды». Партийную кличку имел—«Павел». Был секретным сотрудником петербургского охранного отделения под псевдонимом «Молчалин» с 1914 года, получал 40—100 руб. в месяц. С 1916 г. был на военной службе в Петрограде. В 1917 г. был арестован. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Юр. Новин.

Так или иначе, операции с кофеином удалась. Сам я по болезни больше чем на год выбыл тогда из строя, и о дальнейшем уже знаю из рассказов Симы при встречах в 1917 году после Февральской революции.

В конце зимы 1915 года Сима вернулся в Петербург, возобновил свою революционную работу и вскоре же попался при печатании воззвания Петербургского Комитета большевиков и солдатам армии и флота по поводу бесцельности дальнейшего продолжения войны.

Подпольная работа Симы Рошалья заканчивается арестом и заключением в одиночной тюрьме, где он провел весь 1916 год.

Как после сам он признался, тюрьма помогла ему в одном отношении: он с жадной набросился на чтение книг с целью пополнить свое политическое образование. Здесь, в тюрьме он впервые прочел «Капитал» Карла Маркса, и когда Февральская революция 1917 года раскрыла двери его темницы, он вышел для работы с значительно увеличившимся умственным багажом, все тот же полный неиссякаемой энергии, тот самый, каким мы его впоследствии видели в Кронштадте—неувядаемый, словом, агитатор и организатор, душа кронштадтских матросов, один из пахарей Октябрьского поля—Семен Григорьевич Рошаль¹⁾.

Григорий Занс.

¹⁾ С. Рошаль в конце 1917 г. был комиссаром румынского фронта, был арестован белогвардейцем—генералом Шербачевым, командующим фронтом, и расстрелян им около города Яссы в декабре 1917 года.

Федор Раскольников (Ильин).

И. И. Кондурушкин в своих воспоминаниях—«Великий Октябрь на румынском фронте» (в № 10 за 1922 г. историч. журнала Центр. Истпарт «Пролетарская Революция», стр. 438 и 440) говорит, что на третий день армейского съезда 4-й армии (на Румынском фронте, 4-го или 5-го декабря 1917 г.) пришло известие, что С. Рошаль вместе с Корневым и Барановым участвовал в перевороте в штабе фронта и захватил власть в свои руки (на два дня только, увы!) и что С. Рошаль и Корнев были арестованы (Баранов скрылся) украинскими офицерами в Яссах (в штабе фронта) и С. Рошаль был зарезан у Угени на дороге, а по сообщению одного полковника—казнен за покушение на генерала Шербачева.

Л. Дегтярев же в своих воспоминаниях—«Октябрь Румынского фронта» («Красная Летопись» № 6 за 1923 г., стр. 235) сообщает, что Семен Рошаль прибыл в Яссы в штаб румынского фронта во второй половине декабря 1917 года, был арестован и затем был расстрелян вместе с частью арестованной большевистской организации фронтотдела.

Юр. Новин.

ПРИМЕЧАНИЕ К ВОСПОМИНАНИЯМ ГР. ЗАКСА.

Партийная деятельность в 1915 году Семена (Соломона Гершовича) Рошалья, по данным Петроградского охранного отделения (из доклада этого отделения за № 257 от 28-го декабря и из записки того же отделения за № 259 от 30-го декабря 1915 г. в департамент полиции,—см. в деле № 5, часть 57, за 1915 г., 9-го делопроизводства д. п.), обрисовывается так: Семен Рошаль был в 1915 году в поле зрения секретной агентуры петроградского охранного отделения.

Агентура отделения (по данным доклада охранного отделения) по сухопутным войскам «отметила особо» приезд в Петроград «мещанина гор. Кронштадта Соломона Рошалья, призванного на военную службу и отпущенного в отпуск на 3 месяца по болезни глаз».

Охранному отделению С. Рошаль был известен и ранее, как член Петроградской организации Р. С.-Д. Р. П. большевиков, в которой он «играл видную роль» и вел агитацию среди рабочих.

С момента приезда в 1915 г. в Петроград С. Рошалья охранное отделение «предполагало», что он «несомненно будет продолжать преступную деятельность и среди своих товарищей по службе», поэтому охранное отделение 2-го сентября 1915 г. сообщило командиру 3-го пехотного запасного батальона о «желательности подчинения отправленного в батальон Семена Рошалья надзору ближайшего начальства».

Надзор этот не был помехой С. Рошально, а предположения охранного отделения оправдались.

Агентура донесла ему, что С. Рошаль «вновь усиленно начал работу совместно с местным (т.-е. Петроградским большевистским) Ленинским подпольем» и вел агитацию среди призванных в ряды войск, завязывая связи в воинских частях в Петрограде, распространяя в них революционную литературу и принимая участие в подготовке выпуска ко дню «9-го Января» прокламаций к солдатам «с призывом к единению с народом, а народ к воздействию на солдат».

Далее узнаем, что С. Рошаль приступил затем непосредственно к делу печатания этой прокламации Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Охранное отделение решило тогда действовать.

Узнав от своей агентуры, что «одним из мест» печатания этой прокламации является квартира № 6 в доме № 15 по Екатерингофскому пр., где проживала слушательница женских Фребелевских курсов Елена Селивановна Хундадзе, охранное отделение произвело 27-го декабря 1915 г. у нее обыск, обнаружив типографию, бумагу и набор упоминаемой выше прокламации, 330 экз. этой прокламации, свежотпечатанной, и оттиски печати Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

На допросе Хундадзе не отрицала своего содействия в печатании этой прокламации и показала, что к ней приходил «неизвестный ей, назвавшийся Рошалем», и просил ее предоставить ему ее комнату для «каких-то надобностей», а затем пришла неизвестная ¹⁾ ей девица и принесла типографские принадлежности.

Охранное отделение произвело тогда обыск у С. Рошала. Но его не нашла ²⁾. Арестован он был вскоре—30-го декабря, на улице. Сидел в «Крестах» (петроградская одиночная тюрьма).

Началось следствие, которому «помешала» Февральская революция 1917 года, и С. Рошаль очутился на свободе. С. Рошаль привлекался по 102 и 129 ст. ст. Уголовного Уложения по обвинению в принадлежности к Р. С.-Д. Р. П. (б) и в агитации на сев.-зап. фронте.

* * *

Один из участников Петербургской межученической организации в 1912 г., Александр Женеvский (Александр Ильин), ныне член Р.К.П. (б), в небольшой своей заметке—«Кронштадтский трибун Рошаль», помещенной (стр. 83—88) в изданном под общей редакцией М. Зорского в Москве в 1923 г. издательством «Молодая Гвардия» сборнике «Под вымпелом октября» («Флот в Октябрьской революции и гражданской войне»), сообщает, что Соломона Рошала, «Симу, как мы его просто называли, я знал со школьной скамьи.

¹⁾ Мария Токаренко, тогда сочувствующая с.-д. (б) и помогавшая партии.

Григорий Рошаль.

²⁾ На квартире у нас полиция нашла несколько десятков пудов бумаги, приготовленной для подпольной типографии. Никто из семейных арестован не был, Семен же об обыске был уведомлен братом Михаилом по телефону.

Григорий Рошаль.

Скромным мальчиком вступил он в 1912 г. в Петербурге в нашу междурайонную организацию, объединявшую ряд гимназических кружков».

Касаясь ареста С. Рошала 9-го декабря 1912 г. по «витмеровскому» делу, Ал. Женеvский отмечает, что «на этот раз Сима отделался легко. Его даже из гимназии не исключили, и он смог благополучно окончить ее. По окончании гимназии ¹⁾ и поступлении в Психоневрологический институт, С. Рошаль уже окончательно вошел в революционную работу. Помню, как в 1914 году Рошаль потащил меня на заседание возродившейся после ареста межученической организации. Заседание было за городом, в лесу. Нужно было ехать до Фарфоровского завода на конке, на маленьком пароходике переехать Неву и там еще с версту идти пешком. На собрании присутствовало человек 30. Мне сразу бросилось в глаза, что, кроме гимназистов и студентов, было несколько человек рабочих. Здесь я убедился, насколько вырос и возмужал Рошаль за этот год, что я его не видел. Это был прекрасный подпольщик и опытный организатор».

Эти немногие строки из отрывочных воспоминаний еще дают сведения о С. Рошале, как работнике ученической организации, и дают новые штрихи деятельности этой организации в 1914 году.

* * *

Интересующихся вообще революционной деятельностью Семена Рошала отсылаем к следующим источникам:

«Бюллетень бюро военных комиссаров» № 5 от 30-го января 1918 г., Петроград, — статьи Е. Арнольдова, Ю. Ренина и Ф. Раскольниковца.

«Красная Летопись», орган Ленинградского отдела Истпарта: в № 5—1922 г. статья Григория Рошала—«Из жизни доктора» (воспоминание о С. Рошале), в № 6—1923 г. статья Л. Дегтярева—«Октябрь Румынского фронта», в № 8—1923 г. статья Ф. Раскольниковца—«Об Июльских днях», в № 1 (10)—1924 г. статья Александра Иванова—«На Путиловском заводе во время войны», в № 2 (11)—1924 года письмо в редакцию Григория Рошала о Семене Рошале.

¹⁾ С. Рошаль гимназии не окончил—был исключен из нее в 1912 году после «витмеровской» истории из 6-го класса в связи с этой историей.

Григорий Рошаль.

«Пролетарская Революция» (орган Центр. Истпарта): в № 10—1922 г. статья Ив. Кондурушкина «Великий Октябрь на Румынском фронте»; в № 5 (17)—1923 г. статья Ф. Раскольников — «Июльские дни», в № 10 (22)—1923 г. статья Ф. Раскольников — «В тюрьме Керенского»;

«Молодая Гвардия» (орган ЦК РЛКСМ), в № 6—7, 1922 г.: статья Ф. Раскольников — «Накануне Октябрьской революции»;

«Под вымпелом Октября», сборник, изданный в 1923 г. в Москве «Молодой Гвардией», статья Александра Женева — «Кронштадтский трибун Рошаль»;

«1917 — 1922 г. в Кронштадте», сборник изданный в Кронштадте в 1922 г. центральной комиссией по устройству торжеств 5-й годовщины Октября;

«3-го—5-го июля 1917 г.» (по неизданным материалам судебного следствия и архива Петрогр. К-та РКП (б), сборник издания подотдела печати Сев.-Зап. бюро Ц. К. и Петрогубкома Р.К.П. (б), Петроград, 1922 г.;

«Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 г.г.», том 2-й (К-Р), 2-е издание, издан. в Москве в 1924 г. Госуд. Изд-вом, сборник Центр. Истпарта, стр. 203-я: биография С. Рошала.

Этот список материалов о С. Рошале далеко не полный.

Юр. Новин.

ВОСПОМИНАНИЯ О МЕЖУЧЕНИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 1911 — 12 г.г.

Для подпольного работника нет лучших воспоминаний, чем воспоминания о своей нелегальной работе в старое время. В особенности, если это время совпадает с порой розовой юности, порой светлых мечтаний и искреннего желания отдать все свои силы работе за лучшее будущее человечества.

В нелегальной работе была какая-то своеобразная поэзия, которая теперь в значительной степени выветрилась из наших кружков и ячеек. Сознание постоянной опасности, тесная товарищеская спайка, конспиративность — все это создавало прекрасную обстановку, в которой закалялся дух и вырабатывался характер молодого революционера. И часто можно было видеть, как нелегальные организации молодежи, не ставившие даже себе непосредственно революционных заданий, под влиянием своей работы и жизни быстро революционизировались и превращались в маленькие штабы революционной борьбы.

В особенности ярко это сказывалось на переломе реакционных лет 1910—11 и, особенно, 1912 года. В эти годы замечался значительный подъем рабочего движения на фабриках и заводах. Но не только растут рабочие волнения и стачки. Наряду с ними замечается определенное оживление движения учащейся молодежи высших и средних учебных заведений. В воздухе как будто повеяло революционной весной.

В особенности характерным является приобщение к политической жизни широких масс учащихся в средней школе.

Гимназисты, гимназистки, реалисты, коммерсанты объединяются в кружки, организуют нелегальные лекции, доклады, дискуссии, приступают к выпуску нелегальных ученических журналов. Таких кружков и организаций за эти годы появилось очень много как в Петербурге, так и в провинции. Внешне большинство их носило беспартийный характер, часто они организовывались под лозунгом самообразования, но, по существу, почти все они носили ярко политическую окраску и если не вели сами агитационной и организационной работы в рабочих массах (а бывало и это), то были полезны уже тем, что в своих недрах вырабатывали сознательных работников и будущих деятелей великой Русской Революции.

Помню, как в 1910 году, когда я был в шестом классе петербургской Введенской гимназии, мне впервые попал в руки ученический журнал под довольно странным названием—«Недотыкомка». Впрочем, я в то время был достаточно знаком с современной русской литературой и скоро догадался, что именно означает это оригинальное название. Недотыкомка фигурирует в романе Федора Сологуба «Мелкий Бес». Это маленькое серое существо, которое постоянно и всюду мерещится герою романа—педагогу Передонову и изводит его, оставаясь в то же время совершенно для него неуловимым.

Повидимому таковые задачи ставил себе и журнал. Правда, периодически в нем проскальзывали и политические нотки, но все же, по преимуществу, журнал был наполнен школьными делами, нападками и карикатурами на отдельных педагогов. Выходил журнал в размере четырех страничек тетрадного размера и был отпечатан на гектографе. Впоследствии я часто встречал этот журнал. В среде гимназистов он пользовался неизменным успехом, хотя издатель его оставался для всех тайным.

Однако, в следующем, 1911, учебном году эта тайна для меня открылась. Как-то на большой перемене ко мне подошел ученик последнего класса Юрий Васильев и сообщил, что хочет поговорить со мной наедине. Оставшись со мной с глазу на глаз, он сперва выведал осторожными расспросами сведения о моих политических убеждениях, а затем сообщил, что слышал уже обо мне и теперь хочет привлечь меня к изданию журнала «Недотыкомка». Оказы-

вается, в тот момент из прежней редакционно-издательской коллегии остался он один и был фактически бессилен справиться с работой. Я согласился вступить в редакцию журнала и посоветовал также привлечь к делу моего одноклассника и друга Владимира Пруссак, за революционность и убежденность которого я ручался.

На следующий же день мы устроили первое собрание новой редакционной коллегии.

И я, и Пруссак, сразу настояли на резком изменении характера журнала. Вместо юмористического журнала, он должен был стать агитационно-пропагандистским листком. Оставалась только юмористическая хроника гимназической жизни. Васильев присоединился к нашей точке зрения, и наша маленькая редакционная коллегия бодро и дружно заработала. Я, по преимуществу, писал статьи, подписывая их псевдонимом «эс-дек», Пруссак писал революционные стихи, Васильев составлял хронику. Собрания мы устраивали большей частью в самой гимназии, избирая для этого укромные уголки. Одним из таких излюбленных наших уголков была комнатка швейцара, который благоволил к нам и охотно пускал нас к себе.

Это время является одной из наиболее отрадных страниц моей юности. Увы! Жутко становится, когда подумаешь, что теперь в живых из нас троих остался один только я. Много талантливых и отважных юношей унесла с собой русско-германская война и революция.

И Васильев, и Пруссак были богато одаренными личностями. Васильев, несмотря на свои юные годы, собрал богатейший архив по истории средне-школьного движения. В этот архив входили нелегальные ученические журналы, листовки, воззвания за несколько лет, притом не только петербургские, но и провинциальные.

Во время русско-германской войны, уезжая на фронт, где он и погиб, Васильев завещал этот архив мне. В настоящее время он хранится в Ленинграде, в рукописном отделе Академии Наук, куда заведующий этим отделом, Срезневский, любезно принял его на хранение тогда же, для того, чтобы архив не рассылился и не потерялся во время возможных обысков и арестов.

Пруссак был, по преимуществу, поэт. Ему не хватало политической выдержанности, но революционному движению

он отдавался горячо и беззаветно. В 1913 году его судили по делу так называемого «Революционного союза» и приговорили к ссылке в Сибирь на поселение. Из Сибири его освободила Февральская революция 1917 года, но он был настолько измучен, что в 1918 году умер, не дожив до окончательного торжества революции. За время пребывания в Сибири им были выпущены две книжки собственных стихотворений. К сожалению, его талант не успел еще как следует развернуться, так как он умер 24-х лет от роду. Из его юношеских стихотворений в моей памяти осталось только одно, характерное и интересное тем, что в нем как нельзя лучше отразились тяжелые настроения значительной части молодежи во время реакционных лет. Многим казалось, что разгром революции 1905 года далеко отбросил всякую возможность новой революции. Первые строки этого стихотворения говорят о вспыхнувшей в то время в Китае революции.

Привожу это стихотворение, как я его помню:

В стране далекой встал народ на битву,
Колеблет трон могучею рукой.
Читает богдыхан предсмертную молитву...
У нас попрежнему томительный покой,
Попрежнему бездушна атмосфера,
Попрежнему предательством полна,
Не вспыхнет прежняя, горевшая в нас вера,
К нам не докатится далекая волна...
В грязи и пыли мучится рабочий,
Под тяжестью труда не опуская вежд,
И лишь в бессонные, мучительные ночи
Оплакивает боль несбывшихся надежд.
Забыты гимны счастья, славы,
Забыты дни великие побед...

Стихотворения Пруссакса имели большой успех среди учащейся молодежи. Они подкупали своей искренностью и преданностью делу революции.

Однако, вернусь к прерванному повествованию.

Вскоре мне пришлось познакомиться и с печатанием на гектографе. По конспиративным соображениям было решено наиболее удобным печатание журнала «Недотыкомка» перенести ко мне на квартиру. Первый гектограф приготовил мне, как наиболее опытный из нас, Васильев.

Впоследствии мне неоднократно приходилось самому варить и переваривать гектограф. Для этого мы брали обыкновенный железный лист, на котором пекут пироги, и варили

на нем глицерин совместно с желатином. Остывшая масса давала собой прекрасный гектограф. Во время варки было только две опасности, чтобы масса не подгорела, что легко случалось, и чтобы на поверхности ее не образовались пузыри. Ах, эти несчастные пузыри! Они причиняли нам много хлопот и огорчений.

Однако, отдельное существование кружков не удовлетворяло активных работников, жаждущих широкого поля деятельности. Да и жизнь толкала на необходимость большей координации действий отдельных организаций. Так, постепенно, то здесь, то там стала возникать мысль о создании межученической организации. Такая межученическая организация существовала в 1905 году. Позднее, в период ожесточенной политической борьбы, когда совместная работа в рамках одной организации эс-эров, большевиков и меньшевиков стала невозможной, она раскололась по партийному признаку и вскоре вообще перестала существовать. Ныне опять вопрос об ее возникновении встал в порядок дня.

В декабре 1911 года состоялось первое организационное собрание представителей гимназических кружков и организаций. Мне, к сожалению, на этом собрании быть не пришлось и поэтому я не могу точно установить, где оно происходило. Васильев же и Пруссак принимали в нем активное участие. На собрании присутствовали и студенты. По партийному составу здесь можно было найти и большевиков, и меньшевиков, и эс-эров, и анархистов.

После горячих дебатов было решено основать межученическую организацию, как своего рода нелегальный профессиональный союз учащихся в средней школе. Задачей организации ставилась с одной стороны борьба за улучшение положения учащихся, при чем все понимали и оговаривали, что действительное улучшение этого положения может быть только после падения царского режима, с другой стороны, ставилась широкая агитационная и просветительная работа, при чем в этом отношении всем фракциям была предоставлена возможность самой активной работы. Кроме того было выбрано временное бюро, которому поручалось произвести выборы от всех революционных ученических кружков, для образования комитета организации. На этом собрании было закончено.

О результате первого собрания организации были оповещены все кружки, и они немедленно стали избирать своих

представителей в комитет. От редакции «Недотыкомка» был избран Пруссак, я прошел от кружка учеников 7-го класса нашей гимназии, Васильев—от какого-то третьего кружка.

Первое собрание вновь избранного комитета только что народившейся межученической организации состоялось на Вознесенском проспекте на квартире у активных работников еще старой межученической организации супругов Шкапских (Глеб Шкапский руководит сейчас одним из ленинградских заводов, жена его, Мария Шкапская, известна, как талантливая поэтесса).

Как сейчас помню все свои переживания этого вечера. Была оттепель, и, несмотря на середину зимы, в воздухе пахло какой-то весенней свежестью, бодрящей и вызывающей целый рой своеобразных мыслей и чувств. Я скоро нашел нужный мне дом и вошел в ворота. По узкой, темноватой лестнице нужно было подняться на третий или четвертый этаж. Вот и квартира,—я позвонил и вошел. Уже по прихожей можно было понять, что собралось довольно много народу. Вешалок не хватало, и часть пальто лежала кучей на корзине, стоявшей в углу.

В небольшой комнате, скромно обставленной, уже было душно и сильно накурено. Стоял общий гул, за которым нельзя было разобрать отдельные звуки. Наконец, все утихло, все расположились, где попало, и собрание началось. Один за другим вырисовывались передо мной фигуры активных работников зарождающейся ученической организации. В этот вечер обсуждались главным образом организационные, порой довольно сухие и скучные вопросы, но как было молодо, весело. В комнате стало так душно, что пришлось открыть форточку. К концу заседания принесли самовар, хлеб, колбасу. По этому поводу было много шуток. Чай за недостатком посуды пили по-очереди.

Когда заседание закончилось, несмотря на поздний час, никому не хотелось расходиться. Стали петь революционные песни: «Марсельезу», «Варшавянку» и «Смело, товарищи, в ногу». Чтобы не привлекать ничьего внимания, закрыли форточку. Впоследствии пение революционных песен стало почти всегда завершать наши собрания. Конечно, это было неосторожным. Но разве юности свойственна осторожность!? Достаточно того, что мы соблюдали конспиративность во всех других отношениях. Главное, на что мы обращали внимание,

это на то, чтобы никакие *письменные* документы не могли попасть в руки полиции.

Разошлись мы поздно ночью. И опять с тем же бодрым и веселым настроением, которое не покидало меня весь этот вечер, я шагал по талому снегу, через весь город, к себе на Выборгскую сторону.

Заседания Петербургского Комитета межученической организации происходили довольно часто.

Первое время организация объединяла кружки только учащихся петербургских средне-учебных заведений. Так, насколько мне помнится, в комитете, кроме нашей Введенской гимназии, были представители Ларинской (4-й) гимназии, 10-й и 12-й гимназии, гимназии Столцова, гимназии Шеповальникова, гимназии Мая, реального училища Чернышева, женской гимназии Стоюниной, женской гимназии Болсуновой и целого ряда других гимназий и училищ.

Однако, через короткое время нам удалось завязать сношения с некоторыми провинциальными городами, например, — Новгородом, Псковом и др., и, таким образом, организация мало-по-малу стала осуществлять свое первоначальное стремление быть всероссийским объединением учащихся средних школ. Велись переговоры и с польскими средне-школьными организациями. По этому поводу к нам приезжал из Польши представитель этих организаций и делал доклад о положении средне-школьного движения в Польше. Однако, насколько мне помнится, за дальностью расстояния, более тесной связи с Польшей наладить нам так и не удалось.

Был устроен целый ряд собеседований и докладов на разные темы. С одним из деятельных членов организации, студентом Кантором, мы очень скоро организовали большевистскую фракцию. Задачей фракции были совместные выступления на собраниях и агитационно-пропагандистская работа. Впрочем, в последнем отношении ничего планомерного нами так устроено и не было. Предполагали мы с Кантором организовать серию докладов по историческому материализму, однако, дальше разговоров дело не пошло.

Собрания комитета организации устраивались каждый раз в новом помещении, при чем приходилось проявлять много ловкости и изобретательности, чтобы наилучшим образом их законспирировать. Помню, что одно собрание, благодаря чьим-то личным связям, было устроено в каком-то монастыр-

ском здании, другое не более не менее как в Петропавловской крепости, на квартире отца одного из деятельных членов нашей организации Сергея Добровольского. Когда не было лучшего места для собрания, собирались опять на квартире у Шкапских или у другого деятельного члена комитета — Владимира Городецкого ¹⁾. Впрочем, эти два места считались весьма не безопасными, так как они были на подозрении у полиции и вокруг них зачастую шныряли шпики.

Помню, как-то однажды, когда я подходил к дому Шкапских, я заметил весьма подозрительного субъекта, который в мечтательной позе стоял у ворот. Возвращаясь от них поздно вечером, я заметил, что этот тип упорно идет за мной по всем улицам и переулкам. Привести такого компаньона к воротам своего дома я, конечно, не хотел, тем более, что скомпрометировал бы не только себя, но и своего брата Федора ²⁾, принимавшего активное участие в политической работе. На мое счастье я заметил, что меня нагоняет какой-то запоздавший трамвай. Я продолжал идти как ни в чем не бывало, а когда трамвай поровнялся со мной, неожиданно сорвался с места и вскочил в него на ходу. Сначала я думал, что я в полной безопасности, но потом увидел, что шпик несется вслед за трамваем и имеет явное намерение в него вскочить. Это заставило меня перейти на переднюю площадку и в тот момент, когда он вскакивал в трамвай, я соскочил с него и быстро вернулся в один из ближайших переулков. Таким образом я избавился от моего преследователя.

Эпизод этот, рассказанный мною на следующем же собрании комитета, вызвал много смеха и веселья, а один из членов комитета, Л. Александров, написал даже по этому поводу небольшое стихотворение, которое было напечатано в одном из ближайших номеров «Недотыкомки».

Отрывок из этого стихотворения я помню. Вот он:

ГИМНАЗИСТ И ШПИК.

В полночь раз три гимназиста
Вышли как-то из ворот.
«Видно дело здесь не чисто», —
Шпик подумал, ну, и вот —

¹⁾ О нем см. выше воспоминания Николая Яковлева.

²⁾ Ф. Ф. Раскольников.

Он за ними мчится следом
И уж будущим победам
Веселится идиот.

Далее рассказывается, что гимназисты разошлись в разные стороны, и как шпик, избрав одного из них, стал упорно его преследовать. Конец стихотворения автор несколько приукрасил:

Тут трамвай ему помог, —
Прыг в него и был таков!
Шпик за ним... Не тут-то было..
Где ему с суконным рылом?
Хлоп! И нос об рельс разбить
Оказалось легким делом.
Грузно хлопнувшись всем телом,
Шпик остался там лежать.
Гимназист успел удрать.
Слушай, шпик, теперь, каналья,
Вывожу теперь мораль я, —
Если хочешь быть умней, —
С нашим братом, гимназистом,
Гимназисткой, реалистом,
Лучше дела не имей.

Но не всегда дело со шпиками оканчивалось так благополучно. Во время первомайской демонстрации 1912 года, в которой члены нашей организации принимали активное участие, был арестован В. Городецкий. Он был «снят» полицией с фонаря во время речи. Все это произошло на глазах Пруссак, который немедленно об этом передал мне, а я сообщил всем остальным членам комитета. В Городецкому пришлось отсидеть в тюрьме несколько месяцев.

Арест его был для нас первой ласточкой. Наша организация и так существовала слишком долго. Рано или поздно она должна была провалиться. Это и случилось 9-го декабря 1912 года, т.-е. приблизительно через год после ее возникновения.

Нужно сказать, что наряду с заседаниями комитета иногда устраивались общие собрания всех членов организации. Так, например, одно такое собрание было созвано весной 1912 года для отчета и подведения итогов за минувший учебный год. Конечно, на собрании присутствовали далеко не все члены организации, а только наиболее активные работники кружков. Второе такое собрание состоялось осенью 1912 года, оно было созвано для пересмотра целого ряда вопросов организации. Наконец, в ноябре 1912 года, когда между руководителями организации наметились серьезные разногласия по

вопросу конструкции комитета и порядка дальнейшей работы, было назначено третье, по счету, общее собрание, которое назначили 9-го декабря в помещении женской гимназии О. К. Витмер, сын которой, Леонид, принимал активное участие в нашей организации.

Этому собранию суждено было стать и последним.

Как сейчас помню этот роковой вечер. Собрались уже почти все товарищи и ждут только некоторых запоздавших. Кто разбрелся по отдельным пустым классам, кто гулял по коридорам. Всюду волнение, споры. С нетерпением ждут начала собрания. Вдруг главная дверь открывается, и совершенно неожиданно появляется группа «незваных гостей». Впереди идет пристав, за ним несколько околоточных, затем городовые и какие-то штатские.

Я, зная, что гимназия Витмер имеет целый ряд других выходов, вместе с некоторыми другими товарищами пытался проскользнуть через черный ход, но, увы, там нам преградила дорогу мрачная фигура городского.

Мы оцеплены!

Между тем полиция мало-по-малу собрала нас в одну комнату, и здесь пристав задал нам вопрос:

— Для чего вы собрались?

— Для чтения рефератов,—не задумываясь отвечаем мы.

— Каких рефератов?

— Да вот о Надсоне, а потом еще о воспитании и наследственности.

Мы нарочно называем самые невинные темы наших прошлых рефератов.

Пристав кажется несколько смущенным, но потом, повидимому, желая нас поймать, говорит:

— Ну, читайте ваши доклады, мы не будем мешать вам.

На кафедру быстро поднимается один из членов организации, реалист-чернявец Филатов, и начинает читать доклад о Надсоне. Вслед за ним, когда он закончил, на кафедру поднимается другой член организации, Андреевский, который читает доклад «О воспитании и наследственности».

Так, под охраной городских и при усиленном внимании шпиков происходило наше импровизированное собрание.

Видя, что руководители не волнуются и остальная масса собравшихся несколько приободрилась (после второго доклада начались даже прения, но они вскоре естественным образом

прекратились), полиция стала по-одиночке вызывать нас в соседнюю комнату для допроса. Мы заявили, что при таких условиях не можем больше продолжать собрание и закрыли его.

Арест гимназистов (всего на собрании были арестовано 31 ученик и 3 ученицы) произвел большой переполох в Петербурге. Левые газеты воспользовались этим, чтобы начать новую ожесточенную кампанию против правительства. Правые газеты пытались всячески замарать нас, доходя в этом отношении до попыток изобразить нашу организацию чем-то вроде лиги свободной любви.

Дело дошло до Государственной Думы, которая вынудила министра народного просвещения Кассо выступить с объяснением по этому поводу.

В виду большого общественного интереса, который вызвало это дело, правительство не смогло применить особенно строгих мер взыскания к арестованным ученикам. Вскоре все арестованные были выпущены на свободу. Половина участников собрания была исключена из гимназии, но с правом держания экзаменов экстернами, девять же человек, и я, пишущий эти строки, в том числе, особым циркуляром министра народного просвещения, были лишены даже и этого права.

Однако, разгром нашей организации и вынужденный, вскоре после этого, отъезд многих ее работников за границу отнюдь не убили средне-школьного движения. Движение не только возродилось к новой жизни, но и значительно полевело, приняв уже явно большевистскую окраску.

В 1914 году, когда я приехал в Петербург из заграницы после полугодового отсутствия, мне пришлось принять участие на одном из заседаний новой межученической организации.

Теперь лидером ее был т. Семен Рошаль, член нашей прежней межученической организации, арестованный 9-го декабря 1912 г. вместе с нами, а впоследствии трибун и вождь кронштадтских матросов.

На этом собрании новой организации присутствовала и *рабочая молодежь*. Программа самообразовательных кружков, которая обсуждалась на этом собрании, была составлена в выдержанном марксистском духе.

Александр Ильин (*Женевский*).

О «ВИТМЕРОВЦАХ».

(Архивная справка ¹.)

В начале 1912—13 учебного года (в сентябре 1912 г.) в петербургской казенной мужской Введенской гимназии (Большой проспект Петербургской стороны, д. № 37) образовался ученический кружок имени Л. Н. Толстого, собиравшийся на частных квартирах.

Целью этого кружка были саморазвитие членов его и борьба за свободную школу.

Кружок имел тектографы. Один из них был в посаде Колпино Петербургской губернии у Ивана Андреевского.

Кружок выпускал в свет «Газету С.-Петербургской Введенской Гимназии» (№ 1 вышел в свет 17-го сентября, № 2—4-го октября, № 3—28-го октября, № 4—26-го ноября, № 4 был получен петербургской охранкой агентурным путем ²).

На собраниях этого кружка присутствовали знакомые членам кружка ученики других учебных заведений.

¹ По делу № 25, часть 57, за 1912 г., особого отдела департамента полиции—«об ученических организациях по гор. С.-Петербургу», хранящемуся ныне в Политической секции Ленинградского отделения Единого Государственного Архивного Фонда.

В изданном в Москве в 1914 г., «Молодой Гвардии» «Комсомольской Детопресс» (сборник № 1, посвященный истории пролетарского юношеского движения в России) помещена заметка о «Витмеровцах», интересная как фактическое сообщение и являющаяся перепечаткой из газеты «Правда», от 12-го декабря 1912 года, № 191 (заметка под заглавием «Обыски в гимназиях и аресты гимназистов»).

² В своем докладе департаменту полиции петербургское охранное отделение отмечает одну фразу из этого № журнала, характеризующую журнал с революционной точки зрения: «толпа с энтузиазмом пела гимн русскому императору, тому самому императору, который стоит во главе современного кошмарного политического строя»...

Вскоре этот кружок решил создать (идея создания организации зародилась постепенно) «межученическую организацию средне-учебных заведений С.-Петербурга», преследующую те же цели, что и кружок.

Первое, учредительное, собрание этой межученической организации состоялось 30-го сентября 1912 года, второе 14-го октября и третье 9-го декабря (арест).

На собрании 30-го сентября собравшиеся выработали устав организации.

На этом собрании присутствовало несколько студентов, которые потом, согласно устава организации, уже не присутствовали на собраниях организаций, как посторонние.

Выдающуюся роль в «введенском» кружке вначале играл ученик 8-го класса Введенской гимназии Николай Сергеев, покончивший жизнь самоубийством 8-го ноября 1912 года и бывший председателем межученической организации. Причиной этого самоубийства была «средняя школа», то-есть учёба и быт этой школы.

Факт самоубийства Н. Сергеева взволновал учащихся Петербурга.

17-го ноября около 3-х часов дня группами по 5—8 человек стали собираться на Смоленском кладбище у могилы Н. Сергеева гимназисты и реалисты с целью на могиле отслужить демонстративную панихиду. Наряд местной полиции не допустил панихиды, и собравшиеся разошлись (без всяких инцидентов). Собрались учащиеся по призыву листка (на тектографе) учеников Введенской гимназии (членов кружка имени Л. Толстого).

После смерти Н. Сергеева центральной фигурой в «введенском» ученическом кружке сделался ученик Введенской гимназии Владимир Владимирович Пруссак.

Ему деятельно помогали в печатании журнала кружка и листов гимназисты той же гимназии Борис Михайлович Васильев и Александр Евгеньевич Кудашев (родом князь). Б. Васильев был деятельным помощником Н. Сергеева.

Деятельность «введенского» кружка привлекала внимание петербургского охранного отделения.

9-го декабря охранка получила от своего секретного сотрудника сведения, что по инициативе Вл. Пруссак в этот день состоится собрание межученической организации в помеще-

нии частной гимназии Витмера в квартире № 8, дома № 105 по Садовой улицы.

Это общее собрание межученической организации должно было состоять из двух отделений: сперва предполагалось чтение Ив. Андреевским реферата на тему: «Воспитание и наследственность», а затем обсуждение вопросов, касающихся организации.

Начальник охранного отделения сделал распоряжение об аресте этого собрания. Во главе с ротмистром Попелем наряд полиции явился на место собрания в начале чтения реферата и стихотворений Надсона, и арестовал 32 человека учащихся и 2 юношей, не учащихся:

1) 9 учеников реального училища Черняева 5 класса Вульфина, Марка Исааковича, сына купца, 6 класса Горфункеля, Залемана Львовича, сына мещанина, 6 класса Казачинина, Павла Константиновича, 7 класса Маслова, Александра Степановича, сына крестьянина, 6 класса Пок, Михаила Абрамовича (14 лет), сына мещанина, 6 класса Репнина, Ивана Петровича (16 лет), Филатова, Александра Амосовича (16 лет), сына крестьянина, 6 класса Чижева, Леонида Николаевича, сына мещанина, 6 класса Яковлева, Владимира Васильевича (16 лет), сына крестьянина.

2) учеников Введенской гимназии: 8 класса Ильина (ныне член Р.К.П. (б), А. Женеvский), Александра Федоровича, сына личн. почетн. гражданина, 6 класса Ионов, Вячеслава Всеволодовича (сына учителя), 6 класса Королева, Алексея Александровича (18 лет), сына мещанина, 8 класса Пиотровского, Чеслава Адамовича (17 лет), сына отставного полицейского пристава, 6 класса Пятницкого, Евгения Львовича (16 лет), сына военного врача, 8 класса Пруссак, Владимира Владимировича (17 лет), сына чиновника, 6 класса Соколова, Феодосия Ивановича, 6 класса Шапченко, Александра Александровича (15 лет), сына чиновника;

3) 5 учеников 10-ой гимназии: 8 класса Агишевского, Георгия Павловича (19 лет), сына чиновника, 8 класса Александрова, Леонида Тимофеевича (17 лет), сына крестьянина, 6 класса Рошала, Соломона (Семена) Григорьевича (16 лет), сына мещанина, 8 класса Сергеева, Ивана Михайловича, сына чиновника, 8 класса Широких, Николая Николаевича, сына купца;

4) 1 ученика 12-ой гимназии, 8 класса, Шаповаленко, Александра Николаевича, сына артиста;

5) 1 ученика реального училища Лентовской, 7 класса, Колосовского¹⁾, Виктора Викторовича (18 лет), сына военного врача;

6) 1 ученика Ларинской гимназии, 7 класса, Чистовского, Бориса Смарагдовича, сына учителя;

7) 1 ученика Петровского коммерческого училища, 6 класса, Ерман, Шалса Самуиловича (16 лет), сына купца;

8) 1 ученика гимназии Столбцовой, 7 класса, Пятницкого, Андрея Львовича (18 лет), сына военного врача (брат Евгения Пятницкого, ученика Введенской гимназии);

9) 1 ученика гимназии Мая 8 класса Витмера, Леонида Борисовича (18 лет), сына чиновника;

10) 3 учениц гимназии Болсуновой, 7 класса: Иванову, Софию Николаевну, Экгардт, Веру Владимировну (17 лет) и Дмитренко, Ксению Викторовну;

11) 1 ученицу гимназии Бастман, 7 класса, Васильеву, Елену Матвеевну,

и 12) 2 юношей, бывших учеников: Андреевского, Ивана Михайловича (18 лет), и Романова, Александра Александровича, оба сыновья чиновников.

Из этих 34-х человек—9 были арестованы: А. Маслов, Вл. Яковлев, Евг. и Андр. Пятницкие, Ш. Ерман, Л. Витмер, Ив. Андреевский, Вл. Пруссак и Ал. Романов, но на следующий день они были все освобождены.

Обысканы были все: у 13 человек ничего не было обнаружено, у 7 человек отобрали переписку, сыгравшую свою роль при дознании, у остальных нашли по одному и по несколько экземпляров воззваний и журналы ученической организации, рукописи, нелегальную литературу, ленты для гектографа и проч.

Среди отобранного при обысках на квартирах учеников следует отметить:

гектографированный журнал «Религиозная Чума» (автор Иоган Мост), изданный «Революционным Союзом» в 1912 г.;

¹⁾ Брат Валентина Колосовского, 16 августа 1907 г. осужденного петербургским военным окружным судом на 4 года каторжных работ за принадлежность к боевой дружке партии с.-р. и бежавшего в декабре 1911 г. в Париж из Сибири с поселения (из Киренского уезда), после отбывания каторги.

№ 1 от 3 декабря 1912 г. листка свободных анархистов «Вольница»;

№ 1—1912 г. гектографированной «Газеты Чернышева»;

№ 3 и 4—1912 г. гектографированной газеты, изданной ученическим кружком самообразования имени Л. Толстого, и отчет деятельности этого кружка, существовавшего в Введенской гимназии;

№ от 13 сентября 1912 г. гектографированной «Газеты В. Р. Ч.» (?)¹⁾;

№ 1, 2 и 4 за 1912 г. гектографированной «Газеты СПб. Введенской гимназии»;

№ 1 от 29 сентября 1912 г. ученического журнала «Наши мысли и наблюдения»;

№ 1 за март 1908 г. ученического гектографированного журнала «Рассвет»,

и воззвания ученической организации: 1) «к крестьянам», 2) «к русской интеллигенции», 3) «к польскому народу», заканчивающееся словами: «Долой самодержавие! Да здравствует свободная Польша!», 4) «Товарищи!» заканчивающееся словами: «Да здравствует свободная школа, да падет монархия!», 5) «Да здравствует свободная школа в свободной России», 6) «К товарищам-гимназистам», 7) «Паук» № 1 от 13 ноября 1912 г. (обращение к товарищам гимназистам), 8) устав организации и проект этого устава и 9) протокол общего собрания ученической организации.

Кроме того была отобрана рукопись: «Влияние средней школы на человека».

Затем были обысканы не присутствовавшие на собрании гимназисты Ал. Кудашев (полиция отобрала у него № № 5, 6 и 7 «Газеты СПб. Введенской гимназии» и № 1 ученического литературного журнала «Наши мысли и наблюдения») и Борис Михайлов (обыск — безрезультатный), связанные с ученической организацией (см. выше). Оба они были оставлены на свободе.

На полу помещения, где были задержаны все 34 члена межученической организации, полиция нашла рукописный и 4 гектографированных экземпляра устава межученической организации и 1 экземпляр обращения к учащимся по поводу самоубийства гимназиста Н. Сергеева.

¹⁾ Видимо, газеты учащихся реального училища Чернышева.

Следствием было установлено, что ученица гимназии Бастман Е. Васильева получала нелегальную литературу от знакомых ей учеников Введенской гимназии¹⁾ и принимала участие в ученической организации, присутствовала на одном из заседаний ее в конце октября или в начале ноября 1912 г., и что ученица гимназии Болсуновой С. Иванова принимала участие в межученической организации и приглашала на собрание ее и других учениц.

Дальше следствием было установлено, что ученики Введенской гимназии: Е. Пятницкий (у него на дому собирались члены кружка) Ал. Ильин, В. Ионов, Ф. Соколов, А. Шапченко и А. Королев (последний откровенно сознался на допросе в участии в кружке) принимали участие в кружке в гимназии.

Арестованные на собрании тут же допрашивались подполковником Волковым и ротмистром Будницким.

Арестованные на собрании учащиеся «вольные» Андреевский и Романов присутствовали на нем в связи с проектом нового устава организации, предусматривавшем участие в ней и не учащих.

* * *

В середине декабря петербургское охранное отделение агентурным путем получило данные, что в среде этой «межученической организации» образовалась особая ячейка, называвшая себя «учредительной группой революционного союза», с целями — революционными.

Пользуясь тем же гектографом, что и межученическая организация, эта группа выпустила воззвание: 1) «К польскому народу», 2) «1-го мая 1912 г. — ко всем гражданам», 3) «К рабочим» и 4) «Ко всем гражданам».

Указаний на принадлежность группы к какой-нибудь политической партии в этих воззваниях не имеется, воззвания заканчиваются лозунгами: «Долой самодержавие!» «Да здравствует вторая российская революция!», «Да здравствует демократическая республика!» и др., и на воззвании «Ко всем гражданам» и «К рабочим» имеется эпитафия: «Иди на борьбу, брат голодный».

Экспертиза охранного отделения установила, что почерки, которыми написаны «Газеты СПб. Введенской гимназии»

¹⁾ Все шло от учеников Введенской гимназии, — там был центр ученической организации.

и воззвания, сходны, и охранка заключила, что печаталось все это и другое на шаширографах, отобранных при обысках у Вл. Яковлева и Ив. Андреевского.

Ив. Андреевский на допросе, после ареста, показал, что он печатал на найденной у него при обыске ленте шаширографа лишь ученическую «Газету СПб. Введенской гимназии» и ученический журнал «Поток».

О составе учредительной группы «Революционного Союза» и о его связях с межученической организацией—охранное отделение сведений не имело.

Ив. Андреевский на допросе показал, что он из Введенской гимназии выбыл в октябре 1912 года и до того состоял членом межученической организации и принимал участие в просветительной работе ее, и показал, что никаких взаимоотношений между ученической организацией и «Революционным Союзом» — не было, и что он участвовал на собрании 9 декабря только, как читавший реферат.

Дело «витмеровцев» кончилось «административно»: часть учащихся была исключена из гимназии и уехала на средства богача либерала Шахова учиться за границу, другие были обратно приняты в гимназии.

* * *

Петербургское охранное отделение было «глубоко взволновано» революционностью в среде учащихся петербургских средних учебных заведений и «в целях выяснения степени политической неблагонадежности учащихся учебных заведений», ученики которых участвовали в разгромленной им межученической организации, произвело проверку по своему архиву лиц, окончивших эти гимназии, сравнив с 3-ей СПб. казенной гимназией. (См. таблицу на стр. 143.)

Но, как пишет начальник петербургского охранного отделения министру внутренних дел в своем докладе, «для наиболее точного суждения о степени благонадежности состава учащихся того или иного среднего учебного заведения имеют особое значение лишь самые ближайшие годы по окончании ими учебного заведения, когда их революционность можно считать вынесенной из стен последнего»... «то, беря приведенные ниже цифровые данные лишь за последние два года, получаем результат прямо поразительный, а именно:

Введенская гимназия дает 11,11% политически неблагонадежных воспитанников.

Реальное училище Черняева 5,26% политически неблагонадежных воспитанников.

Общеобразовательные курсы Черняева 9,65% политически неблагонадежных воспитанников.

3-я СПб. гимназия 0% политически неблагонадежных воспитанников.

И выходит, что унтер-офицерская вдова сама себя высекала. т.-е. то, «что в царстве датском что-то гнило»

Годы.	Введенская гимназия.		Реальное училище Черняева.		Общеобразоват. курсы Черняева.		СПБ. 3-я гимназия.	
	Окончало и исключено.	Из них в делах отделения заарестировано.	Окончало и исключено.	Из них в делах отделения заарестировано.	Окончало.	Из них в делах отделения заарестировано.	Окончало.	Из них в делах отделения заарестировано.
1907—08	—	—	50	8	—	—	—	—
1908—09	65	3	39	2	88	9	36	4
1909—10	86	7	49	3	55	3	47	4
1910—11	70	7	29	—	58	8	42	—
1911—12	47	6	28	3	56	3	30	—
Итого...	268	23 или 8,58%	195	16 или 8,2%	257	23 или 8,95%	155	8 или 5,15%

Сообщил Юр. Новин.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Ниже мы помещаем 16 документов, найденных нами в копиях в деле № 25, часть 57, за 1912 г., особого отдела департамента полиции — «об ученических организациях по гор. С.-Петербургу» — и иллюстрирующих и дело о «витмеровцах» и работу межученической организации и учредительной группы «Революционного Союза», действовавшего в рядах этой организации.

Приложение 1-е.

УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ, ОТОБРАННОЙ ПРИ ОБЫСКЕ 9-го ДЕКАБРЯ 1912 г. В ПОМЕЩЕНИИ ГИМНАЗИИ ВИТМЕР.

«Организация учащихся ставит себе задачи как академ., так и просветительского характера.

В области академ. организация ставит себе целью:

1. Выяснить положение учащихся.
2. Выработку проекта реформы школы.

3. Вмешательство по мере возможности в школьную жизнь в интересах учащихся.

Просветительские задачи организации заключаются в:

1. Техническом содействии кружкам.
2. Устройству рефератов на отдельные темы.

Организация не носит партийного характера и не может потому претендовать на идейное руководство.

Устав.

1. Членом организации может быть учащийся в ср. уч. заведении, согласный с целями и содействующий их осуществлению.

2. Организация состоит из кружков и отдельных лиц.

3. Группы и кружки выбирают по одному или по 2 (если в группе более 20 человек) представителя в комитет организации сроком на 1 семестр с правом замещения и смещения.

4. 5-х членов комитета выбирает общее собрание из всего состава организации.

5. Комитет руководит деятельностью организации и сносится от ее имени со всеми лицами и учреждениями, с коими встретится надобность.

6. Средства организации составляются из членских взносов (10 коп.) и пожертвований.

Приложение 2-е.

Листок с написанным чернилами и карандашом текстом устава ученической организации, составленным учеником 8-го класса Введенской гимназии Александром Ильиным¹⁾, отобранным при обыске 9 декабря 1912 г. в помещении гимназии ВИТМЕР.

«ОБЪЕДИНЕНИЕ УЧАЩИХСЯ НА ПОЧВЕ БОРЬБЫ ЗА СВОБОДНУЮ ШКОЛУ».

УСТАВ.

1. Членом организации может быть всякий, согласный с ее целями и содействующий их осуществлению.

2. Организация объединяет собою кружки средние и низшие-учебных заведений.

¹⁾ Ныне член Р. К. П (б.) — Александр Жевевский, журналист и активный работник редакции вечернего выпуска ленинградской «Красной Газеты».

3. Деятельностью организации руководит комитет.

4. Права комитета: Комитет имеет право созывать общее собрание, изменять устав, входить в сношения с отдельными лицами и учреждениями и делать постановления, которые общеобязательны для всей организации.

5. Комитет составляется из 3-х лиц, выбранных общим собранием и представителями от каждого учебного заведения по одному, если в учебном заведении менее двух кружков, и по два, если в учебном заведении более одного кружка.

6. Для созыва общего собрания достаточно инициативы 20-ти человек...

Приложение 2-е.

Листки и прочее.

В комнате гимназии Витмер, в которую были собраны арестованные 9-го декабря 1912 г. для переписки и личного обыска ученики, оказались разбросанными следующие 3 документа:

1. Листок с воспроизведенным на гектографе текстом:

«Товарищи! 8-го ноября двумя выстрелами из ружья убил себя товарищ Николай Сергеев, ученик 8-го класса Введенской гимназии. Ранив себя выстрелом в грудь, он вновь зарядил ружье и вторым выстрелом — в висок — добил себя. Что же побудило Колю Сергеева так настойчиво искать смерти? Что заставило его, молодого и жизнерадостного, так трагично покончить с собой? По газетам «причины неизвестны», гимназическое начальство очень просто объясняет дело: «Коля, де, убил себя в припадке умопомешательства». Но никакие подобные объяснения не могут затемнить истины. И товарищи покойного считают долгом заявить, что настоящая причина смерти Коли — средняя школа. Та школа, где десятилетних мальчиков исключают за отказ доносить на товарищей, где начальство покровительствует шпионажу, где зубрежка патристической бессмысленной болтовни быстро доводит до нравственного отупения, где всякая живая мысль, искреннее слово — караются жестоко. А отдельные «педагоги» стараются сгустить невыносимую атмосферу средней школы. В Введенской гимназии существовал литературный кружок имени Л. Толстого. Работал в нем и Коля. Инспектор Н. А. Редько, узнав об этом, позвал к себе родителя покойного и пригрозил исключить Колю, если он не уйдет из кружка. Но отказавшись от живого дела он не мог, не мог, по домашним обстоятельствам, уйти из гимназии. Незадолго до своей смерти Коля говорил, что ему остаются два выхода: забиться в беспалашном разгуле или покончить с собой. Товарищ выбрал последнее... И этот случай не единственный, каждый день мы получаем известия о новых и новых жертвах... С начала учебного года покончило с собой свыше 45 человек. Эти жертвы будут все учащаться, если не будет произведена коренная реформа школы-тюрьмы. Нас калечат там, оттуда выходят только калеки, с издерганными нервами, отравленной душой или беззащитными карьеристы. Школа неразрывно связана с государством. Все издевательства, чинимые в ней над нами, нужны для поддержания деспотизма. Пусть же будут прокляты те, кто во имя своей злобной политики губит ежегодно тысячи молодых жизней. В 9-й день после кончины Н. Сергеева, в субботу, 17-го ноября, в 3 часа дня, на его могиле (на Смоленском кладбище) соберутся его товарищи для выражения протеста против школьного гнета. Откликнитесь товарищи! Приходите вместе с нами громко и смело призвать

на борьбу со школой-тюрьмой. Мы не можем, не должны, не смеем дальше молчать. Да здравствует свободная школа в свободной России!»

2. Записка на клочке бумаги, написанная карандашом:

«Был это у тебя я. Сего довольно. Так как в ближайшее время заходить к тебе не имею возможности, прошу зайти ко мне. Когда пойдешь захвати портрет Коли. Предупреждаю: вечером в субботу я занят. Заходи лучше так часов около 4-х (завтра или послезавтра) Ю. Всего хорошего».

3. Письмо в конверте, адресованное «Ксане Дмитренко», от 8-го декабря 1912 г. за подписью: «Ваня», в котором автор пишет, что принимает с благодарностью предложенную ему дружбу и анализирует это чувство, затем говорит:

«Вы пишете, что сближение мужчины и женщины в кружках приводит к любви и не видите здесь ничего худого. Я тоже не вижу ничего, кроме хорошего. Но не о такой любви я говорю. Я говорю о той чувственной любви, которая так часто проявляется в кружках. Я лично знаю человек 5, которые влюблены в Ваше тело. Вот против этого я восстаю и всегда буду горячо протестовать, всегда сердце мое будет обливаться кровью, когда я увижу такую «любовь». И когда я говорил в организации против присутствия на собраниях лиц женского пола, то этим заявлением не хотел искоренять их из организации (им больше чем кому бы то ни было нужны кружки), а для того, чтобы лишний раз резко напомнить товарищам о печальных фактах флирта и влюбленности, что мешает общественной работе и быть не должно».

Предлагая затем перейти на «ты», автор пишет:

«Не падайте духом, верьте, что светлые дни придут. Не забывайте, что дух Ваш всегда свободен. Вы не думайте пожалуйста, что товарищи по кружку Вас осуждают. Нет, это не верно. Все отлично Вас понимают, сочувствуют Вам. Ведь у многих из товарищей приблизительно такое же положение как у Вас. Андрей и Евгений Пятницкие просили передать Вам свой сердечный привет и сочувствие «узннику, находящемуся под игом семьи и школы». Как искренне я буду рад, когда падут, наконец, у Вас стены Вашей тюрьмы-школы и семьи... [выписка из «справки по делу» межученической организации ср.-учебн. заведений С.-Петербурга, составленной Спб. охран. отделением].

Приложение 3-е.

При обыске у Вл. Яковлева был найден приготовленный для отправки на гектографе листок с текстом:

«Товарищи! Вспомните, проснитесь и взгляните, что делается около вас. А делается страшная вещь, коверкаются и ломаются молодые жизни. Сотнями выключают за то, что они евреи, или за то, что осмелились указать на произвол школьной администрации, или на плохую пищу и т. д. и т. д. Словом, каждый предлог раздувается администрацией в бунт, и каждый предлог, даже нежелание писать сочинение, ведет к тому, что товарищ напихивается сотнями выключают, довольно, дальше нет сил терпеть, надо бороться».

Товарищи, существует средне-школьная организация, вступайте в нее, образовывайте кружки, издавайте газеты и вообще старайтесь узнавать себя, т.-е. объединяйтесь.

Объединяйтесь, товарищи, для успешной борьбы с гнетом средней школы-тюрьмы. Образовывайте в каждом классе комитет, который будет вносить запросы, который будет бороться с преподавателями-педантами вроде Ф. В. Соколова, которые гнетут и рушат и без того уже надомлен-

ные и физически, а, главное нравственно, молодые жизни. Товарищи, проснитесь и, объединяясь, старайтесь на пользу общего нашего дела. Объединяйтесь, так как в единении сила. Да здравствует свободная школа, и да падет монархия! Вперед! [выписка из «справки по делу» Межученической организации ср.-учебн. заведений С.-Петербурга, составленной Спб. охран. отделением].

Приложение 4-е.

В вещах воспитанника реального училища Черняева, Александра Маслова был найден:

«Гектографированный журнал, озаглавленный «Религиозная чума. Иоганн Мост. 1912 г. Издание революционного союза». Автор статьи в крайне тенденциозных и резких выражениях производит разбор христианских вероучений и называет бога «шарлатаном» и «убийцей». На последней странице помещено заявление организации революционного союза, который ставит своей целью инспровержение существующего ныне в России «деспотического строя» и что «для выполнения своих целей революционный союз считает необходимым, создавая свою организацию, вносить единство в революционную борьбу. Товарищи! Всем нам ненавистно иго Николая Кровавого. Смыкайтесь для борьбы с ним». [Выписка из «справки по делу» Межученической организации средне-учебных заведений С.-Петербурга, составленной Петерб. охран. отделением].

Приложение 5-е.

У воспитанницы женской гимназии Бастман, Елены Матвеевой Васильевой, были найдены два листка гектографированного воззвания:

«Товарищи! 8-го ноября 1912 г. воспитанник 8-го класса нашей Введенской гимназии Коля Сергеев застрелился. Мы, близкие товарищи покойного, считаем своим нравственным долгом довести до сведения всех товарищей, что причиной самоубийства Коли Сергеева является наша средняя школа, а в частности Н. А. Редько. Между прочим, в кружке имени Толстого имеются письменные доказательства ужасного тягостного кошмара ср. школы, пережитого Колей. Честных товарищей мы призываем так или иначе реагировать на смерть Сергеева: по возможности устраивать демонстрации против Н. А. Редько, петь «вечную память» Сергееву и распространять в обществе сведения о причине гибели дорогого товарища. Более подробные сведения будут сообщены впоследствии».

На обороте листка помещено стихотворение: «Ты умер, товарищ, и наши сердца...» озаглавленное «Реквием». [Выписка из «справки по делу» о «Межученической организации ср.-учебн. заведений С.-Петербурга», составленной Спб. охран. отделением].

Приложение 6-е.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ГАЗЕТЫ «ПАУК» ОТ 13 НОЯБРЯ СПБ. 10 г. ¹⁾ № 1, ОТОБРАННОЙ У ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВОЙ.

Н. СЕРГЕЕВ.

Беспощадная пошлость ни тени наложить не успела на нем.

Некрасов.

Еще одна жертва. Еще одну драгоценную жизнь сгубила наша школа. 3-го ноября покончил с собой Николай Сергеев, ученик 8-го класса Введенской гимназии. На похоронах его было много товарищей учащихся и, конечно, послан был «педагог», чтобы и там было всевидящее око и всеслышащее ухо. У свежей могилы товарища не гимназистами были произнесены речи, в которых наша школа получила справедливую оценку.

Напрасно инспектор Введенской гимназии г-н Редько объясняет это самоубийство сумасшествием или преждевременным идеализмом. Мы лучше вас знаем, г-да присяжные педагоги, что и кто доводит нас до самоубийства, мы на себе испытываем действия наших трудов, школы, которая всех нас гонит по этой наклонной плоскости. Мир праху твоему, наш светлый товарищ, мир праху твоему, жертва средней школы!

К ТОВАРИЩАМ.

О полной несостоятельности нашей школы много, казалось бы, говорили, много писали, она подтверждалась даже с Думской Трибуны видными депутатами, например Милюковым; и всего этого оказывается мало. Наша допотопная школа и поныне благополучно здравствует и убивает в нас все хорошее, а о новой, свободной школе нам даже и думать не введено. Общество, у которого, правда, много насущных дел, оставляет нас на произвол судьбы и, что еще хуже, на произвол присяжных «педагогов».

Так не будем же поддаваться их тлетворному влиянию, не будем рабски примиряться с серой действительностью и подавлять в себе свободную мысль. Будем содействовать процветанию товарищеских кружков и журналов, поддерживать товарищеский дух и всегда и везде напоминать обществу, родителям о том, что современная школа стоит ниже всякой критики.

Будем бороться за наше самосознание и за новую, свободную школу. В единении сила!

Приложение 7-е.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЖУРНАЛА «НАШИ МЫСЛИ И НАБЛЮДЕНИЯ», № 1 ОТ 29-го СЕНТЯБРЯ 1912 г., СУББОТА, ОТОБРАННОГО У АНДРЕЯ И ЕВГЕНИЯ ПЯТНИЦКИХ.

«... ГАЗЕТА С. П. В. Г.»

17-го сентября вышел первый № «Газеты С. П. В. Г.» Газета оставляет то же направление, что и в прошлом году. Единственным новшеством в ней является выбор в редакцию ее двух ответственных редакторов, которые, по всей вероятности, в новом году издания ограничат прием статей,

¹⁾ 10-й гимназии, мужской.

Юр. Новин.

рисующих жизнь средней школы в столь темных красках, что читателю, близко знакомому с нею поневоле, приходится раскрывать рот от изумления и недоумения. В этом году, к сожалению, в № 1 (6) газеты помещено одно из таких трагико-комических произведений «Исповедь ученика». — «Один из многих». Общее впечатление от № 1-го Газеты остается самое хорошее... «17-го сентября вышел первый № «Газеты С. П. В. Г.» — 30-го сентября состоится первое учредительное собрание обще-ученической организации...»

Приложение 8-е.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ГАЗЕТЫ «С. П. В. Г.» ОТ 17-го СЕНТЯБРЯ 1912 г., ПОНЕДЕЛЬНИК, № 1 (6), ОТОБРАННОЙ У ИВАНА АНДРЕЕВСКОГО.

Издание кружка саморазвития имени Л. Н. Толстого в СПб. Введенской гимназии. Год издания II, — цена 3 к.

«Вступая во 2-й год своего существования, «Газета С. П. В. Г.» намечает себе программу будущих работ. Как и в прошлом году газета будет выражать настроения учащихся Введенской гимназии, будет реагировать на все явления в жизни средней школы, а в частности и в особенности нашей гимназии, трудно говорить о продуктивности наших работ, так как прошло еще очень мало времени для того, чтобы подвести итог. Но если даже бросить беглый взгляд на то, что сделала газета в этот короткий срок, то можно уже заметить следы благотворного влияния.

Раньше учащиеся в разных классах были чужды друг другу, а теперь наблюдается редкое единение, существующее только в нашей гимназии. Учащиеся привыкают к общественной работе, заинтересовываются культурными кружками, ученическими журналами, наконец, начинают привыкать высказывать свободно свои взгляды. Через газету всей гимназии стали известны некоторые факты, которые без нее остались бы скрытыми. Затем газета разбивает авторитет г-г. Редько, Гурьевых и пр., и таким образом дает понять, что педагоги в нашей средней школе самые обыкновенные люди, часто глупые, не способные и подлые.

Важнее же всего — это то, что настроения учащихся, каковы бы они ни были, запечатлены навсегда в газете, и, кто поручится, может быть через несколько десятков лет наша газета будет иметь большой исторический интерес.

В этом году выбраны два ответственных редактора, фамилии которых неизвестны. Жалобы на последних просят присылать в комитет кружка саморазвития имени Л. Н. Толстого, перед которым редактора и являются ответственными.

Газета будет выходить в зависимости от материалов, которые редакция покорнейше просит присылать через членов комитета кружка...»

К ПОЛИТИКАМ.

Средняя школа нас, учащихся, не удовлетворяет. Мы не получаем в ней никаких знаний, больше того, она отталкивает нас от изучения многого, убивает в нас стремления к истине и свету. Нам ненавистна средняя школа, мы ее презираем и проклинаем. Это мы обязаны твердить в обществе, кричать на каждом перекрестке, в гимназии, на улице, дома. И это по-моему единственно правильный и целесообразный протест против произвола г-г. Кассо, Мусин-Пушкиных, Редько, Якубовых и пр. Но активное выступление учащихся, хотя бы и массовое, я считаю безумным и бесполезным.

В этом году вновь возрождается обще-ученическая организация, которая в прошлом году так много нам обещала и ничего не дала. И ученическая масса, жаждущая знаний, с недоверием и злобой смотрит на эту организацию. Мы хотим знаний, а нас кормят политикой. Мы ждали организацию самообразовательную, а нам дали социал-демократическую. Мы, учащиеся средней школы, хотели самостоятельно работать и по своему реагировать на явления школьной жизни, а в организации оказались студенты.

Товарищи! Нам нужно бойкотировать те организации, в которых мы, учащиеся средней школы, не самостоятельны, в которых много политики и мало самообразования, в которых много слов и очень мало дела...

Приложение 9-е.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ГАЗЕТЫ, ОТОБРАННОЙ ПРИ ОБЫСКЕ В КВАРТИРЕ ЕЛЕНА МАТВЕЕВОЙ ВАСИЛЬЕВОЙ:

Издание кружка саморазвития имени Л. Н. Толстого в СПб. Введенской гимназии.

«ГАЗЕТА С. П. В. Г.»

№ 4 (9), понедельник, 26-го ноября 1912 года. Год издания II.
Цена 3 к.

8-го ноября с. г. застрелился воспитанник нашей Введенской гимназии ученик VIII класса Коля Сергеев. Причина его смерти — аномальная постановка средней школы, а в частности придирижка инспектора Введенской гимназии Н. А. Редько.

Отняли, вырвали от нас милого Колю. Замучили нашего товарища. Что же, кроме проклятия, мы можем послать средней школе, что же, кроме жажды мести, мы можем чувствовать. Зачем писать о тех страданиях, о той безумной тоске, о том ужасе перед кошмарной действительностью, о всем том, что переживаем мы, товарищи Коли. Наши переживания не трудно понять...

Ты умер, товарищ, пал жертвой схоластического педантизма нашей средней школы, но дух твой жив. Мы помним твои заветы, мы отомстим за тебя. Ты был незаменимый работник, ты был хороший товарищ. Ты работал без отдыха. Сказать тебе: «отдохни», было равносильно тому, если тебе сказать: «не дыши». И теперь ты не дышишь и отдыхаешь. Вечная, самая светлая память будет о тебе, милый Коля. Спи! Мы продолжим твоё дело, мы отомстим за тебя.

Редакция.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Светлой памяти Коли Сергеева.

При ликующем свете яркого летнего солнца родился орел. Весело глядел он на светлый мир, любовался далеким голубым морем, высоким голубым небом. Много было в нем жизни, много силы, энергии. Он рос, развивался, мужал. Вот окреп он, вот чувствует в себе могучую силу, вот расправил свои крепкие крылья и приготовился взмахнуть ими, чтобы вырваться, как стрела, в голубую синеву неба... Но в этот момент чьи-то грубые руки схватили его, крылья подрезали и посадили в железную клетку. Могучую грудью налег молодой орел на клетку, но она даже не погнулась.

И метался орел, клювом своим он пытался разогнуть прутья клетки, когтями своими хотел разломать... Долго метался он в тесной клетке, а потом оглянулся и увидел вокруг себя такие же тесные клетки и таких же молодых орлов. Так же бешено рвались они, так же ломали свои клювы, кровью своею забрызгивали свои груди... Из беседы со своими товарищами по несчастью узнал молодой орел, что ему придется сидеть в клетке 8 лет, а потом ему дадут новые, небольшие крылья и бумагу на право летать. И сказал молодой орел: «Хорошо». Я просижу 8 лет, а потом умчусь в беспрельдную высь голубого неба, выше гор, выше туч...

«Нет, — сказали ему товарищи, — ты получишь право летать только ниже гор и ниже туч»... Кровью облилось сердце молодого орла... «А раньше 8 лет никак нельзя вырваться из этой тюрьмы?» — спросил он. И ответили ему товарищи: «Есть два исхода. Можно проломить дно клетки и выбраться вниз, без бумаги на право летать. Только почти все, кто выбирает этот исход, падают в житейское море, но бывают случаи, что молодому орлу, падая, удается схватиться за уступ скал над житейским морем, и он остается жить. Но, чтобы выбрать этот исход, нужно иметь крепкие когти». Посмотрел молодой орел на свои изломанные окровавленные когти, поник головой и печально сказал: «Не могу я выбрать этого исхода...» И сказали ему товарищи: «Есть другой исход... печальный... последний... Этот исход — смерть. Можно воткнуть себе в сердце конец острого прута, и ты умрешь». «Нет, — гордо тряхнул головой молодой орел, — не убью я себя, а добьюсь бумаги на право летать, а потом отомщу палачам». И весело стало его товарищам, дух их поднял молодой орел, силу заснувшую разбудил.

Прошло 7½ лет, осталось только полгода, и молодой орел был бы свободен. Но, вот, пришел человек, заведующий клетками, и сказал молодому орлу: «Отныне ты должен прекратить беседы с товарищами, а иначе ты будешь брошен в житейское море». Последнюю радость отняли у молодого орла. И не смог он вынести своего горя и проткнул свое горячее молодое сердце острым, заржавленным от его же крови прутот клетки...

Серые сумерки окутали труп молодого орла своим туманом, словно саваном, мелкие капли осеннего дождя торопливо закапали на клетку, словно слезы бессилья, а порывистый ветер, всхлиывая, пропел ему «Вечную память» Т. С. Ф.

НАСТРОЕНИЯ.

«Когда я узнал о смерти Коли Сергеева, меня как будто обухом по голове стукнуло. Коля застрелился! Тот Коля, который всегда был такой веселый, жизнерадостный, который все свои силы тратил на то, чтобы будить бесчувственную гимназическую массу, этот самый Коля застрелился... Уже прошло много времени, а я до сих пор не могу успокоиться, не могу примириться с мыслью, что не увижу больше Колю никогда... никогда...»

Директор и батюшка заманили, в день похорон Коли Сергеева, певчих под предлогом спевки в гимназию, и на похороны я попал только к выносу гроба из церкви. Здесь увидел я, что «педагоги» смеют врываться в переживания и мысли учащихся, и понял, что «я узник, а гимназия — восьмилетнее пребывание в тюрьме»; и от того, что я сознал это, мне стало так радостно, так легко и вместе с тем так грустно. И хотелось молиться, тайно, как велел Христос.

Вечером я отправился на собрание, посвященное памяти Коли Сергеева, но там больше говорили, спорили, переругивались. И мне стало так больно, так тоскливо. Но я чувствовал себя свободным. А в понедельник... в понедельник опять тюрьма.

К.».

НА ЮБИЛЕЕ.

«Я был на торжественном акте. СПб. Введенская гимназия праздновала свой 50-летний юбилей. После шаблонной речи меднолобого товарища попечителя учебного округа, старший педагог Введенской гимназии Вл. Вл. Яковлев прочел историческую записку. 130 лет тому назад было основано 2-х классное Введенское училище. Через некоторое время это училище было преобразовано в 3-х классное, а затем преобразовано в 4-х классную прогимназию. Затем Вл. Вл. Яковлев прочел о том, как постепенно увеличивался срок тюремного заключения—курс учения, как постепенно открывались параллельные классы и как ужасные компрачкосы захватывали себе все больше и больше детей. Наконец г. Яковлев провозгласил: «21-го ноября 1882 г. земское 2-х классное училище превратилось в полную 8-ми классную гимназию»... Бурные аплодисменты безумной толпы заглушили дальнейшие слова, а мне сделалось так тоскливо, так больно и стыдно за дикую радость многих нерассуждающих гимназистов. А затем стали подходить к директору гимназии различные депутаты. Первой явилась депутация от родителей. «От имени родителей мы приносим сердечную благодарность педагогическому совету»,—заявил П. И. Попов от имени всех родителей (большинство родителей не было извещено о предстоящей депутации). И вспомнились мне проклятия многих родителей, направленные против средней школы, вспомнилась мне тоска и отчаяние моей матери, когда увидела она меня искалеченным средней школой, вспомнились мне родители застрелившегося 8-го ноября Коли Сергеева... Неужели эти родители приносили свою сердечную благодарность средней школе, той средней школе, которая замучила, изуродовала их детей, которая отняла у них Колю Сергеева и многих других. Больно и тоскливо было у меня на сердце. А торжественный акт продолжался... Почему же не прочли на этом акте фамилии учеников, покончивших с собой за 50 лет существования Введенской гимназии... Мне хотелось крикнуть, хотелось разбудить безумную толпу и указать им на тени детей, замученных и изуродованных средней школой.

В конце акта зашли «боже, царя храни». И безумная, холодная толпа, в которой было много гимназистов, бешено аплодировала, бешено закричала «ура». А мне стало так больно, так обидно... И злоба проснулась в моем сердце. Толпа с энтузиазмом пела гимн русскому императору, тому самому императору, который стоит во главе современного кошмарного политического строя, следствием которого является и современная средняя школа.

И с жадной безумной мести я, шатаясь, ушел с торжественного акта, где холодная толпа кричала «ура»... давящему дому, где носились тени школьников-самоубийц, где автоматы—компрачкосы праздновали 50-летие своей кровавой деятельности.

Б. Г. И.

Приложение 10-е.

ИЗ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЙ ГАЗЕТЫ Р. У. А. С. ЧЕРНЯЕВА ОТ 26¹⁾—1912 г. (ИЗДАНИЕ КРУЖКА РЕАЛИСТОВ УЧИЛИЩА ЧЕРНЯЕВА) № 1, ОТОБРАННОЙ ПРИ ОБЫСКЕ В КВАРТИРЕ ВЛАДИМИРА ЯКОВЛЕВА.

«Выпуская первый номер газеты «Реального училища А. С. Черняева», редакция надеется на осторожность и сочувствие читателей этой газеты, так как газета преследует интересы вообще учеников средней школы, а в частности и учеников Р. У. Черняева.

¹⁾ Месяц в документе не отмечен.

Юр. Новин.

Мы выбрали самый культурный способ борьбы, именно гласность и этим способом мы и будем бороться против произвола средне-школьной администрации, мы хотим заставить каждого учащегося вдуматься в свое крайне незавидное положение и попробуем сделать это положение лучшим, а сделать это можно только тогда, когда объединится средняя школа. Объединяйтесь, товарищи! Знакомьтесь в лице друг с другом, образовывайте кружки и старайтесь на пользу общего нашего дела, была бы охота, а дела много найдется. А главное, помни всегда цель нашего общего дела, поставим себе девиз — «свободная школа», а как средство для этого постановления—великие слова: «в единении—сила».

«Редакция».

Приложение 11-е.

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ.

Иди на борьбу, брат голодный!

Товарищи! Вот уже 6-ть лет прошло со времени разгрома русской революции, 6-ть спокойных лет—в это время, казалось бы, можно было приступить к мирному улучшению положения русского народа, но господа замирители, так много обещавшие, не дали ничего. Наше положение не только не улучшилось, но стало еще хуже, все заставляет задуматься над тем, что мы теперь переживаем. Непрестанный голод, война, непомерные налоги—истощили страну. По деревням голод и теперь ежедневно мрут тысячи жизней; благоденствуют одни кулаки, к которым малоземельные крестьяне принуждены идти в батраки. Закрываются фабрики, рабочие выбрасываются на улицы без всяких средств к существованию—они обречены на голодную смерть. Правительство, во главе с царем, поразительно равнодушно к бедствиям народа, лишь вытягивает недоимки, заботясь о наполнении собственных карманов. Готовятся новые разорительные войны, снова наши братья пойдут умирать по прихоти царя. А этот царь—слабоумный, болезненно-жестокый человек, проводит время в разврате и тратит народные деньги на роскошные праздники. Никто даже не смеет осуждать теперешний строй, мы все рабы беспощадного деспота, никто не уверен в том, что его имущество, самая свобода и жизнь его не будут завтра же похищены по приказанию царя. Россия терпела много бедствий, много тяжелых годин, но такого позора и унижения, как теперь, родина не несла никогда; даже татарское иго было легче ига Николая Кровавого. Мирных путей к освобождению у нас нет. Дума бессильна что-либо сделать, она в руках черносотенцев. Какие бы уступки нам ни обещал царь, мы не должны верить; кто поручится, что не повторится вероломство недавних лет. Только республика может обеспечить всем широкую свободу,—и мы добьемся ее, но не мирными переговорами, а общим восстанием. Мы много и долго терпели, но всякому терпению должен быть предел. Все поняли, что единственное средство стать свободными—революция. Войска подают сигнал к общей борьбе. Создаются революционные организации среди матросов и солдат. В Ташкенте вспыхивает военное восстание, подавленное лишь с большими усилиями. Правительство, чуя свою близкую гибель, снова свирепствует. Строятся новые тюрьмы, в каторгу ссылаются за участие в стачке, восставшим и взятым в плен солдатам и революционерам-матросам грозят виселицы. Трое матросов умерло под штыками во время допросов. Глухо ронцет голодная деревня, по стране прокатывается стачечная волна, все готовится к революции. Не время рассуждать о теоретических ничтожных вопросах, враждо-

вать из-за старых, полузабытых партийных счетов, все должны сплотиться для борьбы с преступным царским самодержавием. Надо создать единую организацию для единой борьбы. Мы признаем несправедливость всякого гнета человека над человеком, но видим необходимость сосредоточить все силы, чтобы свергнуть его, тяжелым ярмом нагнетавшим на Россию. Мы требуем созыва Учредительного Собора, учреждения Демократической Республики, конфискации помещичьих и удельных земель, 8-час. рабочего дня, неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов, печати, стачек. В свободной республике возможны будут широкие социальные преобразования — социализация фабрик и земель, роспуск постоянной армии и пр. Как совершить эти преобразования, поговорим в Учредительном Соборе. Наш путь к свободной России заграждает самодержавие — долой его! Для борьбы за свержение деспотического строя могут соединиться все революционеры, ибо всем равно ненавистен этот строй. 6-ть лет тому назад против раздробленных революционеров была выставлена единая сила черносотенцев, и революционеры были разбиты. Теперь правительство между собой — мы зовем к заключению Революционного Союза. Пусть повсюду организуются группы людей, преданных великому делу революции, пусть эти группы смыкаются в единое целое, пусть существующие революционные организации объединяются, пусть все запасаются оружием, ибо недалек час начала борьбы за свободу, и надо быть готовыми к этому часу. Близка революция. Торжественные гимны на царском празднике будут отходной самодержавию, скоро будет свергнуто трехсотлетнее его. Но не отдельным раздробленным партиям под силу совершить этот переворот, только единый союз всех борцов за свободу может выполнить эту задачу. Всех, кому дороги интересы народа, мы зовем к борьбе за лучшее будущее, за свободную Россию. Вперед, товарищи, на борьбу!

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВТОРАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

Учредительная группа Революционного Союза.

Приложение 12-е.

Тектографированное воззвание, отобранное в квартире ученика реального училища Черняева Владимира Яковлева.

К РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

«Товарищи! Уже 5-ть лет прошло со времени разгрома Первой Всероссийской Революции. За это время русская интеллигенция пережила глубокий душевный кризис и, погнавшись за духовным, внутренним совершенством, отшатнулась от политической борьбы. По пути, означенному веками, мы дошли до последней черты. Нельзя удовлетвориться одной внутренней работой, ибо человек — существо социальное, и высшее дело его жизни лежит не в его личной судьбе, но в социальных судьбах всего человечества. До боли ясно, что внутренняя, духовная свобода возможна лишь при существовании свободы внешней. Но какая речь о внешней свободе может быть теперь, когда и жизнь и мысль заключены в тесные, наперед установленные рамки, когда мы, рабы императора, всегда можем быть заключены в тюрьму и преданы смертной казни без всякого суда. Надо сломать эти рамки,

поставленные самодержавием и, созвав Учредительный Собор на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, учредить Демократическую Республику, безусловно обеспечивающую неприкосновенность личности, свободу совести, слова, собраний, печати, союзов. Конституционный образ правления не может никого удовлетворить уже потому, что мы ничем не гарантированы от повторения вероломства недавних лет. Сверх того, мы, убежденные противники милитаризма и капитализма, не можем довольствоваться строем, основой которого является деление международными представителями и монархом денежных сумм и армии, как главнейших и неотъемлемых государственных факторов. Надеяться на радикальное изменение законов путем парламентаризма невозможно, ибо Дума является лишь законосовещательным органом. Навью говорить о возможности легальной борьбы: всем памятен дни 9-го Января, 4-го Апреля и многие, многие другие. Путь возможен только один — и этот путь революционная борьба. Революция неизбежна. Борьба необходима.

Нельзя забывать, что в момент интеллигентского кризиса пролетариат и крестьянство не отвернулись от политической борьбы, но после минутного разочарования неуклонно продолжали к ней готовиться. За последние 4 года народное сознание революционизировалось неизмеримо более, чем за предшествовавшие 40 лет. И, всегда руководимые интеллигенцией в борьбе за свободу, недоуменно видят теперь и крестьяне и пролетарии, что те, кто раньше пламенно звали за собой во имя революции и свободы, теперь совершенно отшатнулись от них. Глухо ронцет голодная деревня, по всей стране прокатывается стачечная волна, — ни каторга, ни виселицы не могут остановить роста революционных организаций в армии и флоте. Готовится новый революционный взрыв, грозящий вылиться в хаотические, бессмысленно-кровавые формы. Необходимо приложить все силы, чтобы направить этот взрыв в разумное русло, чтоб не лилась напрасно братская кровь, но каждая жертва служила на пользу родине. Слены те, кто не хотят видеть грядущего гнева народного.

Но слишком памятна неудача, неразрывно связанные с именем старых партий, бесконечные и бесплодные фракционные распри. Эти партии представляли собой как бы секты с целостным, всеобъемлющим мировоззрением, и от каждого, входящего в состав партии, требовалась полная солидарность не только в политических вопросах, но и в делах веры. Но религиозно-философские воззрения русской интеллигенции дифференцировались бесконечно и не могут уже быть втиснуты в рамки, предоставляемые той или иной партией. Партии с.-д. и с.-р. являлись как бы представителями угнетенных классов пролетариата и крестьянства, но, расходясь в некоторых, сравнительно маловажных вопросах, не стремились внести единства в революционную борьбу, которая, вследствие этого велась всегда разрозненно. Необходимо создавать междоусловную организацию, не пренебрегая и воинствующей буржуазией; о всех мелких разногласиях будет время поговорить в Учредительном Соборе. Надо строить такую революционную организацию, которая смогла бы удовлетворить этому новому революционному сознанию. Отрицать возможность единства между угнетаемыми может лишь тот, кто по личным причинам не хочет и боится революции. Мы не видим никаких реальных причин, могущих воспрепятствовать соединению всех революционных партий и групп в тесный Революционный Союз. Революция в Португалии и Китае уже показали практическую подобность рода организаций. Мы признаем несправедливость всякого гнета человека над человеком, но видим необходимость сосредоточить все силы на борьбе с черным врагом всякого прогресса самодержавием. Во имя этой борьбы могут соединиться все революционеры. В свободной Республике возможны будут широкие социальные реформы (социализация фабрик, роспуск постоянной армии и др.), в ряду же своих непосредственных требований мы ставим

свободу стачек, 8-ми часовой рабочий день, конфискацию помещичьих и удельного ведомства земель. В недавние годы против раздробленных революционеров выступила единая сила черносотенного правительства и революция была подавлена. Теперь правительство обессилено отчаянной борьбой придворных партий, черносотенные партии свелись на нет; мы зовем к заключению Революционного Союза.

Мы обращаемся ко всем и всех зовем на борьбу с проклятым царским самодержавием, твердо веря, что наш призыв не останется без отклика. Пусть все, в ком не угасло человеческое достоинство, кто не может мириться с рабской долей, кто хочет не проводить время в бесплодных спорах, но помогать страдающему брату; все, кому дорога родина, кто хочет выступить на защиту угнетенного народа, объединяются, смыкаясь в группы и готовятся к великому часу близкой борьбы за свободу. Вперед, товарищи, на борьбу! Долой самодержавие! Да здравствует революция и демократическая Республика!

«Учредительная группа Революционного Союза».

Приложение 13-е.

Гектографированное воззвание, отобранное при обыске на квартире у Александра Маслова.

К ПОЛЬСКОМУ НАРОДУ.

Российское правительство совершило очередную подлость при содействии хамов из большинства 3-й Думы: решило ввести для польского населения некоторых уездов Люблинской и Седлецкой губерний ряд неслыханных и оскорбительных правоограничений. Русский народ непричастен к этому преступлению: ему нанесено не менее тягостное оскорбление, чем полякам.

Ведь господа обрусители показывают этой мерой, что область делается «русской», когда в ней вводят исключительные законы для «инородцев». Русский народ показал уже в 1905 году, что правительство наше с Николаем Романовым во главе кровный его враг. В настоящее время народные революционные организации начинают оправляться от ударов, нанесенных реакцией, и принимаются за подготовку нового освободительного движения. Разгром революции 1905 года многими научил русских революционеров. Их широким кругам становится ясно, что раздробленные, враждующие между собой из-за теоретических несогласий фракции представляют собою вредный тормаз движению. Наша организация стремится ответить этому новому революционному сознанию и объединить всех революционеров России для борьбы за ниспровержение существующего строя и учреждение Демократической Республики. Для польского народа нет никакой надежды на улучшение будущего вне революции. От преемников Муравьева не дожидаться внимания к нуждам поляков. Но революция в одной Польше (как то показали героические попытки 1830 г. и 1864 г.) не может рассчитывать на успех. Если вы хотите, чтобы повторение издевательств, подобных отделению Холмщины, стало невозможным, вам следует употребить все силы на подготовку революции в союзе с русскими революционерами. Мы зовем вас строить революционную организацию и предлагаем вам союз для борьбы за лучшее будущее — за свободную республику. Объединенные революционной идеей народы представляют собой силу непреодолимую. Режим неумолимого, подлого угнетения не сможет бороться с союзом тех, кого он ватравляет друг на друга. У нас нет повода для вражды, мы угнетены,

как и вы, враг у нас общий. Будем же совместно работать над разрушением самодержавия Романовых. Ход исторических событий предсказывает нам победу, враги наши обречены на гибель, вопрос только времени. Заключим союз под знаменем подготовки Второй Всероссийской Революции.

Долой самодержавие!

Да здравствует свободная Польша!

Учредительная группа Революционного Союза».

Приложение 14-е.

Воззвание, отобранное при обыске на квартире у воспитанника реального училища Черняева Александра Степановича Маслова.

К КРЕСТЬЯНАМ.

«Плохо, братья, нам живется. Земли нет совсем, вся она разграблена помещиками и сановными людьми, а мы у них работаем батраками, как рабы. Работаете день-деньской и еле-еле сыт. В убогой живете избе, а рядом баре дармоедствуют в роскошных дворцах да на наши трудовые деньги развратничают.

Что ни год, то из каждой деревни сыновей силой гонят в солдаты, а семьи остаются без кормильцев. Отечество, мол, спасать надо. А ведь как войны затеваются. Какой-нибудь царь поссорится с нашим царем и посылают они друг на друга наших ни в чем неповинных братьев, льется крестьянская кровь. Сам народ никогда один на другой войной не пойдет, каждому в родной земле лучше. А попы в церквях одобряют наборы, они забывают великий завет Христа «не убий». Налогами одолели, за все берут подати, сил нет платить особенно в неурожайный год. Теперь разорили 14-ть губерний, — там крестьяне с голода пухнут, как мухи мрут, скот пал, а правителям нашим хоть бы что, попрежнему недоимки вытягивают. Так что же, ужели так всегда и будет? Крестьянин будет бедствовать, а баре пировать? Да над нашим горем смеяться? Правители наши, князья да вельможи, сосут нашу кровь, изнуляют нас непосильной работой. На Думу надежда плоха: там крестьян не слушают, а что баре захотят, то и делают. Надеялись мы раньше на царя, а теперь мы видим, что от него много нам горя идет. Думали мы раньше, что он не знает, как народ бедствует. Теперь видим, что он знает, а помочь не хочет. 7 лет тому назад приказал царь прийти рабочим на площадь перед дворцом, поговорить с ними обещал. А как рабочие пришли, так царь их вместо ласкового слова пулями встретил: сотни народа полегли безвинно. На коленях просили царя о земле, а он в лицо смеялся. Зато, когда с оружием в руках требовать стали, испугался, издал указ, чтобы народу земля была. А потом свой указ обратно взял: никогда, мол, такого и не было. И остались мы голодать по-старому. Кто и хотел бы всей душой народу помочь, так царь приказывает тех по тюрьмам сажать да вешать. Только у нас и есть надежда на себя. За святое дело помирять не страшно, грудью свою правду защищать надо, а мы по кабакам пропиваемся да разгульничаем. Бросить все это пора, о деле пора подумать. Надо, чтоб не куражились над нашей бедностью баре. Надо, чтоб не царь с богачами землей правил, а народ. Чтоб мы сами имели земли достаточно. Чтoб не гоняли нас в солдаты, избавили нас от убийства, которое они войной называют. Но просьбами нам ничего не добиться, а как

соберемся мы, да пойдем всей несметной силой в города к правителям и царю, да потребуем земли и воли, тогда и на нашей улице праздник будет. Надо всем сразу подняться, а то вразброд не выйдет ничего. Кто думает согласно с нами, те соединились в одно и назвались Революционным Союзом. Коль вы хотите работать с нами, говорите каждый в своей деревне, подымайте народ на великую битву за Землю и Волю. Только нам надо крепко друг за друга держаться, не продавать брата за бутылку водки, не грызться между собой по пустякам, а то мы этим все дело погубим и себя опять в рабство обратим. А коль будем стойко за правду стоять, как почуем в себе силу, поднимемся мы все вместе, тогда никто против нас выстоять не сможет и завоюем мы и Волю и Землю. Долой царя и бар!

Нам нужно Земли и Воли!

Учредительная группа Революционного Союза.

ЕЩЕ О «ВИТМЕРОВЦАХ».

В отдельной статье я уже осветил в общих чертах задачи и характер Петербургской межученической организации 1911—12 г. г.

Теперь архивная справка Юр. Новина «О витмеровцах» и частично статья Г. Закса «Семен Рошаль в подпольи» вызывают необходимость целого ряда новых дополнений и разъяснений.

Как теперь выясняется, департамент полиции так до конца и не смог точно установить, что собою представляла Петербургская межученическая организация. Чины полиции, разбিরавшие документы, отобранные у гимназистов при аресте 9-го декабря 1912 года, были сбиты с толку обилием самого разнообразного и часто противоречивого материала. В самом деле, на-ряду с политическими прокламациями мы можем найти здесь статьи, резко направленные против политики (приложение № 8 к справке Юр. Новина), на-ряду с документами, говорящими о межученической организации, имеются документы, подписанные «Учредительная группа Революционного Союза». И полиция готова была смешать все это в одно целое, путаясь в то же время, что же это целое собою представляет?

Чтобы внести в это дело ясность, нужно прежде всего совершенно особо выделить «Учредительную группу Революционного Союза».

«Революционный Союз» — это совершенно самостоятельная организация, ни в какой организационной связи с межученической организацией не состоявшая. Связь была только персональная. Некоторые активные члены межученической организации, как-то: Сергей Дианин,

Сергей Добровольский и Владимир Пруссак являлись членами и основателями «Революционного Союза».

Задачей «Революционного Союза» являлось объединение всех партий, состоящих левее кадетов на почве совместной активной борьбы с самодержавием. «Врозь идти, вместе бить», — таков был лозунг «Революционного Союза». «Надо сперва покончить с самодержавием — говорил мне неоднократно В. Пруссак, — а потом мы уже будем говорить, что делать дальше».

В «Революционный Союз» охотно шли эс-эры, анархисты и все те революционно настроенные юноши, которые не могли еще разобраться в программах существующих революционных партий.

Тактические вопросы «Союзом» разрешались довольно сумбурно. В этом отношении, мне кажется, для самих членов «Союза» многое было неясным. Помню, например, как «хитроумно» разрешил «Союз» вопрос о терроре.

Принципиально «Союз», чтобы привлечь на свою сторону социал-демократов, террор, как средство борьбы, отрицал, но в то же время для эс-эров делалась такая «лазейка»: группа членов «Союза», замыслившая террористический акт, могла временно выступить из «Союза», а потом, по окончании своего дела опять вступить в него.

Таким образом, «Союз» пытался примирить непримиримое.

Однако, социал-демократы шли в «Союз» туго. По крайней мере, в нашей межученической организации, которой прежде всего пришлось столкнуться с «Союзом», не только наша большевистская фракция (в составе меня и студента Кантора) относилась отрицательно к «Союзу», но и из меньшевиков лишь немногие вступили в него.

«Революционный Союз» образовался значительно позднее межученической организации. В то время, как межученическая организация ведет свое существование с 1911 года, «Революционный Союз» возник летом или даже, пожалуй, осенью 1912 года.

Серьезного влияния на межученическую организацию «Революционный Союз» не имел. Это в значительной степени объясняется тем, что члены организации, вступившие в «Союз», несколько отошли от работы в организации и уже значительно меньше интересовались ею. Помню, как В. Пруссак на мой прямой вопрос, почему он уже который раз

пропускает заседание комитета, заявил: «Мне не до учеников. Надо организовывать рабочие массы».

Впрочем, в последнюю минуту «Союз» решил организационно привлечь на свою сторону межученическую организацию. С этой целью Вл. Пруссак и пришел на общее собрание 9-го декабря 1912 года в гимназию О. К. Витмер. Но, увы, собрание, которое должно было бы быть чрезвычайно интересным, так как на нем должны были решительным образом столкнуться различные течения организации, оказалось оцепленным полицией и арестовано. И вместо прений по организационным вопросам, на сцену выплыли невинный Надсон и реферат «О воспитании и наследственности».

Теперь перейду непосредственно к межученической организации.

В архивной справке Юр. Новина указано, что межученическая организация была создана кружком имени Л. Н. Толстого. На самом деле это не так было. Организация 1911 — 12 г.г. имеет прямую преемственную связь со средне-школьной организацией 1906 — 09 г.г. Многие ее основатели, как-то: Сергей Дианин, Владимир Городецкий, Шкапские, были активными работниками и старой организации. И в свою очередь, будучи разгромленной, организация дала жизнь новой организации, одним из руководителей которой явился будущий кронштадтский трибун Соломон Рошаль.

Кружок имени Л. Н. Толстого, руководителями которого являлись Иван Михайлович Андреевский и Алексей Королев, был одним из тех рядовых ученических кружков, которые входили в состав межученической организации. Объединял он по преимуществу учеников 6-го класса Введенской гимназии. Этот кружок был одним из наиболее умеренных. Представители его на заседаниях комитета постоянно ратовали за усиление просветительной работы и восставали против «политики». Такие же взгляды проводил кружок и на страницах своего органа «Газета С. П. В. Г.» («Газета Санкт-Петербургской Введенской Гимназии»). Например, в статье «К политикам» (приложение № 8 к справке) автор пишет: «Мы хотим знаний, а нас кормят политикой. Мы ждали организацию самообразования, а нам дали социал-демократическую».

Впрочем, такие мнения в общей гимназической среде были единичными. Организация, как таковая, никогда

не отворачивалась от политических вопросов, а, наоборот, всегда выдвигала их на первое место. Без политики невозможно серьезное самообразование.

И приведенная статья, я помню, была очень неодобрительно встречена ученической массой, даже и не работавшей активно в организации.

Заканчивая о кружке имени Л. Н. Толстого, нужно сказать, что Королев, после ареста и эмиграции за границу, застрелился в 1913 году в Женеве, а Андреевский в настоящее время проживает в Ленинграде. Он оставлен в университете по русской литературе.

Кроме «Кружка имени Л. Н. Толстого», в Введенской гимназии существовал еще «Кружок учеников 7-го (впоследствии 8-го) класса» и группа журнала «Недотыкомка». «Кружок учеников 7-го класса» организовали мы с В. Пруссаком. В состав его входил и наш одноклассник Коля Сергеев, неожиданное самоубийство которого впоследствии наделало много шума.

Сергеев был богато одаренным, но страшно нервным юношей. По взглядам он примыкал к социал-демократам. От кружка 7-го класса он осенью 1912 года был выбран в комитет межученической организации, где, проработав некоторое время, был избран председателем комитета.

Смерть его до сих пор представляет собою неразрешимую загадку. Несомненно, что условиями школьной жизни он был предрасположен к такому трагическому концу, но что явилось поводом, что толкнуло его на этот шаг, до сих пор непонятно.

Похороны Коли Сергеева превратились в настоящую демонстрацию. К выносу тела собрались почти все видные работники межученической организации и товарищи покойного. От комитета организации на гроб был возложен венок с красными лентами и надписью: «Дорогому товарищу, замученному средней школой». Впоследствии эта надпись дала некоторым газетам возможность утверждать, что в Введенской гимназии существовал «кружок замученных средней школой». Это неверно. Никакого такого кружка в Введенской гимназии не было.

Появление венка с такой надписью произвело переполох среди гимназического начальства. Законоучитель гимназии Гурьев и еще один из педагогов утащили венок куда-то

в другую комнату, и, когда венок вернулся обратно, криминальной лентой и надписи на нем уже не было.

Этот факт страшно возмутил всех присутствовавших здесь членов организации. Сейчас же был произведен между собой новый сбор средств, и два члена комитета помчались заказывать другую ленту того же самого содержания.

Я полагал, что эта затея заранее обречена на неудачу, в такой короткий срок невозможно было приготовить новую ленту, однако, когда гроб уже следовал по улицам, посланные вернулись, и новая лента появилась на месте старой. Это было сделано так незаметно и ловко, что гимназическое начальство только на кладбище заметило ее присутствие. С ахами и охами лента опять, уже на глазах всех присутствующих, была срезана. Когда гроб опустили в могилу, Ваня Андреевский пытался было взять слово, но какой-то тип в штатском, с физиономией шпика, решительно набросился на него с криками и требованиями, чтоб «он не смел расстраивать родителей покойного (!)».

Смерть Коли Сергеева произвела на всех членов межученической организации чрезвычайно тяжелое впечатление. Случай на похоронах еще более возбудил ненависть к царскому режиму и его слугам. Многие жалели, что активно не выступили тогда в защиту ленты венка. Воображению рисовались картины избиения педагогов и чуть ли не вооруженного восстания. Кое-кто поговаривал о терроре. В. Прусак предложил устроить широкую уличную демонстрацию с привлечением рабочих масс.

Всем хотелось активного выступления, борьбы и крови. Будничная организационная работа как-то потеряла сразу весь свой интерес.

Если бы в этот момент неожиданно грянула революция, все, как один, с величайшим энтузиазмом и счастьем пошли бы в бой на баррикады.

Но, увы! То была пора безвременья, пора мрачной реакции.

И было решено на девятый день после похорон Коли Сергеева устроить на его могиле гражданскую панихиду, а потом с пением революционных песен пройти по улицам. На эту демонстрацию предполагалось привлечь как можно больше учащихся. Поэтому организация и целый ряд кружков, входивших в ее состав, выпустили соответствующие воззвания.

Повидимому, некоторые из этих воззваний, распространившихся, кстати сказать, без особой конспирации, попали в руки охранки, так как, когда мы 17-го ноября пришли к Смоленскому кладбищу, оно оказалось оцепленным полицией. Некоторым из нас все-таки удалось проникнуть за ограду, но, когда мы подошли к могиле Сергеева, оказалось, что она также прочно занята городовыми. «Лучше уходите по добру — по здорову! — добродушно сказал нам один из них, — а то мы вас всех оцепим и перепишем».

Так как учащихся собралось довольно много, то мы решили по крайней мере выполнить вторую часть программы и, выстроившись на улице, двинулись от кладбища с пением «Вы жертвою пали». Как это ни странно, но никто нас не тронул, городовые спокойно стояли на своих постах, и мы довольно долго шли по улицам, пока, наконец, наступившая темнота не заставила нас прекратить движение и кучками разойтись в разные стороны по домам.

Помню, в одном месте, когда мы шли и пели, какой-то рабочий остановился, глядя на нас, и смеясь сказал:

— Что, никак и школьники выступили?

— Почему вы, рабочие, нас не поддерживаете? — обратились к нему некоторые из нас.

— Что же, — серьезно сказал он, — если бы была бумажка, подписанная «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия», мы бы выступили.

Относительный успех демонстрации и то, что она прошла без всяких жертв, влил в нас бодрость и силу, и мы смогли опять приняться за работу.

В архивной справке неверно указано, что после смерти Н. Сергеева центральной фигурой в «Введенском ученическом кружке» сделался В. Пруссак.

Если здесь говорится о «кружке учеников 7-го класса» (в это время уже 8-го класса), то руководителями его и при жизни Сергеева были Пруссак и я. Нами же Сергеев и был вовлечен в работу кружка, а затем и организации. Однако, в это время, о котором идет речь, Пруссак с головой ушел в работу «Революционного Союза» и ни в «Введенском» кружке, ни в организации почти никакого участия не принимал. Председателем межученической организации после смерти Сергеева был избран Евгений Пятницкий (теперь коммунист, ответственный работник Туркестана).

Далее в архивной справке говорится: «Ему (Пруссак), действительно помогали в печатании журнала кружка и листов гимназисты той же гимназии Борис Михайлович Васильев и Александр Евгеньевич Кудашев (родом князь). Б. Васильев был деятельным помощником Сергеева».

Прежде всего Васильева звали не Борис Михайлович, а Юрий Матвеевич. Затем «кружок учеников 7-го класса» своего журнала не имел, равно как не имела его и межученическая организация. Выходил у нас в Введенской гимназии журнал «Недотыкомка», который редактировали мы, совместно с Васильевым и Пруссак, но этот журнал имел совершенно самостоятельное существование. Основателем его был, если не ошибаюсь, Васильев.

Мы с Пруссак, как я об этом в отдельной статье писал уже, значительно позднее вступили в состав редакционной коллегии.

Кудашев никакого отношения ни к кружку, ни к журналу, ни к межученической организации не имел. О нем я слышал мельком от Пруссака, который собирался привлечь его к революционной работе. Удалось ли ему что-нибудь сделать в этом отношении, я так и не знаю.

Неверно, что Васильев был деятельным помощником Сергеева. Насколько я помню, им вообще не приходилось сталкиваться в работе. Сергеев не работал в «Недотыкомке», Васильев не входил в кружок учеников 7-го класса, где работал Сергеев. Когда Васильев активно работал в межученической организации, Сергеев еще вообще не был привлечен к революционной работе, а когда Сергеев сделался членом комитета и впоследствии председателем межученической организации, Васильев несколько отошел от работы в ней. Нужно вообще сказать, что Сергеев, хотя и был ценен и любим всеми членами организации, но отнюдь не пользовался таким авторитетом, как Васильев и некоторые другие члены комитета.

Далее архивная справка устанавливает чрезвычайно интересный факт. Полиция, повидимому, так и не догадалась, что во время ареста организации, 9-го декабря, чтение рефератов было специально инсценировано с целью сбить ее с толку. Еще раз подтверждаю — общее собрание было созвано с целью пересмотреть основные вопросы организации и наметить дальнейшие вехи работы. Не до Надсона

было нам в то время. И Надсон всплыл на сцену лишь в последнюю минуту, когда пришлось давать ответ полиции, для чего же мы собрались.

Неправильно указание в справке, что из собравшихся было арестовано только 9 человек, и то на следующий день все они были освобождены. Некоторые, в том числе Пруссак, сидели несколько дней, а Андреевский так даже больше месяца. И остальным пришлось пробыть под арестом около 7—8 часов, пока полиция разбирала документы и учиняла допрос.

Из числа документов, которые были отобраны при аресте и которые приложены к архивной справке, некоторые нуждаются в особых пояснениях.

Записка на клочке бумаги, подписанная Ю. (приложение 2-е), принадлежит Юре Васильеву. Он зачастую в целях конспирации подписывался одной буквой. «Портрет Коли» — это, несомненно, портрет Коли Сергеева, который в то время был переснят одним из наших членов и раздавался товарищам и соратникам покойного.

Письмо Ксане Дмитренко, подписанное «Ваня», принадлежит Ване Андреевскому. Написано оно было вот по какому поводу.

Ваня Андреевский вообще был чрезвычайно интересной и колоритной фигурой в организации. Большой поклонник Толстого и Достоевского, он воспринял от них полуанархическое, полухристианское мировоззрение, окутанное дымкой некоторого пуританства, и я бы сказал, подвижничества. Больной (он эпилептик), с добрыми, но умеющими зажигаться фанатическим огнем глазами, длинный и несуразный, он был признанным вождем своего кружка, некоторые представители которого являлись настоящими его апостолами. Они постоянно поддерживали его, какие бы удивительные и порой сумбурные мнения он ни высказывал. А договаривался он иногда, действительно, до странных вещей. Он активно боролся против «политики» в организации, но один раз он удивил всех нас еще больше. Придя как-то на собрание комитета с некоторыми из своих «последователей», он предложил не много, не мало, как исключить из организации женский элемент. Когда его попросили мотивировать это странное предложение, он заявил, что участие женщин в организации, якобы, мешает работе, порождает атмосферу недостаточной серьезности и даже приводит к флирту. Так

как Ваня не был человеком отсталых взглядов и ретроградом, то его предложение, повидимому, приходится объяснить общим пуританским складом его характера и склонности решительно разрубать всякий гордиев узел, хотя бы при этом наносился удар по живому человеческому телу.

Конечно, его предложение без прений было единогласно отвергнуто.

Письмо Ксане Дмитренко написано на ту же самую тему, о так называемом «женском элементе». И как человек больной и неуравновешенный, защищая свою дикую и нелепую точку зрения, Ваня доходит до утверждения явно абсурдного характера. Он пишет: «Я говорю о той чувственной любви, которая так часто проявляется в кружках. Я лично знаю человек 5, которые влюблены в ваше тело».

Все это, от первого до последнего слова, вздор. Ни о какой чувственной любви в наших кружках, конечно, не могло быть и речи.

Наоборот, чем тогда грешила наша молодежь, так это излишней суровостью и пуританством. Помню, один из членов нашей организации, Бакрылов, по идейным соображениям ушел из последнего класса реального училища Чернышева и не взял себе никаких документов, не желая получать привилегии, связанные с образованием, так как простой крестьянин их не имеет. Впоследствии Бакрылов был судим совместно с Пруссаксом по делу «Революционного Союза» и сослан в Сибирь на вечное поселение. В Сибири он сошелся с эс-эрами и был одно время секретарем «бабушки» Екатерины Брейшковой. Приехав из ссылки после Февральской революции 1917 года, он определился как большевик, принимал активное участие в событиях и занимал ответственные посты и в 1922 году по неизвестной причине покончил с собой, бросившись в Неву с Троицкого моста.

Другой член организации, арестованный также с нами 9-го декабря 1912 года, Александр Романов, приходи ко мне, всегда горячо упрекал меня за мягкую мебель, говоря, что надо отказаться от этих «буржуазных привычек». Он звал к «опрощению» и говорил, что лишь тот может прямо смотреть мужику в глаза, кто так же, как и он, ест черный хлеб и спит на голых досках.

Уехав за границу, я потерял Романова из виду и, что с ним сейчас, не знаю.

Оксана Дмитренко, которой Ваня написал свое письмо, в то время была милой, скромной и хорошенькой девушкой. Теперь она отошла от революционной работы.

Письмо Вани сыграло прискорбную роль, попав при аресте в руки полиции. При запросе по поводу «Витмеровской истории» в Государственной Думе оно было оглашено правым депутатом Марковым 2-м с трибуны и дало ему повод нагло утверждать, что в организации систематически развращали девушек.

Далее, в приложении 9-м и справке Юр. Новина приводятся выдержки из отобранного при обыске номера «Газеты С. П. В. Г.». Одна статья подписана Т. С. Ф. это—Ваня Андреевский. Он зачастую подписывал так статьи. Другая подписана К.—это Королев.

Переходя теперь к статье Гр. Закса «Семен Рошаль в подполье», нужно прежде всего отметить неправильное утверждение автора, что Леонид Витмер был душой нашего дела. Название «витмеровцы» приклеилось к нам совершенно случайно, по месту нашего ареста.

Собрания комитета и так называемые общие собрания организации происходили в самых разнообразных местах и раза два по предложению Леонида Витмера в частной гимназии его матери, О. К. Витмер, во внеурочное, конечно, время. Сама О. К. Витмер всегда была свободомыслящей и передовой женщиной и потому охотно предоставляла нам помещение своей гимназии. Там нас и арестовали.

Леонид Борисович Витмер был сравнительно молодым членом нашей организации. В организации привлек его я вот при каких обстоятельствах. Как-то, рассказывая о делах организации товарищу брата студенту и большевику Голикову, я пожаловался на то, что в нашей организации фракция большевиков слишком малочисленна.

— Не знаете ли вы какого-нибудь гимназиста, хотя бы просто марксистских взглядов?

— Постойте-ка,—воскликнул он,—да у меня как раз есть то, что вам нужно. Гимназист и большевик. И он дал мне адрес Леонида Витмера.

На другой же день я отправился знакомиться со своим сотоварищем, но, увы, он меня разочаровал с первых же своих слов.

— Да, я, действительно, был социал-демократом,—сказал он,—но теперь я склоняюсь к анархистам.

А анархистов, нужно сказать, у нас и без того было более чем достаточно. Однако, поговорив с Витмером подробнее, я убедился, что он развитой и неглупый парень, кроме того, он учился в гимназии Мая, с которой у нас еще не было связи, и я пригласил его на ближайшее заседание комитета. Спустя некоторое время Витмер втянулся в работу организации и был хорошим рядовым членом комитета. Сейчас его уже нет на свете. В конце 1914 года он был убит на немецком фронте.

Неправильно также утверждение, что наша межученическая организация никаких политических целей не преследовала. Это опровергается и всем предыдущим моим изложением и документами, приводимыми архивной справкой Юр. Новина. Организация не только вела политическую пропаганду (каждой фракции в этом отношении предоставлялась полная свобода), но и ставила своей задачей борьбу с царским режимом за свободную школу в свободной России. Организация подготовила целый ряд революционных работников, которые приняли активное участие в революции 1917 года и одним из которых, мученически погибшим, был Соломон Рошаль, любимец и вожь кронштадтских матросов.

* * *

Весною 1914 года я жил в Женеве и был членом местной русской социал-демократической большевистской группы.

В те дни на один день приезжал в Женеву тов. Ленин для доклада по национальному вопросу на собрании эмигрантских групп.

Перед собранием т. Ленин был в гостях у Карпинских, где сидел и я. Тов. Карпинский представил меня ему:

— Позвольте, Владимир Ильич, представить вам нашего молодого товарища Ильина. Он «витмеровец» и недавно приехал из России.

Я растерянно пожал протянутую мне широкую и крепкую руку, и только приветливая и ясная улыбка, которая озарила лицо Ильича, заставила и меня улыбнуться.

— А, так вы «витмеровец»!—воскликнул Владимир Ильич,—ну, рассказывайте, что это была за организация, а то газеты слишком противоречиво пишут о ней.

Я начал рассказывать, Ленин со вниманием и интересом слушал меня. Дело «витмеровцев» его действительно серьезно интересовало.

В петербургском ежемесячном общественно-политическом и литературном журнале марксистского направления «Просвещение» ¹⁾ за 1913 год тов. Ленин откликнулся на «витмеровское» дело в своей статье «Возрастающее несоответствие».

Александр Ильин-Женевский

ПЕТЕРГОФСКИЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ УЧЕНИЧЕСКИЙ КРУЖОК.

(Воспоминания ¹⁾).

I. Возникновение кружка.

В 1915 году мы были учениками 8-го класса петергофских гимназий (мужской и женской). Преподавателем истории и русского языка в наших классах, как мы узнали позже, был старый большевик Константин Сигизмундович Жарновецкий. Он оказывал большое революционное влияние на учащуюся молодежь; его уроки считались любимыми. Особенно удачно шла его педагогическая работа в 8-м классе женской гимназии, где было всего 12 учениц, а потому влияние преподавателя было особенно сильное. Этот класс т. Жарновецкому удалось настолько завоевать, что учащиеся стали собираться в школе даже в воскресные дни для заслушивания и разбора рефератов. Из этого класса т. Жарновецкий и выделил пять человек в социал-демократический кружок. В организации кружка участвовала, беспартийная в то время, преподавательница естествознания О. Е. Юргенс.

Для отвлечения внимания администрации школ и полиции решено было дать кружку открытое название «литературного» и, таким образом, обеспечить себе возможность легально собираться. В те же времена в передовых либеральных школах литературные кружки организовывались, а потому под этой

¹⁾ № 4, апрель, 1913 г., стр. 70—73, глава X статьи этой (окончание), подписанной «В. Ильин» (литературный псевдоним В. И. Ульянова-Ленина).

¹⁾ Эти воспоминания коллективные—написаны Е. А. Моникайнен, Н. А. Отроженновым и В. Д. Гришаниным,—все ныне активные члены Р.К.П.(б).

фирмой могли работать и мы. Говорить же о кружке, даже как о литературном, мы стремились возможно меньше.

Первое собрание кружка состоялось 11-го октября 1915 года на даче Юргенс, принадлежавшей родителям О. Е. Юргенс, где жила и она; там мы постоянно собирались и в дальнейшем. Место это было наиболее удобным, — дача была в трех верстах от Петергофа, стояла особняком на безлюдном поле, как мы называли — «на кошачьих хуторах». На ближайшие же собрания К. С. Жарновецким были приведены несколько учеников мужской гимназии. Количество членов кружка продолжало расти до весны 1916 года. Члены его черпались из состава учеников Константина Сигизмундовича, за исключением одного, рабочего дворцовых мастерских, работавшего с Жарновецким в кооперации. В кружок мы принимали при наличии твердых рекомендаций нескольких членов кружка при тщательном обсуждении кандидатуры вступающего. Членский ежемесячный взнос был установлен в размере 50 коп., на эти суммы покупали литературу.

К весне 1916 года состав кружка стал постоянным.

В него входили: 1) преподаватели — К. С. Жарновецкий (руководитель) и Ольга Е. Юргенс, 2) учащиеся — Г. Г. Алексеев, С. Р. Андреева, В. Д. Гришанин, С. В. Дашкевич, Л. А. Корейш, Е. А. Ла-Никка, М. Ф. Левашева, Мария. Ник. Мино, Елена Анис. Моникайнен, Николай А. Отрожденнов, Антонина Ив. Стружкова и 3) рабочий А. Н. Бовыкин.

Тов. Юргенс, кроме обычных обязанностей члена кружка, несла организационную работу по созыву собраний, приобретения литературы и т. п.

Хотя почти все члены кружка были учащимися, но по социальному происхождению членов кружка состав его был разношерстный: дети служащих, учителей, врача, крестьян, рабочих. В кружок, естественно, рядом с товарищами, которые шли всерьез и хотели быть в партии и работать, были и просто выдававшиеся тем или иным из числа учеников в классе товарищи, но индивидуальность которых не вполне гармонировала с прямолинейно-революционными коллективистическими устремлениями других.

Часть их пришла в кружок в поисках конспиративной таинственности, в поисках некоторого осмысления своего существования, в расчетах разрешить муки философских ницшеанско-шопенгауэровских настроений.

Эта часть (Сергей Дашкевич, Герман Алексеев¹⁾ С. Р. Андреева, М. Ф. Левашева) в кружке работала много меньше других и от партии и революции, естественно, или временно, или навсегда потом отошла.

Они пытались внести в работу кружка обстановку самоанализа²⁾, и разрешения половых проблем и прочей дребедени. Кружок на это не пошел и на своих заседаниях этим мотивам места не давал. Из числа этих товарищей в партии остались лишь А. И. Стружкова.

II. Работа кружка.

Кружок собирался раз в неделю по субботам. Каждой субботы мы ожидали с нетерпением и после окончания уроков в гимназии спешили за город, на дачу Юргенс. Там, поджидая друг друга, толковали обо всем, начиная от гимназических впечатлений и кончая философскими и политическими темами. Ожидали прихода Константина Сигизмундовича Жарновецкого, и когда он приходил, приступали к занятиям.

На первом заседании кружка К. С. Жарновецким был сделан вводный доклад о капитализме, этот доклад определил дальнейшую работу кружка. Одними из первых рефератов были: «Для чего надо заниматься политикой», «О войне» и другие на злободневные темы. В дальнейшем установилась более определенная программа. Проходили утопический социализм по следующим темам: «Роберт Оуэн», «Сен-Симон», «Фурье», читали брошюру Ф. Энгельса — «От утопии

¹⁾ Не согласна насчет определения вхождения в ученический кружок Г. Алексеева. От партии Алексеев отошел, но не от революции, — он был на гражданском фронте и работал в армии до последнего времени.

А. Стружкова.

²⁾ Самоанализом и прочей ерундой занимались в нашем кружке почти все, за исключением Елены Моникайнен, Николая Отрожденнова и К. С. Жарновецкого. Думаю, что в этом — самоанализе — первую скрипку играла О. Е. Юргенс, которая имела очень большое влияние на нас, членов кружка, тогда еще ребят. На заседаниях кружка мы этих вопросов не обсуждали, но по окончании заседаний, вечером, достаточно много и долго толковали над разрешением этих проблем, в которых горячее участие принимали, помимо указанных выше — в воспоминаниях, и О. Е. Юргенс, и В. Д. Гришанин, и М. Н. Мино.

Выправка же кружка произошла сама собой, главным образом, под влиянием жизни, а не усилиями двух-трех товарищей. Самыми выдержанными товарищами, из числа членов кружка, как раньше, так и теперь я считаю т. Е. А. Моникайнен.

Антонина Стружкова.

к науке», затем перешли к изучению политической экономии по пособиям: 1) Ю. Мархлевский—«Что такое политическая экономия?», 2) К. Каутский—«Эрфуртская программа», 3) А. Богданов «Краткий курс экономической науки».

На-ряду с политическими рефератами обычно заслушивался и реферат на литературную тему, которая всегда была связана с социально-политическими вопросами и превращалась в политическую тему. Разбирали рассказы Максима Горького, произведения Льва Толстого («Воскресенье» и другие в связи с толстовским направлением), пьесы З. Гиппиус: «Красные маки» и «Зеленое кольцо», затем «Машина времени»—Герберта Уэллса и др.

Занятия велись по рефератной системе. К. С. Жарновецкий умело руководил кружком, благодаря чему мы активно работали, рефераты брали охотно, часто сами выдвигали темы. Прения по рефератам носили очень оживленный, иногда почти ожесточенный характер. После занятий пели революционные песни и расходились либо под ночь, либо под утро.—Часто К. С. Жарновецкий делился своими впечатлениями о политической борьбе в 1905 году, демонстрациях, стачках и пр.

К. С. Жарновецкий руководил и нашим чтением марксистской литературы, рекомендуя книги, которые доставали он и О. Е. Юргенс. Мы читали тогда: «Коммунистический манифест», Тун — «Революционное движение в России», А. Бебель—«Женщина и социализм» и мелкие брошюры.

Осенью 1916 года, когда почти все члены кружка стали студентами, кружок задался целью подвергнуть своему влиянию учащуюся молодежь петергофской гимназии и для этого были созданы один, а через некоторое время второй кружок, в которых работа велась членами нашего кружка.

В первом молодом кружке было 12 человек, во-втором— 6 человек. Часть из них вскоре «отвалилась», но остальные все же продолжали работу и в годы революции вступили в партию. Это были товарищи из одного кружка: 1) Веденев, Николай, 2) Отрожденнов, Степан, 3) Зимица, Мария, 4) Данилевич, Мария, 5) Ла-Никка, Сергей, из другого кружка: 1) Дашкевич, Вера, 2) Шумаев, Федор, 3) Мино, Ольга, и 4) Юргенс, Андрей.

Наш основной кружок все более и более приводил нас к необходимости политической работы в массах. Мы рвались к работе и толкались в местном кооперативе, где иногда

помогали Юргенс и Жарновецкому. Перед Февральской революцией некоторые члены кружка получили работу в воскресных школах в Петрограде.

В конце 1916 года членами кружка—студентами была установлена связь с социал-демократическими ячейками Психоневрологического института и Петроградского университета. В это время мы распространяли в Петрограде большевистскую литературу («Вокруг Циммервальда»—Скопина, «Крушение Интернационала»—Каменева, другие брошюры и листовки), получавшуюся частью от П. В. Дашкевича, частью от ячейки Р.С.-Д.Р.П. (б) Психоневрологического института.

Февральскую революцию члены кружка провели в Петрограде, в уличных демонстрациях или на студенческих митингах. В дни Февральской революции вся активная часть членов кружка приступила к работе среди солдат на питательных пунктах в Петрограде, а затем в Петергофе, где пункт был организован нашими силами в помещении кооператива и где мы вели чтение газет с разъяснениями, а также различные беседы. Вскоре мы отвоевали одно из дворцовых помещений под клуб большевиков. В клубе организовали библиотеку, читальню, зал для собраний, книжный киоск и бюро труда. Сразу же было организовано регулярное снабжение солдат большевистской литературой. В этом клубе ежедневно проходило несколько сот солдат на докладах в читальне и библиотеке. Вся работа в клубе велась членами нашего кружка (в придворном городе Петергофе солдаты являлись единственной массой, над которой можно было работать).

Из старых членов партии с нами работали: К. С. Жарновецкий, П. Дашкевич и А. Круссер, примкнувший к нам из воинской части. После Февральской революции кружок перестал собираться, как кружок. Мы окунулись в кипучую жизнь нашего партийного клуба и в партийную работу по городу и уезду.

III. Возникновение Петергофской организации Р.С.-Д.Р.П. (б).

Одновременно с существованием нашего кружка существовал нелегальный большевистский кружок в 3-м запасном полку под руководством члена Р.С.-Д.Р.П. (б) Круссера, А. С. (убитого на южном фронте во время гражданской войны).

В середине марта 1917 года в Петергофе состоялось собрание всех с.-д. (фактических членов и причисляющих себя к ним), на котором разбирались вопросы: отношение к Временному Правительству, к войне, аграрный вопрос и организационный вопрос. Докладчиком по организационному вопросу был К. С. Жарновецкий. Это собрание имело для Петергофской организации историческое значение. На этом собрании произошел раскол между большевистской и меньшевистской частями собрания. Абсолютное большинство присоединилось к большевикам и постановило связаться с Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. (б). Два кружка (наш военный) нашли здесь друг друга. Вскоре после этого собрания оба эти кружка объединились в работе и выделили бюро по организации Р.С.-Д.Р.П. (большевиков) в г. Петергофе. В состав Организационного Бюро вошли: от военных—А. Круссер (председатель бюро), товарищи Марк и Елманов, от нашего кружка товарищи К. С. Жарновецкий и Е. Моникайнен.

В течение марта 1917 года организационное бюро работало уже под руководством Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. (б). Вся партийная работа была сосредоточена в клубе. Официально Петергофская организация Р.С.-Д.Р.П. (б) была зарегистрирована Ц.К. партии 2-го апреля 1917 года.

Все члены кружка, кроме Бовыкина и Алексеева, вступили в Р.С.-Д.Р.П. (б).

В течение 1917 и 1918 г. г. члены нашего кружка вместе с К. С. Жарновецким и П. Дашкевичем руководили Петергофской партийной организацией и участвовали в создании Советской власти¹⁾.

¹⁾ Из 14 товарищей, входивших в старший (первый) с.-д. ученический кружок в Петергофе, в рядах активных членов Российской Коммунистической партии (большевиков) 7 человек: К. С. Жарновецкий, О. Е. Юргенс, М. Н. Мано, Ел. А. Моникайнен, Ант. И. Стружкова, Н. А. Отроженнов, В. Д. Гришанин.

Евгений Агафонович Ла-Никка в ряды Р.К.П. (б) вступил весной 1917 г., но не работал и выбыл из партии. В 1919 г., будучи на артиллерийских командных курсах в Ленинграде, сделался кандидатом в члены Р.К.П. (б) и летом того же года во время поездки был убит на юге «григорьевскими бандами». Вместе с ним был убит и Леонид Андреевич Корейш, вступивший в ряды Р.К.П. (б) в 1917 году, в вой активно не работавший и до фронта учившейся в военно-медицинской академии. С. Р. Андреева, М. Ф. Левашева и С. В. Дашкевич в рядах партии пробыли недолго—ушли.

Рабочий А. Н. Бовыкин из рядов кружка скоро вышел и в партию не вступал.

Из членов двух последних кружков в рядах партии активно работают: Ст. М. Отроженнов, М. Н. Зимина и Мария Данилевич.

После выступления 3-го—5-го июля 1917 года, когда бывшие члены кружка, будучи в большинстве членами Петергофского партийного городского комитета, вели петергофские воинские части в Петроград,—посыпались репрессии, были арестованы Дашкевич и Жарновецкий, были произведены юнкерами обыски на даче Юргенс, где жили и куда сходились иногда бывшие члены кружка.

Сергей Агаф. Ла-Никка вступил в ряды Р.К.П. (б) на южном фронте в 1918 г. по окончании командных курсов. Умер он в 1921 г. от тифа. Умер от тифа на фронте 14-го декабря 1919 г. и Николай Веденеев. В конце 1916 г. Веденеев из среднего ученического кружка перешел в старший. После Февральской революции он был сильным агитатором в деревне и городе. Был членом Петергофских уездных Исполкома Совета и Комитета партии. Весной 1918 г. уехал на чехо-словацкий фронт, кажется с группой Сергея Ив. Гусева, был комиссаром запасных частей 5-й армий и редактировал газету «Красноармейская Правда». В «Известиях ВЦИК» и «Правде» появлялись его статьи.

Из 6 членов младшего кружка в рядах РКП (б): Вера В. Дашкевич, Ольга Н. Мано, Андрей Юргенс и Федор Шумаев.

НАКАНУНЕ «ФЕВРАЛЯ».

(Отрывки из воспоминаний. ¹)

I.

Уже на школьной скамье, с 6-го, особенно 7-го класса гимназии с замиранием сердца говорилось и думалось о Петрограде.

В опрятном, чистеньком родном городе Риге — серая гранитная столица, — «окно в Европу», — казалась тем единственным священным городом, где не может быть окончательно задущена рабочая организация. И все наши мечты, мысли о будущем связывались с думой о жизни в Петрограде, о подпольной организации, с жаждой самопожертвования и подвигов....

В 1915 году в Риге существовал ученический кружок, участники которого имели какую-то смесь литературных и политических интересов. Пестрота имен писателей, интересовавших кружок, была поразительная: нас занимали Пушкин и Грибоедов, Чернышевский и Михайловский, Сологуб и Арцыбашев; часто упоминалось и имя Маркса, при чем некоторые восторженные, но невежественные и наивные головы не знали, о ком идет речь: о великом творце научного социализма или о небезызвестном издателе журнала «Нива». Впоследствии кружок принял более определенную

¹) Моя статья является, конечно, лишь беглым наброском и ни в какой степени не претендует ни на полноту, ни на всесторонность. Но я надеюсь, что товарищи, принимавшие активное участие в общественной жизни студенчества того времени, поделаясь своими воспоминаниями и дадут, таким образом, возможность осветить эту мало известную, но любопытную страничку нашей общественности.

Р. Ковнатор.

физиономию: осенью в нем читались доклады по политической экономии; и в нем же мне в первый раз в моей жизни пришлось делать доклад «о положении женщины в прошлом, настоящем и будущем»... О том, что кружок этот не был созданием праздных, показывает то обстоятельство, что из него вышел ряд товарищей, принявших затем активное участие в практической революционной работе, как в Петрограде, так и в других местах России: тов. Н. Иткина (работала в Петрограде, потом в Москве), Д. Тумаркин ¹) (Восточный фронт, Сибирь), Драгилев (Южный фронт, потом занимался в Академии Генерального Штаба), Б. Берлин (до осени 1922 г. активно работал в Риге в организации Еврейской Коммунистической Партии (поалей-ццион), М. Клейнштейн (работал в Петербурге и Сибири), и ряд других товарищей, — все это были члены нашего кружка, связанные когда-то узами теснейшей дружбы и давшие письменную клятву (когда некоторые из нас стали разъезжаться), непременно встретиться в 1918 году на нашем любимом месте — на бульваре, у скамьи, напротив бабы, торгующей пирогами, но жизнь раскидала нас в разные стороны...

В Риге существовало в то время два рабочих культурно-просветительных общества «Образование» и «Огонь». Общество «Образование» носило определенный, большевистский характер; мы ходили в общество «Огонь» (по Гертрудинской ул.), которое называлось «рабочим культурно-просветительным обществом», но в правлении и, вообще, тон в нем задавали меньшевики, даже оборонческого толка. Ближе всех из них я была знакома с Алексеем Павловичем Бибином, автором известных романов «К широкой дороге» и «На черной полосе». А. П. Бибикин работал в то время конструктором на Балтийском заводе в Риге. Он был вдумчивым, наблюдательным, с большим запасом чисто хохлацкого юмора (А. П. Бибикин сам был малоросс) человеком. Мы провели с ним не мало интересных часов. Нас с Иткиной он называл «ковочками» и говорил, чтобы в жизни и в суровой партийной работе мы не теряли свой «розовый смех»... Вместе с эвакуацией Балтийского завода (кажется, летом 1916 г.), Бибикин уехал из Риги. Перед отъездом он подарил мне пор-

¹) Тумаркин был в 1920 г. редактором «Красного Стрелка», органа 5-й Армии.

Юр. Новин.

трет Ф. Лассалья с достаточно характерной надписью: «Гм... рассуждая о жизни вообще, и о соленых огурцах в частности, можно сказать, что жизнь... да жизнь... это сплошная цепь компромиссов, будь они трижды, четырежды прокляты. Вся штука, мудрость и искусство жизни заключается в том, чтобы этих компромиссов было как можно меньше. И еще будьте добры, красивы, просто для себя, ей богу же, это выгодно»...

Постоянными посетителями общества «Огонь» были товарищи Шая (Максим) Осповат и Соня Барваш. Оба они теперь члены Р.К.П. (б). Первый из них Осповат через большую фронтовую работу, подпольную работу в Риге—пришел к коммунизму и сейчас является заведующим какой-то фабрикой треста «Москожи» в Бауманском районе. Соня Барваш была в Самаре, в 1918 году попала в плен к чехо-словакам. В качестве заложницы чехи всюду возили ее с собой. Перебыв всевозможные физические и нравственные страдания, она, кажется, из Красноярска убежала к красным. Сейчас она находится в Москве, одно время работала в партийном коллективе в Госуд. Политич. Управлении.

II.

Осенью 1916 года Иткина и я уехали в Петроград.

Психо-неврологический институт, потерявший свое звание «Вольной школы», но зато получивший знаменитую 3-х процентную норму, а вместе с ней и такое ощутимое благо для еврея, как «право на жительство» в столице, гостеприимно отворил нам двери. Мы поступили по правилу, на основное отделение института, где преподавались «все» науки, и которое было создано точно нарочно для того, чтобы ничего не делать в нем. Это обстоятельство, а в особенности наше твердое стремление во что бы то ни стало войти в Петрограде в революционную работу «по-настоящему» привело к тому, что мы читали только политические брошюры, и с самого же приезда начали искать «настоящих людей». Не мало курьезов произошло на этой почве. Но как бы то ни было, через 1½—2 месяца после нашего приезда мы знали и были в приятельских отношениях со многими сколько-нибудь выдающимися студентами института. На студентов, аккуратно сдававших экзамены, опрятных, франтивших, мы

глядели с презрением и считали, быть может, не без основания, что они не «являются индивидуальностью».

Наши настроения, несмотря подчас на их «легковесность поразительную» были все же, показательны для пред-революционных настроений в Петрограде. Мы вскоре вступили в ряды членов существовавшего в институте философско-экономического кружка, довольно неопределенного по своим задачам, целям, но с несомненным социал-демократическим налетом. Во главе его стоял тов. Гр. М. Болтянский. Он же был и председателем Совета Старост в институте, и, вообще, играл в жизни института выдающуюся роль. Первые годы революции он работал председателем Кино-Комитета в Москве, и где он теперь, я не знаю. В работе философско-экономического кружка принимал участие и Н. А. Бухбиндер, потом один из первых вставший в ряды большевиков и работавший активно в Петроградской партийной организации.

Несколько слов об основах политических группировок в институте.

Довольно многочисленной была группа поалей-ционистов, которая по вопросу о войне стояла на интернационалистической позиции, и, как по своему участию и влиянию в жизни института, так и по личному составу,—представляла довольно интересную группу. Во главе ее стояли тов. Цви (Фридлянд), теперь член Р.К.П.; З. М. Брейтер (с.-д.); тов. Менделев, Янкев Мойше, которого мы за его рост, почтенную шубу и патриаршее имя называли «ребё» (теперь он член Р.К.П. и слушатель института Красной Профессуры). В их группе состояли еще тов. Винников (работает ныне в В.Ц.С.П.С.), славные товарищи Лева и Шолом и курсистка Гита, тогда медичка, кажется 3-го курса, маленькая подвижная, отзывчивая и добрый товарищ она была типичное дитя еврейского гетто. Я ее больше не встречала; говорили, что она в Витебске покончила самоубийством в результате большого личного горя.

Кроме группы поалей-ционистов, была еще группа большевиков, поддерживавших связи со своим Петербургским Комитетом. Из них мы ближе всего были знакомы с тов. Гришей Новак, рыжим близоруким студентом, который непременно «вылезал» на всех студенческих сходках и произносил «зажигательные» речи (родом из Бессарабии, он в начале

Февральской революции уехал туда, и я больше ничего о нем не слыхала; и с Марусей Авидовой (работала в Петрограде, потом в Москве, в Секретариате Совнаркома), полной, здоровой казачкой, с приветливым и вдумчивым лицом.

Были и бундисты, но они не были объединены в особую группу; это были: тов. Хаскелис, «рыжеволосый Иона», тов. Захаревич и др.; тов. Захаревич — теперь член Р.К.П. Пробыв почти всю революцию на Украине, проделав и пережив все, что полагается революционеру, — он в 1922 году окончил медицинский факультет и теперь работает в качестве ординатора при Психиатрической Клинике 1-го Московского Государственного университета.

Само собой понятно, что очень многочисленной в институте была группа буржуазных сионистов.

III.

Кроме всех перечисленных политических групп, в институте существовала еще группа, которая вскоре завербовала и нас, и в рядах которой мы начали свою политическую революционную работу.

Это были представители Петроградского межрайонного комитета объединенных с.-д. интернационалистов, которые выдвигали лозунгом объединение всех действительно революционных и интернационалистических сил в социал-демократии.

Тов. Илья Юренев¹⁾ один из организаторов и руководителей «межрайонки», надеюсь, расскажет подробно о том, как были завязаны сношения межрайонного комитета с Психоневрологическим институтом и о той роли, которую группа психоневрологов сыграла в жизни межрайонной с.-д. организации в Петрограде.

Мое первое знакомство с с.-д. межрайонной организацией началось через Соню Шульгу. В небрежном платье, с растрепанными блестящими черными волосами, карманами полными бумаг, всегда куда-то торопящаяся, и вместе с тем вдумчивая и внимательная, когда она говорила с кем-нибудь,

¹⁾ Константин Константинович Круковский (родом поляк). До 1914 г. носил партийную кличку «Андрей». Под псевдонимом «Андрей Бывалый» помещал басни и сатирические стихотворения в газете «Правда» в 1912—13 г.г. В 1922 году был полномочным представителем РСФСР в Латвии, член Р.К.П. (б).

она производила на меня сильное впечатление, и ей я обязана своими первыми знакомствами с рабочей средой...

Через Соню в «межрайонке» были привлечены т. т. Н. Иткина, Берта Ратнер и ее брат Лева Ратнер (в настоящее время работает в Петроградском губернском партийном комитете в агитацион. отделе), Борис Лившиц (теперь слушатель института Красной Профессуры). К «межрайонке» примкнули еще тов. Анатолий Случный и Исаак Крашинский (последний, по отзывам всех, был очень даровитым человеком). Он безвременно погиб, кажется в 1919 г., как комиссар какой-то дивизии на Южном фронте. В институте существовал еще с.-р. кружок «имени Михайловского». О работе этого кружка мне почти ничего неизвестно.

IV.

Расслоение в рядах петроградского студенчества, несомненно, уже в 1916 году было очень сильно, но наиболее вдумчивая часть студенчества считала себя последовательницей революционных заветов русской интеллигенции.

Приведу некоторые характерные случаи из институтской жизни.

Семинарий по русской литературе вел профессор С. А. Венгеров. Без определенной программы, системы, метода, — профессор, влюбленный в русскую литературу и писателей, давал нам разнообразнейшие темы, начиная от «Писем А. И. Герцена к его невесте» — и кончая Бальмонтом. Но все же семинарий был живой и посещался охотно. В один из четвергов в семинарии был доклад о каком-то декадентствующем писателе. Присутствующих было так много, что все еле поместилось в одной из классных комнат гимназии Гуревича (Лиговка, д. № 1, где происходили вечерние занятия института). Докладчик непринужденно бросал слова в аудиторию. Красивый стиль, масса цитат, призыв к эпикурейскому наслаждению, призыв был прекрасным, как солнце, «уйти от земной юдоли» к утверждению своего я и т. д... Во время доклада уже чувствовалось повышенное настроение слушателей. В то время, как одна часть напряженно, чуть ли не с открытым ртом, слушала докладчика, мы возмущенно переглядывались и демонстративно покашливали... Доклад кончился... После ряда выступлений слово

взял тов. Крапинский. Я никогда не видела его более взволнованным и негодующим. Он в своей речи вскрыл социальную сущность декадентства, говорил, что ему стыдно за настоящую аудиторию... За час до этого было назначено собрание Бюро Труда, и туда явилось всего несколько человек,—а сюда, где речь идет о всяких пустяках, собралось столько народу... Наш верный товарищ не разделял мысли Гейне, что каждый человек является вселенной, которая с ним родилась и с ним вместе умирает. Глупостью и чушь ли не преступлением он называл копанье в личных переживаниях, в личных настроениях тогда, когда не сегодня—завтра должна родиться обновленная жизнь,—и стыдно в эти дни не готовиться к ней. Его выступление произвело огромное впечатление, и профессор в заключительном слове признал с радостью, что дух общественности не умер в русском «студенчестве».

V.

Первое революционное событие, произведшее на меня неизгладимое впечатление, произошло в октябре 1916 года.

Не знаю, каким образом, но в институте распространились слухи, что в Кронштадте судят 96 матросов ¹⁾ за протест против войны и что по петроградским заводам и фабрикам началась кампания протеста, к которой следует присоединиться и студенчеству... Живо собрался митинг в знаменитой 5-й аудитории. Говорили лучшие ораторы: Цви, Хаскелис, Новак... Горячие речи, клеймящая правительство резолюция... В конце концов была объявлена забастовка на 2 дня... С пением революционных песен мы проходили потом по всем зданиям института, «снимая» повсюду студентов, и не без некоторой борьбы—наиболее «академичных» медиков. Долго с непокрытыми головами стояли мы перед красным зданием нашей «Вольной школы» и пели. Над нами было серое небо, вокруг неприветливая пустошь ²⁾. Но какую бодрость чувствовали мы!...

На другой день мы с Иткиной поехали на Бестужевские курсы. Но там, в ряде других высших учебных

¹⁾ Суд был 26-го октября.

²⁾ Институт помещался за Невской заставой, недалеко от линии ныне Октябрьской жел. дороги.

заведений Петрограда, как мы узнали, шла уже забастовка протеста.

В Психо-неврологическом институте работал политический «красный крест», в технической работе которого (устройство сборов и проч.) и принимала участие. Самым активным работником «креста» был. тов. Енох (теперь, кажется, член Р.К.П. (б)).

VI.

К концу 1916 года мы были в тесных сношениях с Соней Шульгой. Я выполняла по преимуществу технические поручения: разносила литературу, приводила в порядок библиотеку при кооперативе «Объединение» на Васильевском Острове и т. п.

На рождественские каникулы я уехала домой в Ригу. Когда вернулась в Петроград, там была нервная обстановка. Помню, что Цви, который уехал к себе в Минск, рассказывал, что не мог там усидеть, ибо все кругом говорили, и он сам был убежден в том, что в Петрограде происходит или в ближайшее время произойдет революция. Открытие Государственной Думы, речи с.-д. и других, даже кадетских депутатов, не пропускаемые цензурой, печатавшиеся на машинке и жадно читаемые,—постоянные сходки, собрания,—словом, мы жили в напряженном ожидании чего-то грозного и великого. Я помню, однажды, в воскресенье, мы втроем, З. М. Брейтер, Иткина и я,—пошли прогуляться. Остановившись у Таврического дворца, мы мечтали, доживем ли мы когда-нибудь до счастья увидеть в нем Народное Учредительное Собрание...

VII.

Отсрочка заседаний Государственной Думы и назначение ее открытия на 14-е февраля 1917 года вызвали в нас целую лихорадку. В группах, кружках и в самом межрайонном с.-д. комитете дебатировался вопрос—призывать ли рабочих к выступлению, и если таковое выступление состоится, то как на него реагировать? Наконец, было принято решение—ни к каким выступлениям не призывать, но если произойдет стихийное выступление рабочих на улицу, то постараться

взять движение в свои руки и т. п., словом, неизбежное решение организации, которая слишком слаба, чтобы действительно руководить событиями, и слишком революционна, чтобы предоставить массу самой себе.

13-го февраля, на нашей квартире (по 7-й Рождественской ул.) было назначено собрание представителей Петербургского Комитета (большевиков), Инициативной Группы (меньшевиков) и от Межрайонного Комитета тов. И. Юренев — по вопросу о 14-м феврале.

Товарищ Иткина оставалась на квартире, а я с Борисом Лившицем ходили по улице и смотрели, не следят ли шпики, и, наконец, замерзнув и изголодавшись, мы отправились в ближайшую чайнушку.

На указанном выше объединенном собрании было принято постановление — рабочих к выступлению не призывать, а если они выступят, то руководить ими.

В час ночи к нам зашел тов. Илья Юренев, который возвращался с какого-то собрания у Максима Горького, на котором присутствовали и Н. Чхеидзе и М. Скобелев. По заявлению тов. Ильи, среди них господствовала полная растерянность и незнание, что делать.

На другой день, 14-го февраля, наши разошлись по разным районам города. Мне с Цви (который по обще-политическим вопросам стоял на платформе «межрайонки» и принимал участие в ее работах) пришлось поехать в Нарвский район, на Путиловский завод.

На Нарвской площади утром, действительно, произошла небольшая демонстрация, разогнанная казаками, при чем были жертвы. Когда мы подъехали к заводу, то увидели огромную толпу рабочих.

— Ну, — подумалось с замиранием в сердце, — начинается.

Но возбуждение, оказывается, было вызвано тем, что под паровичок попал мальчик (сын рабочего), и ему оторвало ногу.

Отыскав в больничной кассе завода нашего товарища — Катю (по фамилии, кажется, Марченко), мы узнали, что на заводе все спокойно, и мы через некоторое время уехали обратно в город (Цви звонил по условленному телефону в город, при чем, кажется, подрался с дворником дома, куда заходил телефонировать, подозрение которого он на себя навлек)...

У Таврического дворца, рассказывали, была небольшая группа рабочих, которая вяло и нерешительно прогуливалась перед дворцом и затем разошлась...

Однако, весь воздух был насыщен предчувствием, ожиданием событий.

VIII.

Приближалось 23-е февраля, — Международный день рабочих.

Межрайонный с.-д. комитет выпустили по этому поводу листовку, которую мне пришлось разносить в Нарвский и Василеостровский районы. Т.т. Б. Ратнер и Иткина готовились к докладам по женскому вопросу, которые они потом и делали в институте, а одна из них (не помню точно, кто), кажется, и на механическом заводе Айваз (в Лесном). Помню, между прочим, и такой курьез. За несколько дней до Международного женского дня, кажется, числа 20-го было небольшое собрание в кооперативе «Объединение», посвященное предстоящему празднику. В самом начале собрание вдруг было нарушено приходом городского. К нему вышел какой-то товарищ из правления, переговорил с ним, дал ему, что «следует», и уже без дальнейших приключений мы закончили собрание.

IX.

События, происшедшие 23-го и 24-го февраля общеизвестны — разгром булочных, остановка трамваев, забастовка на некоторых крупнейших заводах, и, наконец, назначение общего сбора на субботу, 25-го февраля в 12 часов дня у Казанского собора.

В пятницу вечером состоялось собрание Межрайонного Комитета, и все члены организации обязаны были быть на улице, с демонстрантами... 25-го утром, часов в 8, мы были разбужены стуком в дверь. Это была Соня Шульга. Она, против обыкновения, была очень возбуждена, говорила, что сегодня произойдет самое «главное», позвала куда-то Иткину, а мне предложила пойти к Ратнер, обязательно сшить несколько красных знамен (лозунги она нам не указала, сами, де, придумаете) и прийти с ними к Казанскому собору. Часов

в 9 я была уже уже у Ратнер. Но выполнить данное нам поручение было не легко из-за отсутствия красной материи, кроме того, большинство магазинов в это утро было закрыто; затем у нас не было ни копейки денег, и покупка красной материи именно в это утро, как нам казалось, могла показаться подозрительной. Мы стали перебирать в уме всех знакомых: не найдется ли у кого из них какой-либо вещи из красной материи, которая могла бы быть использована для знамени. Перебирая знакомых, мы почти готовы были впасть в отчаяние, когда вспомнили о двух знакомых курсистках — Марусе и Леле (из Ростова на Дону), которые считали себя с.-д., и с которыми мы были в приятельских отношениях. У них, наверное, что-нибудь найдется. Они жили где-то на Старо-Невском. Я живо туда спутешествовала, и, о радость, у Лели оказалась красная батистовая нижняя юбка! Как с драгоценнейшей ношей летела я с этой юбкой обратно, на Херсонскую улицу, к Берте Ратнер. Тут же мы сбежали вниз в лавочку, купили белой тесемки, которой решили вышить лозунги, и принялись за работу. Так как лозунги нам указаны не были, то по обоюдному согласию мы решили на одном знамени написать: «Долой самодержавие!», на другом: «Долой войну! Да здравствует Революция!». Не помню только, вышили мы инициалы Междурайонного Комитета Р. С.-Д. Р. П. или нет... Знамена носили на себе печать своего происхождения: они вышли круглообразные, но это нас мало смутило. Каждая из нас положила по знамени во внутренний карман пальто, и мы отправились на улицу. Мы пошли вниз по Невскому. У Садовой мы увидели громадную толпу рабочих, солдат и казаков.

Гостинный двор не торговал. Толпа, как и солдаты, держались выжидательно. Раздавались только смешки по адресу солдат, призывы примкнуть к рабочим, и уверения (помню один бородач-рабочий кричал), — «что мы теперь не на шутку вышли на улицу»... Мы с Бертой решили во что бы то ни стало держаться вместе. Вдруг с криком «прочь» на нас наскочили казаки. Кругом стали бежать. Берту от меня унесло, а я упала. Видя, что меня нет, она вернулась обратно и помогла мне встать. Спокойно, как ни в чем не бывало, мы встали по середине улицы; по моей просьбе она почистила мне пальто, и на этот раз, уже взявшись крепко за руку, мы пошли обратно.

— Товарищи, к Казанскому собору! У кого есть красное знамя?

Через несколько секунд одно из наших «самодельных» знамен развевалось над толпой. Раздались радостные крики, точно его, этого знамени надежды и борьбы не доставало, чтобы придать единство настроения огромной многотысячной толпе. У Казанского собора происходил митинг. Можно без преувеличения сказать, что одним из главных, если не единственным, оратором в эту несравненную демонстрацию был Исаак Крашинский. На руках он переходил от одной группы к другой, каждый раз в другой шапке и говорил, говорил... Помню, он говорил о борьбе рабочего класса, он зывал к традициям великих революционеров прошлого и зывал рабочую толпу поклясться, что на этот раз она не разойдется, пока не добьется своего, и при дружном смехе толпы и даже «фараонов», закончил возгласом: «Да здравствует самодержавие!». Вдруг «фараоны» наскочили на толпу, и несколько человек было арестовано. Толпа бросилась их освобождать. Арестованные были отбиты от «фараонов»; раздался крик: «На Знаменскую площадь!.. Мы с Бертой прошмыгнули через вдруг выстроенную шеренгу из солдат и присоединились к толпе... Вся улица была — сплошное человеческое море. Демонстрация состояла преимущественно из рабочих; «чистых» физиономий, студенческих фуражек было сравнительно немного. «Улица» и «панель» не были разграничены — все слилось в стихийное движение.

Наши психоневрологи из «красных» почти все были тут. Мы весело переглядывались и здоровались. Мы с Ратнер ликовали: наши знамена заодно развевались над демонстрацией, и мне казалось, что помимо всего они говорят о нашей личной решимости бороться, о страсти и тоске наших молодых сердец.

Настроение поднялось до настоящего пафоса, когда мы подошли к Знаменской площади. На Невском, на Лиговке всюду были расставлены «фараоны» и казаки. Кто-то (кажется, наш Цви) влез на пьедестал памятника Александра III и ораторствовал. Его сменили другие. Здесь же впервые был брошен лозунг о выборах в Совет. Раздавалось предложение разойтись по районам и приступить к выборам. Возможно, что на этом толпа бы и разошлась, если бы вдруг

«фараоны» не наскочили с пашками наголо на одну группу и не ранили (говорили на смерть) какую-то курсистку. Они убежали в Гончарную улицу, за ними побежали из толпы, и началась форменная свалка. В это время офицеры скомандовали казакам, и с нагайками они бросились в густую толпу... Тут произошло нечто невообразимое; гряда упавших тел, которые толкали фыркающие лошади, свист нагаек, крики боли, вместе с криками возмущения и негодования: «Товарищи, валите столбы, стройте баррикады против этих зверей».

Вместе с толпой и я была отшвырнута в сторону. Вдруг я увидела: у одного казака одно из наших знамен. Он держал его в руке, а в другой нагайку, которой здорово хлестал какого-то паренька и хрипел: «Так вот, жидовская сволочь, красного флага захотел. На же тебе!», — и от злобного взмаха легкая материя разлеталась в куски. И падали ключья знамени на снег...

Вместе с некоторыми товарищами и я бросилась бежать. Пока мы вбежали во 2-ю Рождественскую улицу, казаки, очевидно, утомившись и увидев совершенно рассеянную толпу, повернули обратно. Был уже вечер, и я пошла домой. Заходили знакомые. Мы узнали, что из наших друзей никто не пострадал, но что некоторые студенты все же были арестованы (в частности называли имя тов. Терлецкого, тогда эс-эра, теперь коммуниста; одно время был, кажется, Наркомюстом на Украине).

X.

В воскресенье с утра повсюду были расставлены усиленные патрули, так что на Невский было невозможно попасть. По городу было расклеено обращение генерал-губернатора, грозившее свинцом и мечом... Хранитель русского царя забыл крылатое слово Камилла Демулена: «Нельзя помешать взятъ Бастилию... не только декретом, но и винтовками в руках разложившихся солдат».

На другой день, в понедельник, к восставшим рабочим присоединился Волынский полк. Участь самодержавия была решена. Революция победила. Вечером мы были уже в Таврическом дворце. Сколько захватывающего, поднимающего душу величия было в народных массах, заполнивших все улицы кругом дворца. Таврический, в буквальном смысле этого слова, кипел, как муравейник.

Мы тоже толкались по разным комнатам дворца: были на заседании Исполкома, где на знаменитом председательском месте восседал меньшевик Гвоздев. В кулуарах встречались знакомые, поздравляли друг друга, обнимались, целовались. Весь дворец, казалось, был полон солдатской массой. В столовой, где стояли бесчисленные очереди за чаем и бутербродами, шли беспрерывные и крайне оживленные митинги. Очень ярко в памяти врезалось мне такое выступление, вообще, крайне характерное для тогдашнего настроения солдатской массы.

На столе солдат: «Товарищи, в первую очередь надо кричать: долой Александру Федоровну. Она немка и поганая. Заодно с Гришкой Распутиным. Долой ее!»

— Правильно, верно, молодчина, — раздаются кругом крики.

Но на стол уже вскакивает другой.

— Брешете, братцы! Надо (и идет упоминание всех матерей) туда послать не только царицу, но и Николашку. Попил нашей крови. Буде.

— Буде, — раздается одобрительный гул вокруг.

— Так, чтобы нам распоряжение насчет землицы вышло, братцы. Правильно, что ль, я говорю?

— Правильно, правильно, — покрывает его голос могучий крик.

На столе уже другие ораторы...

Странной, необычной, чудесной жизнью были полны в этот вечер залы Таврического дворца, жизнью улицы, жизнью Народной Революции, пахнувшей табаком и потом.

XI.

Часа в 3 ночи мне с Борисом Лившицем поручили свезти литературу в Василеостровский район. Толкались по разным комнатам, ища, кто бы подписал разрешение на автомобиль. Всюду было полно народу, при чем штатские костюмы терялись в сплошном море солдатских шинелей. Помню, в одной комнате мы застали Леву Глезарева (это был студент нашего института, большевик). За столом сидел Мих. Родзянко, а кругом, точно пчелы, гудела группа солдат.

Глезарев стоял в сторонке и нервно курил папиросу.

— Лева, что здесь такое? — спросили мы, чувствуя напряженную обстановку.

— Выбирают председателя военной секции. Предлагают барона Энгельгардта, да солдаты не соглашаются.

Вдруг в комнату вбежал Ал. Керенский. Его нервное, подвижное лицо было крайне бледно. Он в чем-то уговаривал Родзянко, отдельных солдат.

— Послушайте, нужна же ведь единая, твердая власть! Кто-то из нас, как будто даже непроизвольно спросил:

— Но почему она должна исходить от Родзянко?

Будущий премьер-министр посмотрел на нас уничтожающим взглядом и чуть ли не с презрением спросил:

— А вам-то какое дело?

ХП.

С большим трудом мы достали автомобиль, нагрузили его литературой и поехали... С разных сторон раздавались отдельные выстрелы... Город был погружен в полумрак. Только здесь и там горели костры, у которых мелькали группы солдат. Они останавливали нас, но, узнав, что мы из Таврического, радостно приветствовали. При каком-то повороте машина встала. Ехать дальше не оказалось возможным. Тогда мы с Лившицем решили вернуться обратно во дворец.

Начинало чуть-чуть светать.

Мы видели, мы чувствовали, что поднимается новый день, освященный, благословенный Революцией, и наше сердце наполняла радость, что не только она нам, но и мы ей будем нужны.

Рахиль („Роза“) Ковнатор ¹⁾.

¹⁾ Тов. «Роза» Ковнатор с начала 1918 года по осень того же года была секретарем Партийного Районного Комитета на Петроградской стороне в Ленинграде.

Юр. Новин.

КРАСНЫЕ ДНИ РУССКИХ МУЗЫКАНТОВ.

(Воспоминания ученика С.-Петербургской консерватории о 1905 году.)

Только-что Петербург, а с ним и вся Россия, пережили 9 января 1905 года, еще не успели улетучиться общественные волнения и полицейские страсти, как вдруг в консерватории произошел странный и чреватый последствиями инцидент.

Это было 18-го января. Только-что съехавшиеся после рождественских каникул ученики и ученицы делились впечатлениями о проведенных праздниках; как всегда, эти беседы происходили внизу, у вешалки, в так называемой раздевалке, ибо одним шагом дальше — на мраморной лестнице — уже стояли черберы — классные дамы, зорко наблюдавшие за тем, чтобы соблюдалось строгое разделение полов... Как ни смешно, но еще в 1905 году в помещении консерватории девушкам и юношам не полагалось встречаться и разговаривать друг с другом!..

Итак, в раздевалке, где собралось много подростков, еще обучавшихся в научных классах консерватории, один из учеников оркестрового класса трубач Манец, бывший солдатом, рассказывал окружающим в весьма развязной форме о том, как он, находясь в день 9-го января в «наряде», преследовал толпу и таскал курсисток за волосы...

Подростки слушали его — одни с ужасом, другие с увлечением; некоторые из взрослых, возмущенные его циничной откровенностью, потребовали, чтобы он замолчал, хотя бы потому, что перед ним дети.

И, вот, возмущение охватило всю учащуюся молодежь консерватории, захватило наиболее чутких из педагогов и, наконец, дошло до ушей всевластного начальства.

Директор Бернгард, слабый музыкант и весьма ограниченный человек, призвал к себе не в меру разболтавшегося трубача и трех учеников — свидетелей.

При очной ставке солдат Манец отрицал приписываемые ему слова и в доказательство перекрестился; три свидетеля, еврея,

просили пригласить раввина, готовые поклясться на торе, что они передают то, что было сказано трубачом.

Результат этой очной ставки, конечно, отличался «мудростью». Этим трем ученикам было сказано, что если они не откажутся от своих слов, то будут исключены, и вся эта история вообще тяжело отразится на их товарищах евреях.

Настроение учащихся было подавленное и настолько тревожное, что ждало только маленького толчка, чтобы стать боевым.

Да и понятно, — во всех высших учебных заведениях проведена была забастовка, длительная и стройная. Все студенчество, взволнованное девято-январскими событиями деятельно вспахивало ту почву, в которой сеял кровавую жертву грядущий октябрь. Настроения студенчества, естественно, проникли и в консерваторскую среду, и, таким образом, случай с солдатом становился исходным пунктом для возникновения новых и новых осложнений.

Настроение преподавателей было различным. И в то время, как учащиеся пока что выставляли только одно требование — об удалении из их среды недостойного товарища, лишь некоторая, правда, лучшая часть педагогов разделяла точку зрения учеников. Многие же считали недопустимым вмешательство учащихся в «политику» и поддерживали директора Бернгарда, работавшего перед великим князем Константином, который числился опекающим отечественное искусство.

Между тем и военные власти, поскольку инцидент с солдатом касался их, нажимали на дирекцию музыкального общества в смысле острастки учащихся.

Вечером 24-го января, выходя из консерватории, я услышал возле себя таинственный шепот:

— Товарищи, приходите послезавтра, в среду вечером, к пианистке Л. У нее на квартире будет собрание для выработки мер протеста. Пожалуйста, приходите!

Для многих, конечно, всякого рода конспиративные собрания были вещью обычною; но мне кажется, что для большинства консерватористов того времени эта готовящаяся сходка была новой и ступенью вверх в смысле общественного развития учащихся.

Действительно, из кого состояла консерваторская молодежь?

Если, среди певцов и пианистов встречалось не мало состоятельных и подчас уже с образованием людей, то оркестровая масса почти вся происходила из бедноты, и, главным образом, еврейской бедноты. И эта масса, менее сознательная, была зато более революционной. Но все это было в душе, в крови, но еще далеко от истинного разумения порядка вещей.

И, вне сомнения, для тех, кто, заведя издали околотоchnого надзирателя или пристава, переходил на другую сторону улицы,

для тех прийти на тайное собрание уже было крупным шагом вперед.

26-го января около 7 часов вечера к воротам высокого дома на Алексеевской улице стали медленно сходиться консерватористы; стоявший у калитки товарищ указывал № квартиры и путь к ней.

Собравшиеся перешептывались, смотря друг на друга с каким-то удивлением, смешанным с восторгом. В 9 часов вечера решили больше не ждать и открыть собрание. Выбрали председателя, секретаря, и, вот, 60 человек собравшихся стали обсуждать создавшееся положение.

Собравшихся занимал только инцидент с учеником из «музыкантской команды». Общее положение сводилось к тому, чтобы потребовать от дирекции исключения ученика Манеца. Но как поступить, если дирекция не согласится на это, в чем все были уверены? Что предпринять тогда?

После недолгих речей, неискренних, но искренних ораторов, постановили, в случае отказа дирекции исключить ученика М., объявить академическую забастовку. Тут же был избран временный комитет из 4 человек для ведения дела и выяснения формы и длительности забастовки, если таковая будет.

С этой первой сходки консерваторцы расходились с чувством большого удовлетворения в душе; с этого вечера они как бы начали новую, более сознательную жизнь.

Прошло два дня, в течение которых реакционная дирекция ясно показала всем свое упорство и нежелание даже понять то человеческое чувство самоуважения, которым были проникнуты учащиеся; и, вот, в пустой квартире на Мясной улице назначено было второе собрание учащихся.

Был момент, когда устроители, убоявшись облавы, готовы были отказаться от сходки и перенести ее на другую квартиру, но молодежь прибывала, жадно вползая по черному ходу и настаивала на немедленном собрании.

Сходка обставлена была весьма романтично и осторожно. На улице стояли свои патрули, которые спрашивали «пароль» и только тогда направляли к следующему патрулю, который, наконец, указывал квартиру. На этой сходке, где собралось более 100 человек, уже пошли беседы совсем иного сорта и появились иные ораторы. Вместо тихих, деловитых голосов слышались страстные возгласы, летучие словечки и лозунги борьбы и бунта.

Впечатление от ораторов было далеко не одинаковое, и речи их воспринимались собравшимися весьма по-разному. Одни приходили в восторг и крепко жали руки ораторам, другие жалась по углам и пугливо опускали занавеси, чтобы через окна не заметили, что здесь «собрание».

Был смешной момент. Когда кто-то, увидав на противоположном тротуаре одинокую фигуру, крикнул:

— Товарищи, нас выследили! Сейчас нас окружит полиция!

Многие кинулись к дверям, другие запротестовали, а секретарь не пожалел своего желудка и проглотил скомканные в шарики кусочки разорванного протокола...

В чем же, однако, расходились голоса собравшихся? — Да в «политике». — В то время, как одна часть продолжала держаться того мнения, что вся цель ученического движения — исключение ученика М., в противном же случае — академическая забастовка, проведенная планомерно через все классы. Другая же группа не ставила протест в зависимость от происшедшего инцидента, а настаивала на присоединении консерваторцев к политической забастовке всего студенчества.

Однако, в этот вечер победили «академисты», уверенные, что под угрозой забастовки дирекция исключит ученика М., — и, покончив на этом, все разошлись по домам.

Но, вот, наступило 4-е февраля, и громовым раскатом пронесся над всей Россией взрыв в Москве Каляевской бомбы. Но глухие не услышали его: реакционные группы не только не прислушались к зловещему предупреждению, но еще более подняли голову. И отражение настроений общества в консерваторской среде особенно заметно проявилось на сходке 10-го февраля.

Благодаря вмешательству военных властей положение ученика М. весьма упрочилось. Учащиеся, убедившись в том, что дирекция абсолютно не считается с их настроением и требованиями, решили явочным порядком устроить сходку в малом зале консерватории. Народу собралось огромное количество, и тут-то мы имели возможность услышать и совершенно новые голоса. Это голоса тех, которые восставали против какой бы то ни было забастовки и настаивали на том, чтобы перейти к мирной обычной работе.

Несколько студентов-белоподкладчиков, несколько барышень с институтскими шифрами кричали о патриотизме, о еврейском засильи и о многом другом. С другой стороны — наиболее революционные элементы требовали чуть ли не отставки всей дирекции.

Последняя взволновалась; и вот начались совместные заседания дирекции и художественного совета. Директор Бернгард и его сподвижники настаивали на применении силы крайних и решительных мер вплоть до введения в здание консерватории полиции, чтобы с ее помощью продолжать занятия.

На одной из ближайших сходок сам Бернгард явился к учащимся и, указав на портрет Рубинштейна — творца консерватории, — он патетически воскликнул: «Такой ли благодарности ждал он от будущих питомцев?» Но на это ему резонно отве-

тили, что вряд ли ждал он и такого заместителя, как господин Бернгард.

И, действительно, что представляла из себя консерватория в дни управления Бернгардом? Во главе стояла дирекция, почти сплошь состоящая из лиц, никакого отношения к музыке не имеющих. В подчинении у нее находился художественный педагогический совет, никакими правами не пользующийся. Эта ненормальность породила массу несообразностей во внутреннем распорядке музыкальных дел. Что же касается внешнего уклада, то, трудно сказать, к какому учреждению ближе всего подходила консерватория: к институту благородных девиц или к церковно-приходской школе, но только, во всяком случае, не к высшему учебному заведению.

Учащиеся были на институтском положении. Все здание было разделено таким образом: нижний этаж — административный, второй этаж — женский, третий и четвертый — мужские. Этому своеобразному «половому» разделению было отведено особое центральное внимание, немногочисленных, но достаточно неприятных классных дам. И так как проход на все этажи шел через общую мраморную лестницу, то здесь, понятно, сталкивались все учащиеся, и тут-то, усердно исполняя обязанности городских, классные дамы разделяли юношей и девушек.

С мужчинами обходились вежливо и говорили:

— Пожалуйста, не задерживайтесь! Вам здесь нечего делать!

Что же касается женщин, то они были на положении второй прислуги:

— Мадмуазель, если вы сейчас же не пройдете, я вас запишу. Проходите без разговоров!

Платье, прическа, манеры все это касалось компетенции классных дам, из которых одна, исполнявшая обязанности женского инспектора, была особенно зла и возмутительна, но настолько искренно, что в последующие дни, когда консерватория стала автономной, она не выдержала ужаса «свободы» и заболела на нервной почве душевной болезнью.

Таковой была консерватория в тот момент, когда волна гражданственности заставила и музыкальную молодежь подняться на гребне волн революции...

18-го февраля, наперекор всем реакционным элементам, — произошла грандиозная сходка в малом зале консерватории. Возбужденное настроение собравшихся учащихся, горячие речи ораторов, громовый голос председателя... Я помню, как взмог на эстраду маленький человек. Чтобы его могли слышать все, он встал на председательский стол. И что же!? Какая речь! Какая зажигательная речь! Гром аплодисментов потряс зал.

Происходит нечто неопишное по своей восторженности, яркости и боевому подъему.

Необходимость политической забастовки становится очевидной, и собрание избирает забастовочный комитет из 15 человек, куда входят 3 теоретика, 5 певцов и 7 пианистов¹⁾.

С этого момента консерваторские власти увидели перед собой реальную оппозиционную группу, с которой ей предстояло считаться, как с силой, за которой стоит вся консерваторская масса.

И, вот, начались переговоры между художественным советом и учащимися. Забастовочный комитет выделил из своей среды 5 представителей, точно так же, как и художественный совет. Из педагогов в комиссию вошли: директор Бернгард, Глазунов, Римский-Корсаков, Габель и Соколов.

Группа учеников, передавая им требования, выработанные на многочасовой сходке, перечислила множество чисто местных ученических нужд: устройство столовой, библиотеки и кассы взаимопомощи, и пр., и, наконец, закончила тем, что из сочувствия и солидарности с общестуденческим движением необходимо закрытие консерватории.

Когда председатель сходки, тов. Павловский, уставший, взволнованный, зачитывая перед профессорами программу учащихся, дошел, наконец, до последнего требования, голос его осекся, и он разрыдался. Профессора имели возможность воочию убедиться, как много искренности и глубокой веры было вложено в эту декларацию учащихся; они готовы были во всем идти навстречу, во всем, кроме последнего пункта. Они говорили о том, что консерватория заведение частное, принадлежащее музыкальному обществу, что закрывать его не могут ни профессора, ни ученики, а только сама дирекция. Наконец, профессорская комиссия выделила из своей среды Римского-Корсакова, Глазунова и Габеля для ведения дальнейших переговоров.

Говорят, что когда выработанные учениками требования были переданы дирекции, то Римский-Корсаков или сказал, или сделал приписку такого рода:

¹⁾ В состав Забастовочного Комитета вошли: Павловский, Феофан, певец; Дроздов, Анатолий, пианист; Гнесин, Михаил, теоретик; Вейсберг, Юлия, теоретик; эти четверо являлись как бы возглавляющими идейную сторону революционного движения музыкальных учащихся. Остальные являлись техническими работниками: Боровцов, Петр, певец; Гнесин, Григорий, певец; Дыхно, Елена, пианистка; Касаткина, Наталия, пианистка; Крейцер, Леонид, пианист; Левидов, Иосиф, певец; Лившиц, Розалия, пианистка; Майзень, Ксения, певица; Розовский, Соломон, теоретик, и Фейтельзон, Мария, пианистка. Кроме того — Розова, Елена, пианистка, выбывшая с первых же дней по собственному желанию, и Мазур, певец, исключенный, как личность совершенно несерьезная и не соответствующая серьезному и ответственному положению руководителя революционными настроениями и действиями.

«А все это могло быть осуществлено, если бы в консерватории введена была автономия».

Во всяком случае на заседании художественного совета от 24-го февраля 27 преподавателей высказались за закрытие консерватории «до успокоения умов», при чем Римский-Корсаков определенно указывал срок не ранее 1-го сентября. Но дирекция постановила считать консерваторию закрытой только по 15-е марта.

Между тем забастовочный комитет не бездействовал. Учитывая малую подготовленность консерваторской массы к правильному восприятию всех современных политических событий, забастовочный комитет организовал по районам летучие собрания, печатал на гектографе обращения к учащимся, одним словом, взял на себя гражданское воспитание музыкальной молодежи.

Если 18-го февраля, срывая занятия по всем классам и фактически прекращая занятия, молодежь чувствовала себя победительницей, то теперь, когда узнали, что дирекция решила возобновить занятия с 15-го марта, при чем постановила пропускать в здание только тех, кто против забастовки, т.-е. только «своих», — теперь комитет постановил принять решительные меры к претворению занятий и экзаменов «штрейкбрехеров», к насильственному закрытию консерватории.

Было решено путем химической и механической обструкции сделать невозможным дальнейшую деятельность консерватории.

При товарищеской помощи студентов технологов и горняков к 15-му марта была заготовлена масса пробирок с обструкционными веществами.

Наконец, наступило 16-е марта, день официального открытия консерватории. Толпа учащихся пришла к дверям, но в здание были пропущены только несколько человек с особыми ярлыками на право входа. Конная и пешая полиция отгоняла учащихся от дверей. Вокруг, на Офицерской улице и около Мариинского театра, собралась толпа народа, сочувственно приветствуя учащихся.

Но вот подъехал Глазунов; к нему обратились консерватористы с просьбой выхлопотать разрешение на вход в консерваторию. Вскоре он вышел обратно: против дирекции и полиции он был беспомощен.

Теперь, когда мирные средства были исчерпаны, наступил момент революционной борьбы.

Комитет постановил: двумя путями добиться защиты консерватории. Во-первых, сегодня же ночью тайком пробраться кому-нибудь одному в помещение консерватории и путем химической обструкции сделать невозможным дальнейшие занятия; во-вторых, утром следующего дня устроить демонстрацию и, насильно ворвавшись в здание, изгнать «штрейкбрехеров», если таковые будут там.

Мне, как бывшему химику, поручена была эта ночная обструкция. Как известно, в большом зале консерватории был театр, тесно связанный с остальными помещениями. Вечером 16-го марта валторнист театрального оркестра ученик В. провел меня с моей поклажей в помещение под сценой, близ суфлерской будки. Здесь я и расположился, и пока надо мной расцвели «Риголетто» Собинов и Татьяна Руффо, я приводил в порядок склянки, пробирки и все прочее.

По уговору один из музыкантов должен был оставить свой инструмент здесь, а на утро прийти за ним. Этой минутой я должен был воспользоваться, чтобы скрыться.

Было около часу ночи, когда спектакль окончился и все затихло; но валторнист В. вопреки постановлению комитета, решил остаться вместе со мной, никакие уговоры не действовали, и дело было испорчено. Когда, выйдя из своей дыры, мы вошли в помещение оркестра и стали пролезать через барьер, на валторниста В. напал не то страх, не то чувство беспомощности. Правда, на сцене приподняли занавес, еще находились рабочие, перетаскивая декорации и отколачивая их. Но им было не до нас, да и зал, в который пробирались мы, был в темноте.

Каждый шум, каждый крик волновал В., и мы потратили массу лишнего времени на переход через зрительный зал, при чем, когда я, наконец, очутился в учебном помещении, то был один и с незначительной частью препаратов.

Подложив склянки под двери закрытых классов и разлив всевозможные вонючие вещества в коридорах, я вернулся в помещение оркестра. На утро около восьми часов, сторож впустил музыканта, пришедшего за забытым инструментом; пока он разговаривал с ним на лестнице, мы проскользнули и вышли на улицу.

Доложив комитету о результатах ночного похождения, я вместе с ними отправился на площадь. Там уже собралась масса учащихся; со всех сторон прибывали все новые и новые группы демонстрантов.

Конная и пешая полиция наступала на нас, отгоняя за мост к Литовскому замку; тогда мы проскальзывали от Мясного рынка с другой стороны Крюкова канала. Наконец, отвлекши внимание полиции на большую толпу демонстрантов, которую конные загнали по улице Глинка к Мойке, группа человек в пятьдесят проникла через кассу театра на боковую лестницу, выломала двери, и с криком ворвалась в помещение консерватории; разбегаясь по открытым классам, разбрасывая повсюду обструкционные склянки, демонстранты навели панику на бывших там.

Конечно, никакие переговоры с Бернгардом и Габелем ни к чему привести не могли, но предательства не ожидал никто.

Когда одна из классных дам истерически кричала служителям: — Вызовите по телефону конных жандармов! — тогда дружный хохот был единственным ответом, ибо представившаяся всем картина, как конные жандармы взлетят по мраморной лестнице на третий этаж, невольно рассмешила всех.

Но консерваторское начальство, затеяв переговоры с учащимися, дало знать пешей полиции, которая, наспрынув со всех сторон, окружила демонстрантов и арестовала их.

Когда арестованных вывели на улицу, то многие из толпы бросились им навстречу и присоединились к ним. Таким образом 102 человека под конвоем было доставлено во двор Казанской полицейской части.

Весело, радостно было на душе. Все чувствовали подъем сил. Нужно знать ту простую среду консерваторской бедноты, доминировавшей в этой демонстрации, чтобы понять, почему они со слезами радости обнимали друг друга, и когда в полиции опрашивали их имена, они восторженно выкликали их.

В течение тех нескольких часов, что нас продержали во дворе оставшиеся на воле товарищи снабжали нас бесчисленными бутербродами, молоком и всякого рода провиантом.

Из рук в руки переходили номера газеты «Русь» с открытым письмом Римского-Корсакова на имя Бернгарда, где он резко и определенно высказал свое порицание действиям дирекции и директора.

Уже тогда у многих зародилась мысль приветствовать чудесного музыкального сказочника, поднявшего свой голос во имя справедливости и долга. Между тем, события развивались с изумительной быстротой.

Мы к вечеру были выпущены на свободу, а через два дня открылась новая светлая страница в консерваторской жизни.

Дирекция императорского музыкального общества сочла нужным реагировать на письмо Римского-Корсакова не самооправданием в глазах общества, а отстранением автора письма от должности профессора консерватории. Таким образом произошло нечто невероятное: один из величайших русских композиторов и учителей был уволен из учреждения, которому он делал честь своим присутствием, а несколько «профессоров», ничего общего с искусством не имеющих, продолжали свою деятельность в консерватории.

Одновременно с этой дикой расправой с неутодным профессором, конечно, были исключены из консерватории 102 учащихся демонстранта. Бернгард ушел сам, когда увидел, что значительная часть художественного совета против него, и консерватория была объявлена закрытой.

Часть преподавателей продолжала заниматься со своими учениками на дому, но так как вслед за увольнением Римского-

Корсакова ушли из консерватории: Глазунов, Лядов, Вержбилович, Есипова, Блуменфельд и другие, то учреждение обесцвечилось и потеряло всякое значение.

Конечно, случай с Римским-Корсаковым не мог пройти незамеченным, и все слои общества России и Запада откликнулись на него.

Желая приветствовать дорогого любимого учителя, сумевшего показать себя другом учащихся в самую трудную и важную минуту, учащиеся решили поставить собственными силами изумительную сказку Римского-Корсакова «Кашей Бессмертной», совместно с концертным отделением.

Чудесные, незабываемые дни прошли с необычайной быстротой в репетициях и спектаклях, то в зале Пальма, то в «Петер-шуле».

Поклонница Николая Андреевича Римского-Корсакова — В. Ф. Коммиссаржевская предоставила под этот спектакль зал своего театра в Пассаже.

Я участвовал в переговорах с ней; она восторженно высказывалась по поводу общественного выступления Римского-Корсакова об устраиваемом чествовании, и с печальной улыбкой жаловалась на то, что нездоровье не позволит ей присутствовать на этом спектакле.

В течение каких-нибудь нескольких дней, консерваторцы, счастливые своим участием в этом торжестве под руководством Глазунова и отчасти самого Римского-Корсакова (хоры), — приготвили эту оперу, и 27-го марта наступил наш радостный день.

При переполненном зрительном зале, впервые в Петербурге исполнялось одно из лучших творений русской музыки. Сольные партии исполнялись талантливейшими учениками: Майзельс (царевна), Павловским (Иван королевич) и Гуровичем (Кашей) и приглашенными со стороны В. Лежен (Кашеевна) и Павловым (Буря-богатырь). Исполнена опера была вполне удовлетворительно.

Но центр этого дня перенесся с произведения на автора его. Едва спустился занавес, как ученическое чествование Римского-Корсакова превратилось в общероссийское, даже общеевропейское.

На несомлаемые зовы публики, скромный и смущенный вышел к освещенной рампе Римский-Корсаков.

И тут произошло нечто грандиозное. Венки, адреса, приветствия, пламенные речи, полные восторга и преклонения перед свободным русским гением прославляли Римского-Корсакова за то, что он оказался не только великим учителем, но и истинным гражданином.

Между тем, пока на авансцене у ramпы продолжались бесчисленные овации, полиция заняла все входы и выходы в театр и на сцену; последовали запрещение концертного отделения и требование спустить железный занавес.

На глазах у публики, над головой учащихся и Николая Андреевича Римского-Корсакова спускался железный занавес, удержать который тщетно пытались окружающие; тогда группа учеников подхватила Н. А. Римского-Корсакова, проскользнула вперед к самой рампе, и, при оглушительных приветственных криках всего театра, занавес опустился позади Римского-Корсакова и счастливых устроителей спектакля...

К пяти часам дня на квартире члена комитета Юлии Вейсберг состоялся обед, на котором присутствовали: Римский-Корсаков, Глазунов, исполнители оперы и 15 членов забастовочного комитета учащихся консерватории. Сюда же свезли все адреса, венки и долго, долго все пересматривалось и перечитывалось всеми вместе.

Через несколько дней начались аресты среди 102 исключенных консерватористов. Боясь, что с нашим арестом движение среди молодых музыкантов останется без главы, забастовочный комитет устроил вечером 3-го апреля летучее собрание в «Café de Paris» на Невском; здесь, в отдельном углу, заняв целый ряд столиков, мы весело распивали шоколад со сливками, намечая ряд лиц, которым предлагалось стать нашими заместителями; поздно ночью на квартире пианистки Савеловой состоялись выборы.

В эту же ночь и следующим утром, полиция арестовала «демонстрантов», при чем значительная часть получила приказ о немедленном выезде из Петербурга.

На этом, собственно, и заканчивается эпизод с первым массовым участием музыкальной молодежи в гражданской жизни России.

Остается сказать несколько слов о значении этого эпизода для дальнейшей судьбы консерватории.

С уходом из консерватории лучших преподавательских сил дела вершались теми вторыми и третьими музыкантами, которые очень съезжились в марте и очень бойко выставили свои улитные рожки в октябре месяце, во время «весны свободы».

Новые «свободные» правила давали возможность художественному совету приглашать профессоров помимо дирекции. Тогда пристыженные остатки художественного совета, с довольно неуклюжим книксеном, постановили просить Римского-Корсакова и остальных ушедших профессоров вернуться. Уволенным ученикам разрешено было опять вступить в консерваторию.

Но так как «весна свободы» была недолговечной, то, вместе со всем протестующим студенчеством, консерватористы, во главе со своим комитетом, не желали допускать занятий.

Опять черносотенная часть преподавателей всячески ошлепала учащихся, но теперь исход борьбы уже был предрешен.

Учащиеся не выпускали из своих рук инициативы в борьбе за свои права и, пядь за пядью отстаивая свои позиции, добились полной победы.

К началу нового учебного сезона консерватория была объявлена автономной, и во главе ее стал первый избранный директор, неизменный друг учащихся, А. К. Глазунов.

* * *

Что касается дальнейшей судьбы консерватории, то она мало отличается от судьбы других учебных заведений. В период 1906 — 1907 г.г. учащиеся консерватории имели представительный орган в лице Совета Старост, с которым весьма считалось консерваторское начальство; имели свою кассу взаимопомощи, основали прекрасную дешевую столовую, под которую администрацией было отведено весьма удобное большое помещение. Консерватория жила единой жизнью со всеми остальными высшими учебными заведениями, не отставая ни в академическом, ни в политическом отношении от всего студенчества. В существовавшем тогда общестуденческом представительном органе — в Совете Советов — я был представителем от консерватории и живо помню тот интерес, какой проявляло студенчество в отношении нас — музыкальной молодежи.

В октябре 1907 года при Совете Старост консерватории была организована интересная многотомная литературно-художественная библиотека, но едва наступил 1908 год, как по приказу свыше, благодаря провокации одного из членов Совета, был сделан обыск в библиотеке в конце рождественских каникул, и там была найдена нелегальная литература; литература эта была — вопреки постановлению Совета Старост, — принесена певцом Глебовым; кроме того, был найден целый ряд революционных прокламаций к военным, что заставило подозревать в провокации ряд лиц, имевших возможность проходить в библиотеку в каникулярное время. Вслед за обыском последовали аресты т.т. Кибальчича и Волошиновой, моих помощников по ведению библиотеки. Меня почему-то не трогали, — и в конце января, после совместного с директором консерватории А. К. Глазуновым обследования библиотеки, с 1 февраля она начала функционировать. Появились некоторые радужные надежды. 6 февраля состоялось совместное заседание представителей от Совета Старост (пианистка Вейман, теоретик Саминский и я) с профессорами; достигли соглашения относительно необходимости Совета Старост и библиотеки, как общественных органов, но не политических. А 14 февраля, с «соизволения» князя Константина Константиновича, так называемого «лучшего из Романовых» — были упразднены и Совет Старост и библиотека... Царило глубочайшее убеждение, не рассеянное и поныне, что разгром этот был подсказан князю самими профессорами. На другой день в помещении столовой

была устроена грандиозная сходка. Объяснения Глазунова мало удовлетворяли нас, но мы отлично понимали, что против «власти» он так же беспомощен, как и мы. 22 февраля состоялось последнее собрание последнего Совета Старост (Вейман, Лилли, — пианистка, Гнесин, Гр., — певец, Кибальчич, В., — виолончелист, Саминский — теоретик, Гольдштейн — скрипач, Кукля — контрабасист, Голубев — флейтист и Пенна — органист), а через четыре дня арестовали и меня. Во время допросов, которым были подвергнуты очень многие консерваторцы, большинство их не проявило гражданской храбрости и все политические «вины» свалило на голову арестованных товарищей.

Во время моего вторичного допроса мне показаны были показания, данные моими товарищами, при чем вышеупомянутый Глебов, фактически виновный в появлении нелегальной литературы в нашей библиотеке, точно так же, как и другие, указывал, что дела библиотечные знали только те трое, которые ведали библиотекой.

В апреле мы все уже были на свободе, но то, что мы нашли в консерватории, было нерадостным. Атмосфера недоверия друг к другу, сознание присутствия в нашей среде явных и тайных провокаторов, — все это вызвало ряд товарищеских судов, оставивших самое тяжелое впечатление...

В середине лета 1908 года (5 июня) последовал совершенно неожиданный приказ о новом аресте и отправлении в ссылку Кибальчича, меня, члена ревизионной комиссии Перцова и пианиста А. Дроздова, принимавшего лишь косвенное участие в последних событиях консерваторской жизни. Что касается остальных членов Совета Старост, то им воспрещен был въезд в Петербург на два года. В действительности оказался в ссылке только Кибальчич, так как Перцов скрылся за границу своевременно, Дроздов был освобожден как крупная музыкальная величина, после долгих хлопот Глазунова; мне же, тоже после долгих хлопот, разрешили уехать за границу.

С этого момента у учащихся понемногу были отобраны все права и положения, завоеванные за последние годы. Единственная организация, которая оставалась у учащихся консерватории, была столовая, и так как столовая комиссия была выборной, то к ней по наследству перешли все общественные функции. Но, с течением времени и эта организация была выведена из стен консерватории, и вместе с ней были выведены и последние остатки общественности в среде музыкальных учащихся Петербурга.

Григорий Гнесин.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ¹⁾

ученика 4-го класса Охтенского (в СПб.) Технического училища А. Пертмана (1905—1907 гг.).

Описание бунта в Петербургѣ рабочими в 19⁰⁵ году ²⁾.

7-го января 1905 года забастовали рабочіе Путиловскаго завода вследствие отказа администраціи удовлетворить ихъ требованія. Послѣ этого забастовка возникла еще в нѣкоторыхъ заводахъ, и рабочіе, раздѣлившись въ группы, иногда даже въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, ходили по заводамъ и фабрикамъ и требовали прекращенія работъ, если же кто-нибудь изъ мастеровъ отказывалъ имъ въ этомъ, то они продѣлывали надъ нимъ разныя штуки. Такъ, например, толпа народу вошла въ одну наборную, мастерской гдѣ была одна женщина. Эта женщина не хотѣла прекратить работу, такъ ее рабочіе взяли и поставили внизъ головой постоять на нѣкоторое время. 8-го числа сего мѣсяца уже нигдѣ не работаютъ, даже мастерскія, гдѣ работаютъ нѣсколько человѣкъ и тѣ прекратили работу. Въ Петербургѣ нѣтъ никакихъ газетъ кромѣ «Правительственнаго Вѣстника». 8-го числа сего мѣсяца послали къ царю телеграмму въ Царское Село, чтобы онъ былъ 9-го января въ Петербургѣ въ 2 часа пополудни и наканунѣ ночью рабочіе, которыхъ собралось около 380,000 человѣкъ, пошли на мѣсто соборна, давали подписку и честное слово, что всѣ они готовы лечь за ихъ свободу. Я все это пишу, но про то, что было ихъ главной цѣлью я ничего не упомянулъ. По словамъ одного рабочаго, они требовали главнымъ образомъ свободу, а также 8-часовой работы, чтобы всѣмъ имъ платили одинаково, чтобы рабочіе входили также въ совѣщаніе работъ и т. д. Предводителемъ и глав-

¹⁾ Найдена в делах помощника (начальника) петербургскаго губернскаго жандармскаго управления в Ямбурге.

²⁾ Текст записок и заголовки приведены с сохранением орфографии подлинника.

нымъ защитникомъ рабочихъ былъ отецъ Григорій (Георгій. Редакция) «Гапонъ», кто онъ такой, вы, я думаю, уже знаете, и поэтому я и не буду повторять то же самое. 9-го января въ воскресенье утромъ уже на всѣхъ улицахъ стояли войска, главнымъ уже образомъ ихъ было около зимняго дворца. Утромъ того же числа шли рабочіе съ крестнымъ ходомъ изъ церкви. Впереди шелъ отецъ Григорій Гапонъ, шли рабочіе тихо толпой за крестнымъ ходомъ, какъ вдругъ раздался залпъ оружий и Григорій Гапонъ былъ бы убитъ, если бы не одинъ рабочій, который защитилъ Гапона своею грудью отъ *вражеской пули*. Во время крестнаго хода было убито около 300 человѣкъ. Царь долженъ былъ явиться въ Зимній дворецъ къ 2 часамъ пополудни; одни говорятъ, что онъ не пріѣхалъ, — что должно быть вѣрнѣе, другіе же говорятъ, что онъ пріѣхалъ, но его не допустило министерство.

Изъ рабочихъ были выбраны депутаты, которые должны были быть непременно около зимняго дворца для переговоровъ съ царемъ. На Невскомъ и около зимняго дворца собралось множество рабочихъ, которые шли толпами, мирно, тихо, никого не трогая, какъ вдругъ изъ Петропавловской крѣпости раздался залпъ орудій и нѣсколько десятковъ человѣкъ лежали убитыми и ранеными; черезъ нѣсколько же время раздался второй залпъ и опять же нѣсколько десятковъ человѣкъ легли отъ этого. Раненые и убитые были переведены въ аптеку, а оттуда уже при громкомъ крикѣ рабочихъ «ура» были перевезены въ больницу. Грустно было смотреть на это какъ наши лежали ранеными на извозникахъ. Послѣ этого на Невскомъ и вообще по всѣмъ улицамъ началась рѣзня. Конница съ пашками на голо скакала во всю прыть на бѣдныхъ безоруженныхъ рабочихъ и тѣснила народъ, убивали ихъ, и даже на панеляхъ не было проходу. Я былъ в это время на Невскомъ и попалъ тоже подъ эту рѣзню, — если бы однѣ двери парадныя, недалеко отъ которыхъ я наблюдалъ, были бы не отперты, то отъ меня также въ живыхъ не было. Сколько раненыхъ и убитыхъ было въ этотъ день, я ужъ не могу вамъ сказать, но изъ разговоровъ я слышалъ, что убитыхъ было болѣе тысячи человѣкъ (не считая) раненыхъ, которыхъ было куда больше. Грустно было смотрѣть на это происшествіе, когда на извозникахъ везли раненыхъ, особенно когда повезли одну маленькую раненую лѣтъ 7—8 дѣвочку, она кричала отъ боли и ее также проводили громкимъ крикомъ «ура». Послѣ этого народъ и самъ сталъ нападать на офицеровъ и генераловъ. Такъ напримеръ одному сѣдому генералу, который проѣзжалъ по Невскому проспекту на извозникѣ, пустили сороковкой по плечку, такъ, что фуражка его упала и генераль еле удержался на санияхъ, на головѣ у него была большая рана.

Примечания к запискам А. Пертмана.

Помещенная выше запись «из записной книжки ученика А. Пертмана», не представляя собой ничего нового в фактическом отношении; очень ценна, как документ, свидетельствующий о степени влияния событий 9-го Января 1905 года на психику учащейся молодежи, современной событиям.

Что автор заметки еще подросток, говорит его положение ученика 4-го класса, в котором, судя по жандармской дате, он находился в 1907 году и, следовательно, в 1905 году был в возрасте не старше 15 лет.

Характер же суждений и употребляемые им выражения свидетельствуют об «обывательской невинности», не тронутой никакою пропагандою, и о духовном пробуждении его молодой и пылкой натуры.

Чувство автора записок и его мысли на стороне поднявшихся рабочих. Все, что связано с их действиями, ему представляется и записано им в соответствии с его личным настроением, обусловленным молодым и живым воображением. Его наблюдения очень незначительны, и все краткое описание основано на слухах, очень близких к истине за исключением цифровых данных и некоторых преувеличений, в которые я позволю себе внести поправки.

Автор говорит о женщине, вероятно исполнявшей должность мастера, которая, за нежелание подчиниться требованию о прекращении работы, была «поставлена вниз головою постоять на некоторое время». Можно сильно сомневаться, чтобы такой факт имел место в действительности. Насколько мне помнится, насильственное снятие рабочих с работ перед 9-м января отсутствовало и, думается, что указанный способ воздействия есть плод пылкого воображения автора, обусловленного его сочувствием рабочим и каким-либо незначительным столкновением с административным лицом.

Затем — геройское самопожертвование рабочего, защитившего Гапона ¹⁾ «своею грудью от вражеской пули». Как нам досто-

¹⁾ Участники событий 9 Января 1905 года заявляют, что Г. Гапон не был ранен в манифестации. Вместе с тем следующее обстоятельство наводит на мысль о его ранении.

После девято-январских событий Гапон скрылся за границу, жил в Женеве. Особый отдел департамента полиции 2-го февраля 1905 года предписал розыскным циркуляром за № 1145 своим вассалам — губернаторам, жандармам и проч. разыскивать Гапона, если он появится в России, и арестовать. В циркуляре были сообщены приметы Гапона, среди которых циркуляр отмечает:

«На левой руке ниже последнего сустава с наружной стороны указательного пальца свежая (курсив наш. Ред.) пулевая рана».

Редакция.

верно известно, Гапон шел 9-го января 1905 года в первом ряду Нарвского отдела «Собрания Русских Фабрично-Заводских Рабочих С.-Петербурга», при чем шедшие в первом ряду образовали цепь, взяв друг друга за руки. Рядом с Гапоном в цепи с одной стороны шел Д. Кузин, поныне здравствующий, а с другой председатель правления собрания И. Васильев, сраженный на смерть первым ружейным залпом солдат.

Впереди же шествовал один из рядовых членов Нарвского отдела «собрания» рабочий Лаврентьев с царским портретом в руках, но пули не пощадили старика Лаврентьева, изрешетили и царское изображение.

Геройское чувство автора-юноши дополнило эту картину соответствующим подвигом рабочего, спасшим Гапона, как главного «предводителя и защитника рабочих».

Что же касается пушечной пальбы по народу из Петропавловской крепости, то о таковой говорить не приходится, она безусловно не имела места. Представление о действии пушек, возможно, создалось у автора от слухов о выдвинутых на позиции пушках, для защиты входов в Петропавловскую крепость.

В заключение нельзя обойти молчанием определения «главной цели» движения 9-го января 1905 года, указанной в записке юного современника событий. «Они (рабочие. Н. В.) требовали главным образом свободу, а также 8-часовые работы и чтобы рабочие входили в совещание работ». Так он говорит со слов «одного рабочего». Такое оправдание мотивов движения мне сильно напоминает толкование рядовых членов «Собрания», которые, в числе до 12-тысяч человек, рассыпавшись в те исторические дни по улицам Петербурга, давали всем желающим и нежелающим объяснения именно в таком смысле. Наблюдать и слышать это приходилось в дни, предшествовавшие 9-му января 1905 года в Выборгском районе и в последние часы, перед расстрелом, у Зимнего дворца. В указанное время здесь преобладали члены Выборгского отдела «Собрания», из которых все, более или менее, мне были известны, и, восстанавливая в памяти происходившее, могу говорить об их бесхитростной, до мольбы убедительной, и волнующей агитации за цели движения.

Николай Варнашев ¹⁾.

¹⁾ Автор — рабочий, Варнашев, Николай Михайлович, участник событий 9-го января 1905 года и гапоновского движения петербургских рабочих.

Редакция.

К ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ УЧАЩИХСЯ СРЕДНЕ- УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ПЕТРОГРАДЕ в 1917—1918 г.г.

«О. С.-У. З.» при партии с.-р. и РЛКСМ.

В 1917 году, в момент, когда началось массовое движение рабочей молодежи в Петрограде, параллельно с этим движением самостоятельно вышло на арену политической жизни и массовое движение петроградских учащихся средне-учебных заведений.

До Февральской революции 1917 года движение учащейся молодежи внесло много ценного в движение рабочего класса. До некоторой степени революционное движение учащейся молодежи дало много честных работников пролетарской революции, которые в настоящее время находятся в первых рядах рабочего класса и углубляют дело социальной революции.

Эта группа революционной учащейся молодежи, хотя в своем большинстве и вышла из рядов мелкой буржуазии, но она давно порвала с мещанскими традициями и рука об руку с пролетариатом кует новый быт, творит новое общество.

Большинство же учащейся молодежи, эти выходцы из мещанства и мелкой буржуазии, долго еще вредили развитию революции, стараясь удержать ее на середине. Об этом большинстве учащейся молодежи, об ее движении и нужно сказать, документально вскрыть их контр-революционную работу.

Волны Февральской революции 1917 года всколыхнули все слои и прослойки населения России. Если рабочая молодежь вышла на улицу со своими специальными требованиями: «6-ти часовой рабочий день», «охрана труда малолетних», «обучение за счет государства», «избирательное право», то не те стремления, не те цели были положены в основу движения учащейся молодежи средней школы.

В поголовном большинстве эта молодежь по своему ненавидела монархию, но по своему рассматривала и движение рабочего класса.

Отцы учащихся средней школы были купцы, чиновники, землевладельцы и т. д., в общем все те, кто мог платить за обучение своих детей.

Экономическое положение подавляющего большинства рабочих и крестьян до 1917 года не давало им возможности «вывести в люди» своих детей, это для них было несбыточной мечтой.

А средняя школа при царском режиме только за право обучения в ней ежегодно требовала, по данным отчета министра просвещения за 1914 учебный год, с каждого ученика (цифры по России):

в мужской гимназии в среднем . . .	100 руб. в год
» женской прогимназии » от 60 до 95 » » »	
» реальном училище	100 — 150 » » »

Дальше этот царский министр, приводя сословную статистику учащихся, докладывает, что в этих училищах обучается детей: мещан и цеховых — 29%, крестьян — 27%, столбовых и прочих дворян — 54%.

Конечно, под мещанами и цеховыми этого отчета мы не подразумеваем рабочих, ибо мы знаем, что цеховой ценз имел лишь тот, кто имел мастерскую и держал наемных рабочих. К процентному количеству крестьян отчета мы тоже относимся критически, ибо многие торговцы числились крестьянами и мещанами и имели собственные многоэтажные дома в Петрограде.

Еще дальше в своем отчете министр говорит, что в среде учащихся в высших начальных школах и в школах технических преобладает крестьянство, «ввиду ничтожной платы за учение».

Плата за учение в этих школах была за ученика от 25 руб. до 75 руб. в год.

Но и эту роскошь, поучить своих детей в высшей начальной школе, не всякий крестьянин мог себе позволить.

Дети чиновников, дворян, купцов наполняли средние школы до 1917 года, и только Октябрь 1917 года влил в средние школы детей потомственных рабочих и крестьян-землепашцев.

Надо отметить, что учащаяся молодежь в средних школах царского режима все же ненавидела эту пензовую школу, ненавидела царских чиновников, запрещавших ей читать «вольные книжки».

Она ненавидела режим этой школы, в которой даже взрослому ученику без разрешения инспектора школы запрещали посещать театры, гулять по вечерам на улицах города и т. д.

В царской средней школе царил жестокий режим и, естественно, почему ученики этой школы вышли в дни Февральской революции 1917 года на арену общественной жизни с лозунгами: «Реформа школы!», «Долой провокаторов педагогов!»

Этот «февральский» подъем движения учащихся средне-учебных заведений был учтен партией эс-эров и при ее активнейшем участии был организован в Петрограде в марте 1917 года «средне-школьный союз учащихся» или «организация учащихся средне-учебных заведений» (О. У. С.-У. З.).

Из наших бесед с активными работниками этого Союза (ныне члены Р.К.П.(б)¹⁾ выяснилось, что инициатива создания этой организации исходила от учеников гимназии Лентовской.

Среди учеников этой гимназии, инициаторов движения, многие уже тогда примыкали к политическим партиям, конечно, к более родным им по духу и интересам, к партиям эс-эров, меньшевиков и ка-детов. Если среди них случайно и попадали ученики, сочувствующие большевикам, то такие ученики были в абсолютном меньшинстве, и в дальнейшем, потерпев в рядах Союза учащихся поражение, вышли из этой организации.

Группа учащихся «лентовцев» в марте 1917 года повела агитацию по училищам Петрограда и объединила всю учащуюся молодежь средней школы. Ученики старших классов стали организовывать в своих училищах ученические советы, избирали своих представителей в педагогические советы при школах, и по одному представителю на делегатское собрание. В этих выборах и организационной работе могли участвовать лишь ученики 5-го, 6-го и 7-го классов, остальные ученики имели право сотрудничать в предприятиях организации.

Делегатское собрание, собравшись впервые 26-го марта 1917 года, избрало Центральную Управу и приняло устав (текст его см. в приложении).

Представители учеников средней школы имели места и в районных отделах народного образования, и во всех учреждениях, связанных с работой по школам. Не забыли они также делегировать своих представителей и в районные продовольственные управы.

К ноябрю 1917 года Союз учащихся, по словам бывших активных работников Союза, лишь в одном Петрограде насчитывал 30.000 членов.

С начала возникновения Союза члены его рассматривали свой Союз, как «профессиональный союз учащихся» и в свои ряды принимали всех учащихся старших классов средней школы.

Организовав чисто культурническую организацию и успокоив себя мыслью в том, что Союз будет помогать некультурному русскому народу, члены его не определили своей политической физиономии.

Все розовые мечты романтично настроенных гимназистов разлетелись в пух, когда этому Союзу пришлось в процессе дей-

¹⁾ Ис. Татаров-Каган, М. Цвибак, Коган.

ствительной революционной работы строить новую школу, быт и так или иначе реагировать на ход политических событий.

Уже в процессе работы Союза в том, как улучшить положение в школе и изгнать учителей-чиновников, ратовавших за возвращение старого царского правительства, группа интернационалистов-учащихся, будучи в абсолютном меньшинстве, встала на классовую точку зрения и внутри Союза образовала свою фракцию.

Нам известно, что многие учащиеся интернационалисты еще в 1918 году, в период, когда работал 2-й Петроградский Комитет Социалистического Союза молодежи, подымали в этом Комитете вопрос о присоединении к Социалистическому Союзу рабочей молодежи учащихся-социалистов средней школы. При деятельном участии Ис. (Н.) Татарова и Зинаиды Бронштейн (в то время социал-демократки-интернационастки) был образован Союз учащихся-социалистов в самом Союзе учащихся средней школы.

В этот Союз учащихся-социалистов вошли, главным образом, ученики, идейно примыкавшие к партии социал-демократов интернационалистов и левые эс-эры.

Этот Союз в Союзе смог просуществовать недолго и, не оформившись, вскоре развалился. С.-д. интернационалисты-учащиеся во главе с З. Бронштейн и Ис. (Н.) Татаровым вошли в ряды членов Социалистического Союза рабочей молодежи, где активно принимались за работу.

Группа с.-д. интернационалистов-учащихся не смогла повлиять на учащуюся молодежь, детей мелкой буржуазии, и весь Союз учащихся средней школы подпал под идейное руководство более родных ему по духу буржуазных партий.

Формально «Организация учащихся средне-учебных заведений» была организацией «внепартийной», как она себя именovala, и имела чисто культурнический уклон.

Но коль скоро внутри этой организации стали формироваться из более активных членов организации, партийные фракции, то само собой понятно, что вся организация стала подпадать под то или иное политическое влияние.

По словам активных работников этой организации, ныне членов Р.К.П.(б), организация учащихся средне-учебных заведений в период 1917—18 учебного года была под влиянием эс-эров, а изредка ею пользовались и ка-деты.

К Октябрьским дням 1917 года эта организация отнеслась враждебно, ибо влияние правых эс-эров и ка-детов было на нее весьма сильное, да и по своему составу вся организация была мелко-буржуазна, поэтому весь Союз поддерживал саботирующую интеллигенцию.

Уже много позднее эта организация начала «сотрудничать» с революцией, и ее представители вошли в «Колдуч» (коллекцию

по делам учащихся при Народном Комиссариате Просвещения), а свое название изменила на «Союз учащихся единых трудовых школ» (Суетш) и быстрыми шагами, в силу своей ненужности в ходе развития революции, пошла к развалу.

Этому развалу организации О.У.С.У.З.а способствовали еще и те чисто фракционные разногласия, которые разгорелись в ее рядах в момент политических событий, когда революция развернулась, как социальная.

Рабочий класс к тому же побеждал.

В 1919 году организовался Союз учащихся петроградских единых трудовых школ (Супетруш), который в дальнейшем своим полным составом вошел в ряды Р. Л. К. С. М.

Организация же Суетш, как звено из цепи буржуазных организаций молодежи, по распоряжению Народного Комиссариата Просвещения в 1919 году была закрыта.

В руках у нас имеются скудные сведения о деятельности всей петроградской организации учеников средне-учебных заведений (О.У.С.У.З.), но они все же дают картину движения учащихся средней школы после Октября 1917 года.

Они ушли в стан врагов рабочего класса.

Мы знаем судьбу учащейся молодежи, ушедшей в лагерь ка-детов.

Рабочая молодежь имела удовольствие померяться силами с этой группой, вставшей после Октября 1917 года в ряды контр-революции.

Другое дело проанализировать деятельность учащейся молодежи, оставшейся «сотрудничать с революцией».

Когда в среднешкольном союзе учащихся возникли партийные группировки, большая часть учащейся молодежи ушла в лагерь социалистов-революционеров. Эта молодежь назвала себя организацией учащихся средне-учебных заведений при партии социалистов-революционеров в Петрограде (Осуз с.-р.). Организация этой с.-р. группы учащихся относится к 23 сентября 1917 года. В этот день было первое заседание городского комитета этой организации.

Усердно помогают они своей партии в агитационной кампании по выборам в Учредительное Собрание, развозят и распространяют эс-эровскую литературу, организуют концерты-митинги и зорко охраняют интересы своей партии.

В момент, когда их покровительница, партия эс-эров, была кумиром Февральской революции, то члены этой эс-эровской организации учащихся посылали своих делегатов всюду, что видно из протокола заседаний городского комитета, например, одно из его постановлений:

«Т. Савичу заняться формированием группы для слушания курсов о технике выборов в Учредительное Собрание» (протокол № 1 от 23-го сентября 1917 года).

Эти «курсанты», прослушав здесь цикл лекций, едут в провинции России и агитируют там, руководя выборами в Учредительное Собрание.

Протоколом № 2 от 28-го сентября 1917 года с.-р. «осузовцы» намечают весь план работы для своей организации:

ПРОТОКОЛ № 2

заседания городского комитета организации средне-учебных заведений при партии соц.-рев. 28-го сентября 1917 года. Председатель Савич, присутствовали: Виткин, Лаврентьев, Калистратов, Рапопорт, Оцун, Цвибак, Черкесов, Чернов, Шиловская, Шполянский, секретарствует Изачик.

Слушали: Об организации работы.

Постановили: А) Выделить следующие отделы:

1. Секретариат: финансы, статистика, справки, сношения с организациями, учреждениями и лицами по вопросам, касающимся общего направления организации, концентрация всех сведений и учет работы.

2. Отдел помощи партии: общая помощь при выборах в Учредительное Собрание, работа в разного рода партийных бюро, распространение литературы, помощь демократ. учреждениям, подготовка специальных работников, привлечение работников.

3. Культурно-просветительный отдел: культ.-просв. работа среди членов организации и среди учащихся, организация клуба, кружков, читален, библиотек, лекций, курсов.

4. Агитационно-пропагандистский отдел: агитация и пропаганда, в частности среди учащихся, подготовка агитаторов и пропагандистов.

5. Иногородный отдел: сношения с организациями и издательствами, других городов.

6. Отдел общих сношений: особые поручения комитета спасения с О. С. У. З. и другими организациями.

В) Поручить заведывание отделами:

1. Секретариат: т. Уманскому с правом привлечь к работе членов организации.

2. Отдел помощи партии: т.т. Лаврентьеву, Калистратову и Чернову.

3. Культурно-просветительный отдел: т.т. Оцу и Шкловскому.

4. Агитационно-пропагандистский отдел: т.т. Рапопорту, Цвибаку и Черкесову.

5. Иногородный отдел: т. Изачику.

6. Отдел общих сношений: Президиуму.

Председатель Н. Савич. Члены Комитета: В. Чернов, С. Виткин, Шполянский, В. Черкесов. Секретарь Изачик.

Перед Октябрьским переворотом 1917 года этот Союз раскололся на левых и правых: одни стояли за власть Советов, а другие против, образовался и колеблющийся центр.

При этом отмечаем, что известный с.-р. В. М. Чернов был центром в партии с.-р., а сын его, Б. Чернов, был центром с.-р. в организации учащихся. Оба они сыграли главнейшую роль в своих организациях.

На назревающие октябрьские события правая часть с.-р. Союза учащихся и его центр реагируют совместно:

«Организовать дружину для самозащиты и помощи партии в связи с переживаемыми событиями» (протокол № 10 от 23-го октября 1917 года).

Организовать эту дружину поручают Шполянскому, Рапопорту и Изачику и для этого предоставляют им необходимые денежные суммы.

Нужно отметить, когда партия эс-эров, воспользовавшись услугами учащейся молодежи, организовала из них боевую дружину для борьбы с революционными рабочими, более честные из учащейся молодежи, примкнувшие к левым эс-эрам, раскололи эту боевую дружину, и часть их вместе с тов. Рапопортом отдала себя в распоряжение Смольного, т.-е. примкнула к Красной Гвардии, остальные же пошли в ряды контр-революции.

Так ответили послушные детки мелко-буржуазной партии на готовящееся восстание рабочих.

Рабочая же молодежь Петрограда без призыва пополнила собой ряды Красной Гвардии, верная своему классовому долгу.

После постановления организовать дружину заседания городского комитета с.-р. ОСУЗ'а прерываются до 2 ноября 1917 года.

В этот перерыв их покровительница, партия эс-эров, вела вооруженную борьбу с восставшим пролетариатом. Вероятно и ее послушный сынок, эс.-эровский ОСУЗ, сражался в рядах юнкеров и прочих контр-революционеров против пролетариата.

Побитыми выходят из этой схватки наши «герои», но тут их постигает беда — из рядов с.-р. ОСУЗ'а бегут и перевыборы городского комитета этой организации за перевыборами так и следуют друг за другом.

Наконец, оправившись от своих потерь, эта организация начинает выкристаллизовываться и становится еще контр-революционнее.

В момент саботажа интеллигенции, когда она, недовольная властью рабочих, бросала свою работу и не посещала целыми месяцами учреждения и даже бастовала, борясь против Советской власти (городские служащие, учителя), ОСУЗ на собрании своим постановил:

«В виду объявлений советом педагогических советов и Союзом Союзов забастовки преподавателей во всех средне-учебных заведениях, для поддержки бастующих (против Советской власти, понятно, Г. Д.) городских служащих, городской комитет (ОСУЗ'а. Г. Д.), оставаясь на точке зрения, выраженной в резолюции общего собрания от 4—XII 1917 г. ¹⁾, вместе с тем считает необходимым оказание поддержки преподавателям путем присоединения к забастовке». (Протокол № 18 от 17—XII—1917 г., § 2.)

¹⁾ Резолюция эта до нас не дошла. Гр. Др.

В момент ожесточенной борьбы классов эта группа учащейся молодежи с.-р., ОСУЗ, вскрыла свою природу, встав в ряды контр-революционеров.

На следующем заседании эта группа буржуазной молодежи решила выступить в демонстрации против Советов с лозунгом: «Вся власть Учредительному Собранию».

«Поместить заметку в «Дело Народа» ¹⁾, приглашающую членов организации принять участие в манифестации 5-го января 1918 года под лозунгом: «Вся власть Учредительному Собранию». (Протокол № 19 от 3-го января 1918 года § 1.)

К этому времени политические события приобретают напряженный характер.

Немцы повели наступление на фронте, заняли Украину и приближались к Пскову. Нужно было защищать революцию, ибо она могла быть раздавленной сапогом немецкого юнкерства. В Петрограде и во всей России Советы депутатов формировали отряды, дружины для защиты революции, а буржуазная молодежь из с.-р. ОСУЗ'а радовалась наступлению немцев на Украину и осложнению дипломатических сношений РСФСР с Финляндией.

На призыв Советов защищать революцию эти буржуазные сынки ответили: «ни одного солдата не давать из рядов ОСУЗ'а»:

«Ни санитарных, ни боевых дружин из состава организации не формировать. Присоединиться в этой работе к ОСУЗ'у как к профессиональному союзу учащихся». (Протокол № 24 от 6-го марта 1918 года, § 6.)

Когда дело касалось власти, они участвовали в демонстрации, когда нужно было поддержать власть учредилок, они организовывали отряды для самозащиты и помощи партии с.-р., если нужно было защищать революцию, то «мы, учащиеся — профессиональный Союз, от политики далеки».

В дальнейшем ход революции вскрыл этих «профессионалистов» из эс-эровского лагеря. В Самаре, желая удержать власть Учредительного Собрания, эс-эры при приближении чехословаков выступили против Советской власти с оружием в руках и расстреливали храбро защищавших Советскую власть рабочих.

* * *

Не такая, по природе, была учащаяся молодежь из лагеря ка-детов (буржуазной партии «Народной свободы»).

Эта фракция в организации учащихся средне-учебных заведений (ОУСУЗ) была не менее сильна, как качественно, так и количественно.

Эта молодежь, происходя по своей природе из рядов крупной буржуазии, сразу заговорила языком Милюкова, Гучкова и прочих

¹⁾ Газета партии с.-р.

министров-капиталистов, заинтересованных в ведении войны до победы, чтобы, с одной стороны, подавить революционное движение рабочих, а с другой, оставить власть в своих руках.

В таком вот духе эта ка-детствующая молодежь оказывала влияние на организацию учащихся средне-учебных заведений Петрограда.

В момент, когда усталая русская армия ожидала от Временного Правительства окончания империалистической войны, ка-детствующая молодежь, пользуясь поддержкой буржуазных социалистов, кричала о войне до победы. Под ее давлением организация ОУСУЗ послала письмо учащимся Франции, добровольно ушедшим на фронт грабить и добивать усталую Германию.

«Дорогие товарищи!

В час национальных невзгод и испытаний, когда благородная Франция истекает кровью в борьбе за право и справедливость и когда французская молодежь, встав в ряды армии, чтобы на полях Марны и Эна смешать свою кровь с кровью своих братьев и отцов, имеет счастье защищать свою Родину, — русская учащаяся молодежь шлет вам свой горячий привет и искреннее сочувствие.

Мы верим, что бодрость и стойкость французской нации помогут ей перевести национальное несчастье ¹⁾.

*Центральный комитет Организации
учащихся гор. Петрограда.*

Председатель Миркин.»

Когда же рабочий класс захватил власть в свои руки, то ему некогда было думать о «мелочах», борьба с капиталом продолжалась, эта ка-детствующая учащаяся молодежь объединилась в особую организацию: фракция учащихся средне-учебных заведений партии «Народной Свободы», в органе Петроградского Комитета, которой «Новь» (№ 1 от 25-го января 1918 года) обрушилась на подчинившихся силе рабочего класса бастовавших учителей и ярко выразила свою контр-революционную сущность и таковую же сущность ОСУЗ'а.

Вот, что писала «Новь»:

«Петроград, 20-го января.

Прекратилась забастовка средней школы, объявленная учительскими организациями в декабре месяце в ответ на затяжку созыва Учредительного Собрания и аресты, произведенные большевистской властью среди его членов, она прекратилась теперь, когда Учредительное Собрание разогнано, а видные члены его, А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин, зверски убиты.

— Как объяснить эту «удивительную последовательность» Союза Учительских Делегатов? — вот вопрос, который задавался многими ораторами

¹⁾ Подлинник этого письма, на французском языке, хранится в Ленинградском истмоле.

на последнем заседании Центр. Ком. ОСУЗ., но который, к сожалению, до сих пор остался без ответа.

И невольно задаешь себе другой вопрос: не дрогнуло ли русское учительство, не оказали ли на него влияние угрозы Смольного и приказы г. Дунаевского? — Будем надеяться, что в скором времени мы получим ответ на этот всех нас волнующий вопрос.

Вообще раздробленность учительства и постоянная вражда между отдельными учительскими организациями сделали то, что забастовка прошла далеко не так гладко, как этого следовало бы ожидать.

Мы считаем, что для того, чтобы средняя школа была организована и едина, нужно объединенное, дружное учительство, всегда находящееся в общении и контакте с учащимися. И как бы хотелось, чтобы эта простая идея была, наконец, усвоена и чтобы Центральная Управа ОСУЗ — предприняла какие-нибудь шаги к ее осуществлению.

В заключение учащаяся ка-детствующая молодежь обратилась с воззванием ко всем учащимся сплотиться вокруг лозунгов: «Народная Свобода, Народоуправство права человека...»

Как далеки были мечты этой молодежи от действительности! Уже все трудящееся население России убедилось в народоуправстве ка-детов, когда их вожди Гучковы, Милуковы были у власти.

Пролетариат-гегемон, объединившись с крестьянином, создал из действительных представителей трудящихся власть Советов и прогнал со своей территории «волков в овечьей шкуре».

Когда разгорелась гражданская война, эти «народоуправцы» все оказались в рядах контр-революции.

Руководители буржуазного движения петроградской учащейся молодежи: ка-деты С. М. Айзенштадт, Л. В. Белоусов, до сих пор среди белогвардейской эмиграции.

Некоторые члены из ОСУЗ'а, ранее бывшие в группе социалистов-революционеров, вошли в ряды Р.К.П. (б), а некоторые, в роде «храброго» Изачика, расстреляны, как контр-революционеры, рукою рабочих и крестьян.

Закрепляя власть Советов, расширяя свое влияние, рабочая молодежь вбила осиновый кол в особое движение учащейся молодежи, которая не примкнула к единому коммунистическому течению и не встала под знамя III Коминтерна.

Григорий Дрязгов.

Приложение.

У С Т А В

организации ¹⁾ средне-учебных заведений, утвержденный Общим Собранием Центрального Комитета 26-го марта 1917 года.

1. Цель организации.

§ 1. Организация средне-учебных заведений создана для установления прочной связи между учащимися и учащими во имя обновления средней школы на началах свободного самоопределения, самообразования и саморазвития; для выяснения нужд учащихся относительно педагогической поста-

¹⁾ О. С. У. З'а.

новки школьного дела, для устройства школьной жизни учащихся, для помощи государству.

§ 2. Для осуществления своих целей организация средне-учебных заведений:

а) устраивает лекции, чтения, кружки, по всем отраслям науки и родам искусств, издает журналы, газеты, устраивает клубы, библиотеки, читальни, экскурсии и т. д.;

б) входит в сношения по предложению учащихся данного учебного заведения с педагогическими и попечительными советами и родительскими комитетами для защиты интересов учащихся и для предупреждения каких бы то ни было недоразумений;

в) стремится к улучшению экономического положения учащихся и для этого организует кассы взаимопомощи, бюро труда, кооперативы и т. д.;

г) организует применительно к нуждам момента трудовые дружины и культурно-просветительные группы;

д) стремится распространить свою деятельность по всей стране, для чего организует съезды делегатов учащихся и входит в сношения через уполномоченных членов организации и другими способами с другими организациями учащихся других городов.

II. Состав организации.

§ 3. Членами организации ср. уч. зав. (Петрог. отд.) могут быть все учащиеся старших классов ср. уч. зав. города Петрограда и его пригородов.

Примечание. Старшими классами считаются в восьмиклассных уч. зав. 6, 7 и 8, в семиклассных — 5, 6 и 7; уч. же всех других классов могут быть сотрудниками без права решающего голоса.

III. Управление делами организации.

§ 4. Каждое уч. зав. избирает ежегодно представителей по числу старших классов данного уч. зав., из коих составляется Центральный Комитет.

Примечание. Выборы производятся поклассно или на общем собрании учащихся старших кл. данного уч. зав.

§ 5. Центральный Комитет является законодательным органом, определяющим деятельность организации.

§ 6. Центральный Комитет избирает из числа своих членов постоянный президиум в количестве семи человек: Председателя, 2-х товарищей Председателя и 4-х Секретарей, при чем Председатель и товарищи Председателя входят в состав Управы с правом совещательного голоса, Секретари же могут быть избраны в Управу на общем основании.

§ 7. Председатель и его Товарищи избираются на полугодие, а Секретари на весь учебный год.

§ 8. Председателю в случае повторного разделения голосов поровну предоставляется право решающего голоса.

§ 9. Центральный Комитет созывается Президиумом по требованию Управы, Ревизионной или 30 членов Центрального Комитета для обсуждения внесенных предложений и текущих дел.

Примечание. 30 членов Центрального Комитета требование свое препровождают в Президиум, который сообщает о нем Управе; требование созыва Общего Собрания должно быть приведено в исполнение в недельный срок.

§ 10. Очередные Общие Собрания созываются 4 раза в уч. г. каждые два месяца.

§ 11. Чрезвычайные Общие Собрания созываются в порядке, установленном выше (§ 9).

§ 12. Общее Собрание, как обыкновенное, так и чрезвычайное, считается состоявшимся, если в нем присутствуют не менее одной трети всех делегатов.

§ 13. Если Собрание не состоится вследствие неприбытия установленного числа делегатов, то не позже недельного срока для обсуждения тех же дел назначается вторичное Общее Собрание, которое считается состоявшимся независимо от числа явившихся делегатов, о чем все делегаты поставляются в известность в приглашении на Собрание.

§ 14. Члены Центрального Комитета делятся на районные комитеты по месту нахождения их уч. зав. Задачей этих комитетов является организация порайонных работ, участие в которых принимают все члены организации.

Примечание. Районы точно определяются Управой.

§ 15. Районы для удобства работы делятся на секции при чем однородные секции разных районов должны объединиться. Районам и секциям предоставляется право самостоятельного внутреннего устройства и работы.

§ 16. Исполнительным органом организации является избираемая ежегодно Управа (Исполнительный Комитет), составленная из выборных от районов по два от каждого района, по одному от секции, шесть членов, избираемых Центральным Комитетом (Общим Собранием Делегатов), при чем Управе предоставляется право кооптации по утверждению Центральным Комитетом.

Примечание 1. Все выборы должны утверждаться Общим Собранием, при чем десять членов Центрального Комитета могут требовать закрытой баллотировки.

Примечание 2. Выборными от районов и от Центрального Комитета могут быть лишь члены Центрального Комитета, выборными же от секций могут быть все члены организации.

§ 17. На обязанности Управы лежит:

- а) попечение об увеличении средств организации и о возможном достижении ее целей;
- б) устройство учреждений, отвечающих целям организации и управление ими;
- в) установление правил внутреннего распорядка, делопроизводства, счетоводства и отчетности организации;
- г) сношение с различными учреждениями и лицами по делам организации;
- д) приведение в исполнение постановлений Центрального Комитета;
- е) представление на рассмотрение и утверждение Общих Собраний отчета, а также составление сведений о деятельности всех учреждений организации;
- ж) рассмотрение заявлений отдельных делегатов;
- з) предварительная разборка всех вообще дел, вносимых в Общее Собрание;
- и) руководство работами районов и секций.

§ 18. Заявления о неправильности выборов подаются в Управу в письменной форме за подписью не менее 50 делегатов не позже 2-х дневного срока со времени производства выборов. Поводами к кассации могут служить:

- а) неправильный подсчет записок;
- б) обнаружение отсутствия установленного числа делегатов.

IV. Средства организации.

§ 19. Средства организации состоят из:

- а) единовременных и ежегодных поступлений, вносимых отдельными учебными заведениями без определения их размера;
- б) процентов на капиталы организации;
- в) доходов от устраиваемых организацией публичных лекций, чтений, концертов, от издания газеты, журналов и т. п.;
- г) пожертвований.

§ 20. Все поступающие в организацию суммы делятся на капиталы: основной и оборотный.

Примечание. Кроме того организации предоставляется образовывать по постановлению Центрального Комитета капиталы, имеющие специальное назначение.

§ 21. Основной капитал составляется из 10% всех поступающих в организацию сумм.

V. Ревизия дел организации.

§ 22. Для ревизии всех дел организации, а равно денежных сумм, документов и книг организации Центральный Комитет ежегодно избирает из числа делегатов, не состоящих членами Управы и Президиума Ревизионную Комиссию, состоящую из пяти членов. О результатах ревизии Комиссия составляет протокол и доклад Центральному Комитету.

§ 23. Ревизионная Комиссия имеет право делать ревизию по своему усмотрению по поручению Центрального Комитета Управы, а также по письменному о том, с указанием оснований, требованию не менее тридцати делегатов.

VI. Изменение устава.

§ 24. Изменение и дополнение настоящего устава вносятся на рассмотрение Центрального Комитета Управой, по своей инициативе или по предложению не менее 30 членов Центрального Комитета.

Примечание. Вопрос об изменении и дополнении устава может быть решен лишь абсолютным большинством не менее $\frac{2}{3}$ присутствующих в собрании членов.

VII. Ликвидация дел организации.

§ 25. Если по каким-либо обстоятельствам организация прекратит свою деятельность и будет признано необходимым ликвидировать ее дела, то вопрос этот решается в Центральном Комитете. Могущие остаться по ликвидации дел капитал и имущество получают назначение согласно постановления того же Общего Собрания Центрального Комитета.

СТРАНИЦА ИЗ ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ ПЕТРОГРАДСКИХ УЧАЩИХСЯ-КОММУНИСТОВ.

(1918—1919 гг.)

Нам в руки случайно попали два доклада — один из них об организации и работе в 1918 году секции учащихся-коммунистов 2-го городского района Петрограда. (секция эта была при 2-м городском районном комитете Р. К. П. (б)), и второй — о деятельности 2-го городского района Петроградской городской организации Р. К. Л. С. М в 1919 году.

Ниже излагаем самое характерное и интересное, взятое нами из этих докладов и рисующее работу учащихся-коммунистов Петрограда.

По инициативе В. Сорокина 29-го октября 1918 года при трудовой школе, бывш. 5-ой гимназии, был организован коллектив учащихся, сочувствующих Р. К. П. (б). Вначале эта ячейка насчитывала 4 члена. Работе ее мешали все, начиная с преподавателей и кончая учениками. Ячейка не унывала, агитировала, отношение к ней изменилось, в ряды ее вступали новые члены, число их достигло 12 человек, и с нею уже начали считаться, ничто в школе без ее участия уже не делалось.

Вскоре агитаторы этой ячейки вошли в контакт с учениками из соседних училищ. Организована была ячейка в трудовой школе бывш. Демидовской гимназии — в 10 человек, затем в бывшей 2-ой гимназии и других.

7-го декабря при районном партийном комитете 2-го городского района состоялось организационное собрание секции учащихся, коммунистов при указанном партийном комитете. Ко дню этого собрания в 5-ти трудовых школах уже были коммунистические ячейки учащихся. На этом собрании было выбрано бюро секции: организатором был избран В. Сорокин, секретарем — Паранычев, агитатором — Варновский.

Бюро это вошло в контакт в своей работе с партийным районным комитетом и с культурно-просветительным отделом районного совета 2-го городского района. Этот отдел оказывал бюро непосредственную помощь при организации ячеек учащихся-коммунистов в школах района, в устройстве лекций и совместно с бюро секции учащихся-коммунистов создал школьную секцию при районном Совете.

Секция учащихся-коммунистов вскоре послала своих представителей в литературную и в культурно-просветительную коллегии районного партийного комитета, на заседаниях которых представители секции давали отчеты о работе и жизни секции и принимали участие в работе коллегий.

Агитация секции учащихся-коммунистов велась во 2-м городском районе вплоть до 1-го января 1919 года. Для агитации по школам были выделены товарищи, многие из них изъявили добровольное согласие работать в деле агитации. Результатом работ этих агитаторов было образование новых пяти ячеек (коллективов) учащихся-коммунистов при школах района.

Секция учащихся-коммунистов получала все петроградские, кроме московских, газеты и журналы, организовала библиотеку — 120 книг. Агитационный Отдел при Смольном выдал три пуда агитационной литературы, которая была распространена по коллективам учащихся района, приблизительно по 7—9 фунтов литературы на каждый коллектив (коллективу бывш. 5-ой гимназии было дано — 200 книг, кол-ву школы-коммуны — 180 кн., кол-ву б. Демидовской гимн. — 230 кн., кол-вам б. 2-ой гимназии и б. Александр. гимназии — 300 кн., кол-ву гимназии Мушниковой — 170 кн., кол-ву латышск. школы — 170 кн., кол-ву еврейск. гимн. — 110 кн., кол-ву гимн. б. Витмера — 100 кн., кол-ву при бывш. реформат. уч-ще — 50 кн. и кол-ву б. коммерч. уч-ща — 50 книг). Кроме того секцией было распределено литературы на митингах и послано в коллективы учащихся Петроградского района — 150 брошюр.

Работала секция и по устройству митингов и лекций, привлекая в качестве лекторов партийных товарищей. Так 17-го декабря 1918 года член Р. К. П. (б) Ядвига Нетунская выступила с докладом «Коммунистическая партия и школа» перед аудиторией в 50 учащихся, а 7-го января 1919 года тот же доклад сделал тов. Плотинов перед аудиторией в 84 человека. Была также организована лекция Коптяева и Малишева — «Юмор в музыке», на которой присутствовало 200 учащихся.

Было распространено 198 билетов одиночных и в ложи в государственные театры, которые посетили 500 учащихся, просмотрев пьесы: «Севильский цирюльник», «Где тонко, там и рвется», «Провинциалка», «Завтрак у предводителя», «Гроза», «Недоросль», «Горе от ума» и «Бедность — не порок».

Для распределения среди учащихся-коммунистов секцией было получено и распределено 3.000 трамвайных билетов, какие получили 80 человек, в среднем на каждого по 40. Само же Бюро секции на свои поездки по разным учреждениям получило 100 билетов.

Приблизительно вот так рисуется и сама работа и обстановка работы этой районной секции учащихся-коммунистов на 1-е января 1919 года.

В первых числах февраля 1919 года по инициативе вышеупомянутого В. Сорокина во 2-м городском районе была организована районная организация Росс. Ленинск. Комм. Союза Молодежи, с числом членов в 170 человек. В эту районную организацию влилась целиком вся районная секция учащихся-коммунистов, многие из которых приняли живое участие в работе союзной организации — был организован клуб, были устроены два митинга, вечер в память Парижской Коммуны и т. д. и был возбужден перед районным партийным комитетом вопрос об организации секции учащихся-коммунистов и в других районах Петрограда.

К 10-му марта 1919 года результат работы районной секции учащихся-коммунистов 2-го городского района рисуется так:

К этому времени уже функционировало 12 коллективов учащихся-коммунистов при школах района (школ 2-ой ступени в районе в этот момент было 24). Эти коллективы работали: в школе-коммуне, в коммуне-школе имени Лесгафта, Латышской школе и в бывш. гимназиях — 2-ой, 5-ой, Александровской, Демидовской, Еврейской, Мушниковой, Витмера, Прокофьева и в Казанском училище. Кроме того были не зарегистрированы, за неимением списков, 2 коллектива: в городском училище на Исаакиевской площади и в техническом училище. Кроме того имелись группы сочувствующих в гимназиях в бывш. Коломенской и бывш. «св. Петра».

Кроме того товарищем В. Сорокиным были организованы 2 коллектива в Петроградском районе, — в 10-м и 11-м городских училищах, затем в 1-м городском районе — в Николаевском железнодорожном училище.

К 10-му марта 1919 года секция учащихся-коммунистов 2-го городского района налицо имела 98 членов, затем 30 человек, уехавших по разным причинам из города. Средний возраст членов секции был — 16 лет.

Не всегда ладно проходила жизнь и работа учащихся-коммунистов района. Секция регистрировала и репрессии по отношению к ним и возникавшие по разным причинам в школах района конфликты. Так в бывш. Демидовской гимназии в декабре 1918 года общее собрание учащихся постановило исключить всех учеников, членов коллектива. Так были зло настроены учащиеся, дети мел-

кой буржуазии, против своих товарищей учащихся-коммунистов. Культурно-просветительный отдел районного Совета вызвал к себе по этому поводу заведующего школой Аполлонова, который, вернувшись в школу, приказал ученическому Совету Старост сжечь протокол общего собрания учащихся.

В трудовой школе-коммуне заведующий Шатуновский и старший воспитатель Кудрявцев не допускали организации коллектива учащихся-коммунистов. Коллектив был все-таки организован и сообщил об истории своего возникновения в секцию. Была создана комиссия для расследования, и оба противника организации учащихся-коммунистов были удалены из школы.

В гимназии бывш. Мушниковой агитатор секции т. Корольков был не допущен в школу. Районный Совет «поднажал» на м-м Мушникову, и она «переменила свой гнев на милость».

В Казанском высшем начальном училище агитатор секции тов. Шваппенас встретил противодействие со стороны заведующего училищем, который заявил, что он не признает районный Совет, а признает только комиссариат народного просвещения. И тут пришлось воздействовать на зарвавшегося заведующего.

В бывшем реформатском училище, во 2-ой ступени, среди учащихся была и действовала сильная организация белогвардейцев учащихся. Училище было расформировано, а коллектив учащихся-коммунистов временно не работал.

В гимназии бывшего Человеколюбивого Общества коллектива учащихся-коммунистов не было. Там появились какие-то люди, именовавшие себя членами районной секции учащихся-коммунистов и натворили разных безобразий. Пришлось и тут принять ряд мер.

Первыми членами в 1919 году Р.Л.К.С.М. 2-го городского района Петрограда были все члены районной секции учащихся-коммунистов, вошедшие в ряды союза по постановлению общего собрания секции. Были устроены митинги организационным бюро районной организации Союза, и ряды организации еще более пополнились. К первому общему собранию членов районной организации союза в ее рядах было 150 чел., к 10-му марта — 190 чел., к 1-му мая — 325 чел., после перерегистрации к 15-му мая — 100 чел., к 15-му июля — 700 чел. и к 24-му июля, после перерегистрации — 500 человек.

В начале деятельности районной организации Р.Л.К.С.М. в районе имелось 14 коллективов при школах района, но они к маю все рассыпались. В мае были организованы в районе 6 новых коллективов на фабриках и заводах, но 4 из них замерли из-за отсутствия работников. К концу 1919 года в районе уже было

20 коллективов, из которых работало 14. Еженедельно устраивались собрания организаторов коллективов.

После перерегистрации членов Союза района, в мае из оставшихся 100 человек членов — 60 было отправлено на фронт. В мае даже не было районного комитета Союза. Всю работу вел по району тов. Усанов. 30-го мая был избран новый районный комитет, работа пошла было лучше, но организатор района, Кудряшов, стал лениться, был удален за это с поста, и вскоре районная организация Р.Л.К.С.М. 2-го городского района слилась со Спасским районом, после чего была объявлена перерегистрация, и на собрании перерегистрированных членов объединенного района был избран новый районный комитет: организатором района т. Усанов, секретарем — т. Кулешацкий, организатором клуба — т. Цейзик. Клуб был организован 1-го марта, но плохо функционировал, посещаемость клуба была до 80% всех членов района. Были организованы кружки: социально-экономической, музыкально-театральной, художественный, выразительного чтения, пластики, кройки и шитья и хоровой. Устраивались концерты-митинги в день Парижской Коммуны, 1-го мая и другие. Майская перерегистрация членов Союза и мобилизация сильно повлияли на работу клуба, которая возобновилась в июне. После июльской перерегистрации работа в клубе снова стала замирать, но к осени в клуб были направлены силы, и было положено начало организации библиотеки.

Районная организация Р.Л.К.С.М. 2-го городского района в 1919 году выделила из своих рядов на фронт 60 чел., в распоряжение политических отделов армии — 12 чел., на курсы командного состава — 5 чел., для массовой агитации (два раза) — 50 чел., на обыски, обходы и ревизии — 25 чел. К осени среди членов Р.Л.К.С.М. этой районной организации было членов Р.К.П.(б) 140 чел., кандидатов — 39 чел. и сочувствующих 43 чел.; интересен и состав по социальному положению членов Союза: матросов — 40 чел., красноармейцев — 140 чел., учащихся — 18 чел., незначительное число служащих и все остальные — рабочие.

В районном комитете союза было 6 человек членов Р.К.П.(б), 2 кандидата в члены партии и 3 беспартийных, но сочувствующих Р.К.П.(б) товарища.

К осени в районе было 21 коллектив Р.Л.К.С.М.: красноармейских 2 (работал 1), матросских 3 (работало 2), рабочих 12 (работало 9), сов.-служащих 3 (работало 2) и милиционеров 1 (работал).

Сообщил Георгий Шидловский.

